

И. Ефремов

НА КРАЮ ОЙКУМЕНИ

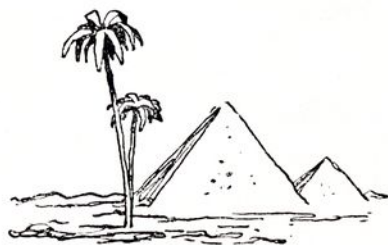
Молодая
гвардия

1952

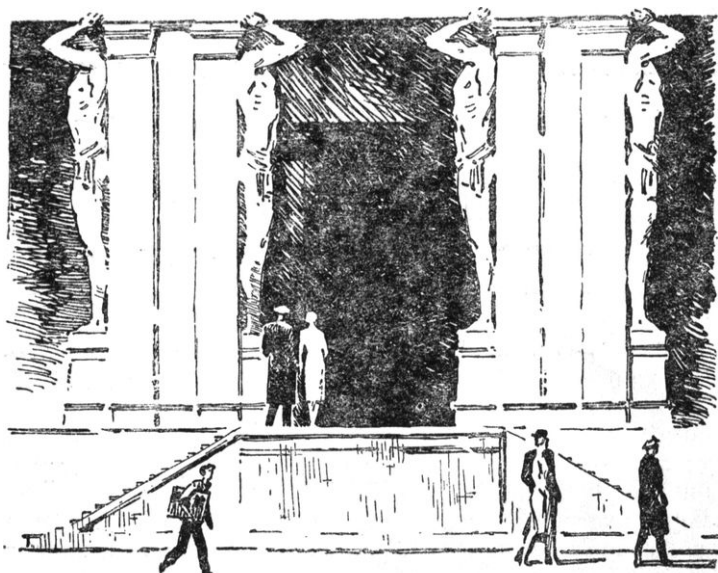
И. Ефремов

НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1952

ПРОЛОГ

Свежий осенний ветер неся над простором подернутой рябью Невы. Острый шпиль Петропавловской крепости в блеске солнечного дня казался золотым лучом, взвившимся в голубую высоту неба. Под ним плавно выгибал свою широкую могучую спину Дворцовый мост. Волны, качаясь и сверкая, мерно плескались на светлые гранитные ступени набережной.

Сидевший на скамье молодой моряк посмотрел на часы, вскочил и быстро пошел по набережной вдоль Адмиралтейства. Желтые стены легко поднимали

ввысь свой венец белых колонн в прозрачном осеннем воздухе.

Автомобили мягко неслись по отполированному асфальту, играя мечущимися вспышками солнца на начищенных стеклах и разноцветной эмали кузовов.

Молодой человек быстро шел по набережной, не обращая внимания на праздничную суету кругом. Он шагал уверенно и легко. Юноше стало жарко, он сдвинул на затылок свою морскую фуражку. Звенели, сползая с моста, трамваи. Молодой моряк пересек садик с деревьями, горевшими осенним багрянцем, прошел вдоль большой площадки и на секунду остановился перед входом, где великаны из полированного гранита подпирали массивный балкон над горбатым бордюром тротуара. Залеченные рубцы от немецких бомб еще виднелись на двух исполинских гранитных телах. Юноша вошел в тяжелую дверь, снял черную шинель и поспешил к широкой лестнице белого мрамора, устремлявшейся из полутемного вестибюля к светлой колоннаде, обрамленной рядом мраморных статуй.

Навстречу ему, радостно улыбаясь, шла стройная девушка. Ее внимательные, широко расставленные серые глаза потемнели, сделавшись теплыми. Моряк чуть смущенно взглянул на девушку. Она на ходу прятала номерок вешалки в раскрытую сумочку, — значит, он не опоздал. Юноша оживился и уверенно предложил начать осмотр снизу, с отделов древностей.

Пробившись сквозь толпу посетителей, юноша и девушка прошли между колоннами, подпиравшими расписанный яркими красками потолок. Они миновали несколько огромных зал. После обломков ваз и плит с непонятными надписями, после мрачных, черных изваяний древнего Египта, саркофагов, мумий и всех других предметов погребального обихода, выглядевших еще более сумрачно под сводами хмурых зал нижнего этажа, захотелось ярких красок и солнца. Юноша и девушка заторопились наверх. Они быстро прошли еще две комнаты, направляясь к боковой лестнице, ведущей в верхние залы из небольшого помещения с узкими окнами, сквозь которые глядело

бледное небо. Несколько восьмигранных конических витрин стояло между белыми колоннами, — мелкие произведения древнего искусства, выставленные в них, не привлекли внимания проходивших.

Внезапно перед глазами девушки в третьей витрине выступило пятно чудесного голубовато-зеленого цвета, такого яркого, что казалось, оно излучало свой собственный свет. Девушка подвела своего спутника к витрине. На серебристом бархате был наклонно прикреплен плоский камень с округлыми краями. Он был чрезвычайно чист и прозрачен, его сверкающий голубовато-зеленый цвет был неожиданно радостен, светел и глубок, с теплым оттенком прозрачного вина. На гладкой, видимо отполированной рукой человека, верхней грани выделялись четко вырезанные человеческие фигурки размером в мизинец.

Цвет, блеск и светоносная прозрачность камня резко выделялись среди пасмурной строгости зала и бледных красок осеннего неба.

Девушка услышала шумный вздох своего спутника, увидела его затуманенный воспоминанием взгляд.

— Таким бывает море на юге в ясную погоду, в полдневные часы, — медленно сказал молодой моряк. Непреклонная уверенность очевидца прозвучала в его словах.

— Я не видела этого, — откликнулась девушка, — только чувствую в этом камне какую-то глубину, свет или радость, не могу сказать, что именно... Где это находят такие камни?

Ни крупная общая четырем витринам надпись: «Антские погребения VII века, Среднее Приднепровье, река Рось», ни маленькая этикетка в самой витрине: «Гребенецкий курган, древнее родовое святилище», ничего не объяснили молодым людям. Непонятными были и предметы, окружавшие замечательный камень: обезображенные до неузнаваемости ржавчиной обломки ножей и копий, плоские чаши, какие-то подвески в форме трапеций из почерневшей бронзы и серебра.

— Это раскопано в Киевской области, — пытался сообразить юноша, — но я не слышал, чтобы там или

где-нибудь на Украине добывались подобные камни... У кого бы спросить? — молодой человек оглядел просторный зал.

Ни одного экскурсовода, как назло, не было поблизости, только сидела сторожиха в углу около лестницы.

Сверху послышались шаги, по лестнице в зал спустился высокий человек в тщательно отглаженном черном костюме. По тому, что сторожиха встала со стула и поздоровалась почтительно, девушка безошибочно догадалась, что этот человек здесь какое-то начальство. Она тихонько подтолкнула своего спутника, но тот уже шагал навстречу пришедшему и, вытянувшись по-военному, начал:

— Разрешите спросить?

— Разрешаю. Что угодно? — сказал ученый, и его спокойные глаза близоруко сощурились, рассматривая молодых людей.

Юноша объяснил, что именно их интересует. Ученый улыбнулся.

— У вас есть чутье, молодой человек! — одобрительно воскликнул он. — Вы напали на одну из самых интересных вещей нашего музея! Изображение на камне вы хорошо рассмотрели? Нет? Мелко? А зачем же здесь это приспособление? Смотрите! — Ученый схватился за деревянную рамку, прикрепленную на верхнем срезе витрины, опустил ее. Как раз против камня установилось большое увеличительное стекло. Щелкнул выключатель, яркий свет залил поверхность камня. Заинтересованные еще болсе, девушка и юноша заглянули в стекло. Вырезанные на камне фигуры, увеличившись, стали полными жизни. С одного края прозрачной голубовато-зеленой пластины тонкими скупыми линиями была обозначена фигурка обнаженной девушки, стоявшей с поднятой к щеке правой рукой. Завитки густых выющихся волос ложились на намеченную четкой дугой округлость плеча. Лицо, сделанное с особой тщательностью, как бы бросало вперед свою красоту в гордом повороте.

Всю остальную часть поверхности камня занимали три обнявшиеся мужские фигуры, выполнен-

ные с еще большим мастерством, чем изображение девушки.

Стройные, мускулистые тела замерли в момент движения. Повороты тел были сильны, резки и в то же время изящно сдержанны. В центре могучий человек, выше двух стоявших по сторонам, широко раскинул руки на их плечи. По бокам его двое, вооруженных копьями, стояли с внимательно наклоненными головами. В их позах была напряженная бдительность мощных воинов, готовых с уверенностью отразить любого врага.

Три маленькие фигурки были исполнены с большим мастерством. Идея — братство, дружба и совместная борьба — была в них выражена с необычайной силой.

Очарование прозрачного и светлого камня, служившего одновременно и фоном и материалом, усиливало красоту произведения. Теплый влажный отблеск, казалось исходивший откуда-то из глубины холодной прозрачности камня, придавал телам трех обнявшихся людей золотистую веселость солнечного света...

Под фигурами и на гладком сломе нижнего края можно было заметить неровно и поспешно нацарапанные непонятные знаки.

— Насмотрелись? Вижу, что вас захватило! — Голос ученого заставил вздрогнуть обоих молодых людей. — Хорошо. Хотите немного расскажу про камень? Этот камень — одна из загадок, какие встречаются нам иногда в исторических документах древности. В чем загадка? Слушайте по порядку. Это берилл*, минерал не из очень редких. Но такие голубовато-зеленые бериллы чистой воды крайне редки. Во всем мире находятся только на юге Африки. Раз. Теперь, на камне вырезана гемма, — подобные вещи любили делать в расцвете древнегреческого искусства в Элладе. Но берилл — камень очень твердый. Чтобы вырезать на нем изображения с такой тщательностью,

* *Берилл* — минерал из группы алюмосиликатов. Твердость 7,5—8. Разновидности, прозрачные и окрашенные в густой изумрудно-зеленый цвет, называются изумрудами и являются драгоценными камнями. Синевато-голубые разновидности называются аквамаринами, розовые — воробьевитами.

нужно резать только алмазами, — эллинские мастера их не имели. Два. Далее, из трех мужских фигур средняя, несомненно, изображает негра, правая — эллина, а левая — это какой-то человек из других средиземноморских народов: может быть, критянин или этруск. И, наконец, по технике изображения человеческого тела гемма должна бы относиться к эпохе расцвета Эллады. В то же время целый ряд особенностей указывает на время, несравненно более раннее. Я уже не говорю о том, что копья, здесь изображенные, совсем особенной, не свойственной ни Элладе, ни Египту формы... Целый ряд противоречивых, несовместимых указаний... но гемма-то существует, вот она...

Ученый помолчал, потом продолжал так же отрывисто:

— Есть еще много исторических загадок. Все они говорят одно: мало, мало мы знаем. Плохо представляем жизнь в древности. Например, здесь у нас в золотой кладовой есть среди скифских изделий одна золотая пряжка. Ей две тысячи шестьсот лет, а на ней изображен ископаемый саблезубый тигр * во всех подробностях. Так. А палеонтологи вам скажут, что этот тигр вымер триста тысяч лет назад... Ха!.. В египетских пирамидах вы увидите фрески, где с поразительной точностью нарисованы все породы зверей, обитавших в Египте. Среди них неизвестный зверь огромной величины, похожий на гигантскую гиену, — такой неизвестен ни в Египте, ни во всей Африке. Или в Каирском музее есть статуя девушки, найденная в развалинах города Ахетатона, в Египте, построенного в XIV веке до нашей эры, — вовсе не египтянка, и работа совсем не египетская — будто из другого мира. Мои коллеги вам сразу объяснят коротко — с-ти-ли-за-ция, — шутливо растянул слово ученый. — А я всегда при этом вспоминаю одну историю. В тех

* *Саблезубые тигры* — вымершая группа крупных кошек. Жили в конце третичного и в четвертичном периоде (от 6 миллионов до 300 тысяч лет тому назад). Отличаются длинными (до 0,3 метра) клыками верхней челюсти и связанной с их развитием способностью очень широко раскрывать пасть. Вероятно, охотились на самых крупных травоядных.

же египетских фресках часто встречалась одна рыбка. Небольшая, ничем не особенная. Но нарисована всегда кверху брюхом. Как это так: египтяне, такие точные художники, и вдруг неестественная рыба? Объяснили, конечно: и стилизация тут была и религия, от влияния культа бога Аммона. Вполне убедительно, ну и успокоились. А спустя пятнадцать лет выяснилось, есть в Ниле и сейчас такая рыбка и — совершенно точно — плавает она всегда кверху брюхом. Поучительно. Вот заговорился я, увлекся! До свиданья, молодые люди, интересуйтесь загадками истории...

— Одну минутку... профессор! — воскликнула девушка. — Неужели вы сами так и не можете объяснить... идею этой вещи... Ну так, сами для себя. Скажите нам... — девушка смутилась.

Ученый улыбнулся.

— Что с вами поделывать! То, что я скажу вам, будет просто догадка, не больше. Одно несомненно: настоящее искусство отражает жизнь, само живет и поднимается к новым высотам только в борьбе против старого. В те далекие времена, когда была создана эта гемма, процветали бесправие, угнетение и рабство. Множество людей влачило безысходную жизнь. Но борьба рабов за освобождение велась. Угнетенные поднимали оружие против беспощадного рабства. И вот, глядя на гемму с изображением трех воинов, хочется думать, что их дружба возникла в битве за свободу... Может быть, они вместе бежали на родину из плена... Мне кажется, эта гемма еще одно свидетельство далекой борьбы, которая бушевала тогда, но скрыта от нас веками. Сам неизвестный художник, возможно, участвовал в борьбе... Да это и не может быть иначе... От этого так и совершенно его произведение. Это, так сказать, отдельная одинокая победа нового над старым, свершенная в глубине прошлых веков. Эти свидетельства, доходящие до нас, особенно привлекают внимание советских людей, поднявшихся на борьбу со всем тем, что мешает росту нового. Во всем — в жизни, науке, искусстве. Вот и вы оба сразу обратили внимание на эту гемму.

Девушка и юноша снова приникли к стеклу, ошеломленные потоком сведений. Камень казался им таинственным и непонятным.

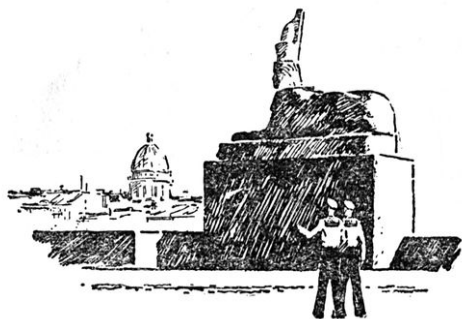
Глубокий, ясный и чистый цвет моря... на нем братское объятие трех людей. Сверкающий, яркий камень, обнаженная золотистость прекрасных тел, так светло выделявшаяся здесь, в пасмурном строгом зале... Юная девушка, полная жизни и женственного обаяния, стояла будто на краю моря.

Молодой моряк со вздохом распрямил уставшую спину. Девушка еще продолжала смотреть. Издалека по гулким проходам донесся топот ног и шум приближающейся экскурсии. Тогда и девушка оторвалась от стекла. Щелкнул выключатель, рамка была поднята, а голубовато-зеленый кристалл продолжал сверкать на бархате.

— Мы придем еще сюда, правда? — спросил моряк.

— Конечно, придем, не раз придем, — отозвалась девушка.

Юноша нежно взял ее под руку, и они задумчиво пошли вверх по белым ступеням лестницы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

УЧЕНИК ХУДОЖНИКА

Плоский камень далеко выдавался в море. Оно, невидимое в ночной темноте, слабо плескалось внизу. Камень еще не потерял дневной теплоты, и юноше не мешали порывы прохладного ветра, пробежавшие между скалами.

Юноша задумчиво смотрел вдаль, туда, где тонул во тьме конец серебряной полосы Млечного пути. Он следил за падающими звездами. Они вспыхивали сразу во множестве, пронизывали небо сверкающими иглами и скрывались за горизонтом, потухая, как раскаленные стрелы, упавшие в воду. Вновь рассыпались

по небу огненные стрелы и улетали в неведомую даль, в сказочные страны, лежавшие за морем, у самых пределов Ойкумены*.

«Спрошу у деда, куда они падают», — решил юноша и тут же подумал, как хорошо было бы лететь так через небо, прямо к неизвестной цели.

Да он уже не юноша — еще несколько дней, и он достигнет возраста воина. Но не воином он будет, а сделается знаменитым художником, прославленным скульптором. Он отличался от многих людей врожденной способностью видеть формы природы, чувствовать и запоминать их... Так сказал ему учитель — художник Агенор. И в самом деле, там, где другие равнодушно проходили мимо, он останавливался, потрясенный до глубины души, замечая то, чего еще не мог осмыслить и объяснить. Многообразные лики природы влекли его своими ежечасными переменами. Позже взор стал острее. Юноша мог сам выделять и надолго удерживать в памяти те черты, которые находил прекрасными. Неуловимая красота таилась повсюду — в изгибе гребня бегущей волны и в развевавшихся ветром завитках волос Тессы, дочери учителя, в стройных колоннах сосновых стволов и в грозных утесах, надменно возвышавшихся над морем. С тех пор стремление к созданию прекрасных форм стало его целью. Показать красоту тем, кто не в состоянии уловить ее. И что может быть прекраснее, чем тело человека! Но это передать — как раз самое трудное...

Вот почему так не похожи эти подхваченные памятью живые черты на те изображения богов и героев, которые он видит вокруг, которые сам учился делать! Даже творения самых искусных мастеров Энниады** не могли дать убедительного изображения живого человеческого тела.

* *Ойкумена* — населенная земля, по представлениям древних греков, окруженная кольцом пустынной, необитаемой суши, обтекаемой кругом океаном.

** *Энниада* — родина Пандиона, южный угол Акарнании, страны на юго-западной оконечности Северной Греции. Речь идет о древней Греции до ее объединения и расцвета.

Юноша смутно чувствовал, что в них искусственно выпячены и грубо усилены только отдельные черты, выражающие радость, волю, гнев или ласку, но и только. Ради силы впечатления скульптор жертвовал всем остальным. Нет, он должен суметь передать жизнь! Тогда он сделается величайшим скульптором своей страны и люди будут прославлять его, возгораясь созданными им произведениями. В них красота жизни впервые будет навеки запечатлена в бронзе или камне!

Юноша далеко унесся в смелых мечтах, но тут сильная волна гулко плеснула вниз. Несколько капель попало на камни и на лицо юноши. Он вздрогнул, очнувшись, и смущенно улыбнулся в темноте. Боги! Еще, наверное, далеко то время... А сейчас Агенор часто бранит его за неумелую работу и почему-то всегда оказывается правым... А дед? Тот мало интересуется его успехами как художника. Он озабочен только тем, чтобы сделать из своего внука знаменитого борца. Как будто для художника нужна сила! И все-таки хорошо, что дед так воспитал его!.. Юноша знал, что он на редкость силен и вынослив. Как приятно показать свою силу и ловкость на вечерних состязаниях в селении перед Тессой, радостно замечая огонек одобрения в глазах девушки!

Юноша вскочил с горящими щеками, все мускулы его тела напряглись. Он с вызовом подставил грудь ветру, поднял лицо к звездам и вдруг тихо рассмеялся.

Медленно приблизился он к краю камня, взглянул в темноту, казавшуюся бездонной, и, звонко крикнув, прыгнул вниз. Сразу ожила тихая, молчаливая ночь. Внизу было море, ласково охладившее его разгоряченную кожу, засверкавшее мельчайшими огоньками вокруг рук и плеч.

Волны, играя, выталкивали юношу наверх, стремились отбросить назад. Он поплыл, угадывая в темноте колебания воды, уверенно вскидываясь на высокие волны, внезапно встававшие перед ним. Пандиону казалось, что море не имело ни дна, ни края, сливаясь с темным небом в одно целое.

Большая волна подбросила юношу, он увидел на берегу отдаленный красный огонь. Легкое движение — и волны послушно понесли юношу на берег, к едва серевшему пятну песчаной отмели.

Слегка вздрагивая от холода, он снова вскарабкался на плоский камень, поднял свой плащ из грубой шерсти, свернул его и пустился бежать по берегу к огоньку костра.

Далеко вокруг разносился ароматный дым горевшего хвороста, собранного в зарослях кустарника.

В слабом свете тусклого пламени обозначалась стена маленького дома, сложенного из угловатых камней, а над ней выступ камышовой крыши. Далеко протянутые ветви одинокого платана прикрывали жилище от непогоды. У костра задумчиво сидел старик в сером плаще. Услышав шаги, он с улыбкой повернул в сторону подходившего юноши морщинистое лицо, темный загар которого оттенялся седой курчавой бородой.

— Где ты был так долго, Пандион? — с укоризной сказал старик. — Я уже давно вернулся и хотел поговорить с тобой.

— Я не думал, что ты так скоро, — оправдывался юноша, — и бегал купаться. Я готов слушать тебя хоть всю ночь.

Старик отрицательно покачал головой.

— Нет, беседа будет длинна, а утром тебе рано вставать. Я хочу завтра сделать тебе испытание, и нужно, чтобы ты был в полной силе. Вот свежие лепешки — я привез новый запас — и мед. Сегодня праздничный ужин: поешь, но, как подобает воину, немного и без жадности.

Юноша с удовольствием разломил лепешку и погрузил ее белый мягкий излом в глиняный горшочек с медом. Он ел, не отрывая глаз от деда, молча и нежно смотревшего на внука. Удивительны и совершенно одинаковы были глаза у старика и юноши — сияющие, золотистые, подобные сгущенному цвету солнечного луча. Народное поверье говорило, что люди, обладавшие такими глазами, происходили от зем-

ных возлюбленных самого «сына высоты» Гипериона *, бога солнца.

— Я думал сегодня о тебе, когда ты уехал, — говорил юноша. — Почему другие аэды ** живут в хороших домах и сытно едят, ничего не зная, кроме своих песен? А ты, дедушка, знаешь так много, так искусно слагаешь новые песни, а должен трудиться у моря. Лодка уже тяжела тебе, а я только один у тебя помощник. Ведь у нас нет рабов!

Старик улыбнулся и опустил перевитую жилами руку на кудрявую голову Пандиона.

— И об этом я хотел говорить с тобой завтра. Сейчас скажу только, что разные песни можно слагать о богах и людях. И если ты честен перед самим собою и открыты глаза твои, эти песни не будут приятны знатным владельцам земель и военным начальникам. И ты не будешь иметь ни богатых даров, ни рабов, ни славы, тебя не будут звать в большие дома, и песни не доставят тебе пропитания... Пора спать, — оборвал себя старик. — Смотри, Колесница Ночи *** уже поворачивается в другую сторону неба. Быстро мчатся ее черные кони, а отдых нужен человеку, чтобы быть сильным. Идем. — И старик направился к узкому входу убогой хижины.

Старик рано разбудил Пандиона.

Приближалась холодная пора осени: небо было в тучах, пронизывающий ветер шелестел сухим камышом, платан зябко трепетал разрезными листьями.

Под суровым и требовательным наблюдением деда Пандион занялся гимнастическими упражнениями. Тысячи тысяч раз, с детских лет, проделывал он их на восходе и закате солнца, но сегодня дед выбирал труднейшие упражнения и все увеличивал их число.

* Гиперион, позднее Феб. — бог солнца у греков.

** Аэды — народные певцы в древние времена истории Эллады. Позднее стали называться рапсодами.

*** Колесница Ночи — Большая Медведица.

Юноша метал тяжелое копье, бросал камни, перепрыгивал через препятствия с мешком песка за плечами. Наконец дед привязал к его левой руке тяжелый наплыв орехового дерева, в правую дал узловатую дубину, а к голове прикрепил обломок каменного горшка. Сдерживая смех, чтобы не потерять дыхания, Пандион по знаку, данному дедом, пустился бежать на север, туда, где береговая тропинка огибала крутой каменистый склон. Он вихрем пронесся по тропе, вскарабкался на первый уступ обрыва, спустился и еще быстрее побежал обратно. Старик встретил внука у хижины, освободил от всего снаряжения и принял щекой к его лицу, стараясь по дыханию определить степень утомления.

Юноша, помолчав, сказал:

— Я мог бы проделать это еще много раз, прежде чем попросить отдыха.

— Да, это так, — ответил старик медленно и гордо выпрямился: — Ты можешь быть воином, способным сражаться неутомимо и носить тяжесть медного оружия. Мой сын, твой отец, дал тебе здоровье и силу, я укрепил их в тебе и сделал тебя выносливым и смелым. — Старик окинул взглядом фигуру юноши, одобрительно посмотрел на широкую выпуклую грудь, сильные мышцы под гладкой, без единого пятнышка, кожей и продолжал: — У тебя нет родных, кроме меня, слабого старика, нет богатств и слуг, а вся наша фратрия* — три небольших селения на каменистом берегу... Мир велик, и много опасностей грозит одинокому человеку. Самая большая из них — потерять свободу, быть захваченным в рабство. Потому я приложил столько усилий, чтобы сделать из тебя воина, отважного и способного на всякое боевое дело. Теперь ты свободен и можешь служить своему народу. Пойдем принесем сейчас жертву Гипериону, нашему покровителю, в честь наступления твоей зрелости.

Дед и внук направились вдоль зарослей побуревшей осоки и камышей, туда, где, выдаваясь

* *Фратрия* — объединение нескольких родов. Из фратрий состояло племя в древние времена, когда еще силен был родовой общественный уклад жизни.

далеко в море, длинным валом поднимался узкий мыс.

Два толстых, широко распластавшихся дуба росли на конце мыса. Между ними из грубых плит известняка был сложен жертвенник, а позади стоял потемневший деревянный столб, обтесанный в виде человеческой фигуры. Это был древний храм, посвященный местному богу — реке Ахелу, впадавшей здесь в море.

Устье реки терялось в зеленых зарослях, кишевших птицами, прилетавшими с севера.

Впереди открывалось затуманившееся море. Оттуда шли волны, с плеском набегавшие на острый конец мыса, похожий на шею громадного животного, погрузившего голову в воду.

Торжественный гул волн, пронзительные крики птиц, свист ветра в камышах и шум дубовых ветвей — все эти звуки сливались в тревожную раскатистую мелодию.

На грубом каменном жертвеннике старик развел огонь. Он бросил в пылающий костер кусок мяса и лепешку. Окончив жертвоприношение, старик подвел Пандиона к большому камню у обрывистого края мшистой скалы и велел отвалить его в сторону. Юноша легко справился с тяжестью и, по указанию деда, засунул руку в глубокую щель между двумя слоями известняка. Звякнул металл — Пандион извлек крытые зелеными пятнами окиси медный меч, шлем и широкий пояс из квадратных медных пластин, служивший панцырем для нижней части туловища.

— Это оружие твоего рано погибшего отца, — тихо сказал дед. — Щит и лук ты должен будешь добыть себе сам.

Юноша, взволнованный, склонился над боевыми доспехами, осторожно счищая с металла налет окиси.

Старик сел на камень и, прислонившись спиной к скале, молча наблюдал за внуком, стараясь скрыть от него свою печаль.

Пандион, оставив доспехи, бросился к деду и порывисто обнял его. Старик обхватил рукой стан юноши, чувствуя узлы могучих мышц. Деду казалось, что он и его давно погибший сын как бы возрождались

заново в этом юном теле, созданном для преодоления препятствий.

Старик повернул к себе лицо внука и долго смотрел в открытые золотистые глаза.

— Теперь тебе надлежит решить, Пандион: пойдешь ли ты к вождю нашей фратрии, чтобы стать его воином, или останешься подручным у Агенора.

— Останусь у Агенора, — не раздумывая, ответил Пандион. — Если я пойду в селение к начальнику, мне придется там жить, есть вместе со всеми в собрании мужчин, и тогда ты останешься один. Я не хочу разлучаться с тобой и буду помогать тебе.

— Нет, теперь мы должны расстаться, Пандион, — с усилием, но твердо сказал старик.

Юноша удивленно отпрянул, но рука деда удержала его.

— Я исполнил обещание, данное моему сыну — твоему отцу, Пандион, — продолжал старик. — Теперь ты вступаешь в жизнь. Начало твоего пути должно быть свободно, а не отягчено заботой о беспомощном старике. Я удалюсь из нашей Энниады в плодородную Элиду*, где живут мои дочери со своими мужьями. Когда ты станешь прославленным мастером, ты найдешь меня...

На горячие протесты юноши старик только отрицательно качал головой. Много ласковых, умоляющих, негодующих слов было сказано Пандионом, пока он не понял, что непреклонное решение деда выношено годами, укреплено жизненным опытом.

С печалью, камнем лежавшей на душе, юноша весь день не отходил от деда, помогая ему готовиться к отъезду.

Вечером они оба уселись у перевернутой, заново проконопаченной лодки, и дед достал свою старую, выдавшую виды лиру. По-молодому сильный голос старого аэда понесся вдоль берега, замирая вдали.

Печальный напев напоминал размеренный плеск моря.

* Элида — область в северо-западной части Пелопоннеского полуострова.

По просьбе Пандиона, старик пел ему предания о происхождении их народа, о соседних землях и странах.

Сознавая, что он слушает в последний раз, юноша жадно ловил каждое слово, стараясь запомнить песни, с детства неразрывно слитые у него с обликом деда. Пандион образно представлял себе древних героев, объединявших разные племена.

Старый аэд пел о суровой прелести своей родины, где сама природа есть земное воплощение богов, о величии людей, умеющих любить жизнь и побеждать природу, не прячась от нее в храмы, не отворачиваясь от настоящего.

И сердце юноши взволнованно билось, — он точно стоял перед дорогами, бегущими в неведомую даль, открывающими за каждым поворотом новое и неожиданное.

Утром как будто вернулось жаркое лето. Чистая синева неба дышала зноем, неподвижный воздух наполнился звоном цикад, и солнце ослепительно отражалось от белых скал и камней. Море стало прозрачным и лениво колыхалось у берегов, приняв вид старого вина, колеблющегося в исполинской чаше.

Когда лодка деда скрылась вдаль, тоска стеснила грудь Пандиона. Он упал, упершись лбом на скрещенные руки. Он почувствовал себя мальчиком, одиноким и покинутым, потерявшим с отъездом любимого деда часть своего сердца. Слезы текли по рукам Пандиона, но это уже не были слезы ребенка, — они катились редкими тяжелыми каплями, не облегчая горя.

Далеко отошли мечты о великих делах. Ничто не утешало юношу — он хотел быть вместе с дедом.

Медленно и неумолимо пришло сознание невозвратимости потери, и юноша справился с собой. Устыдившись слез, закусив губы, он поднял голову и долго смотрел в морскую даль, пока смятенные мысли не потекли последовательно и плавно. Пандион встал, окинул взглядом горящий на солнце берег, маленький домик под платаном, и снова тоска сделалась нестерпимой. Он понял, что дни юности миновали, что не

вернется уж никогда беззаботная жизнь с ее наивными, полудетскими мечтами.

Медленно побрел Пандион к дому. Там он опоясался мечом и завернул в плащ свои вещи. Юноша плотно закрепил дверь, чтобы буря не ворвалась в дом, и пошел по каменистой тропинке, чисто выметенной морскими ветрами. Сухая и жесткая трава грустно шелестела под ногами. Тропинка подошла к холму, покрытому густым темнозеленым кустарником, мелкие листья которого, нагретые солнцем, издавали сильный аромат свежих оливковых выжимок. Здесь тропа разветвлялась на две: одна вела направо, к группе рыбацких хижин, стоявших на берегу моря, другая шла вдоль берега реки к селению. Пандион повернул налево; за холмом его ноги окунулись в горячую белую пыль, стрекотание цикад заглушило шум моря. Основание каменистого склона горы у реки тонуло в деревьях. Узкие листья олеандров, тяжелая зелень смоковниц перемежались с пышными кронами огромных орехов, — все это сливалось в сплошную клубящуюся массу, казавшуюся почти черной у обрывов белых известняков. Тропинка нырнула в прохладную тень и после нескольких поворотов привела к поляне, застроенной небольшими домиками, теснившимися к пологим скатам виноградников.

Юноша ускорил шаги и направился к низкому белому строению, скрывавшемуся за узловатыми стволами олив. Он вошел под навес, и навстречу ему поднялся невысокий чернобородый пожилой мужчина — мастер-художник Агенор.

— Ты пришел, Пандион! — радостно приветствовал юношу художник. — А я уже думал посылать за тобой... А, вот что! — Агенор заметил вооружение Пандиона. — Дай я обниму тебя, мой мальчик. Тесса, Тесса! — крикнул он. — Смотри, какой воин пришел к нам!

Пандион быстро повернулся. Из внутренней двери выглянула девушка в темнокрасном химатионе*, на-

* *Химатион* — верхняя одежда эллинских женщин: прямоугольный кусок ткани в виде шали. Набрасывался через плечо, в плохую погоду надевался и на голову.

кинутом поверх тонкого выгоревшего голубого хитона*. Радостная улыбка показала безупречные зубы, но через мгновение девушка нахмурилась, спрятав улыбку, и холодно обвела юношу взглядом.

— Видишь, Тесса рассердилась на тебя: два долгих дня ты не мог прибежать к нам и предупредить, что не будешь работать, — упрекнул Пандиона художник.

Юноша стоял молча, опустив голову, и исподлобья переводил взгляд с девушки на учителя.

— Что с тобой, мой мальчик, то-есть уже не мальчик, а воин? — спрашивал Агенор. — Ты печален сегодня. И что это за сверток ты принес?

Прерывающимся голосом, бессвязно, вновь переживая испытанное, Пандион рассказал об отъезде деда.

Пришла жена художника — мать Тессы.

Художник положил обе руки на плечи юноши:

— Мы давно полюбили тебя, Пандион, и рады тебе. А я счастлив, что ты выбрал путь художника и предпочел его жизни воина. Она не минует тебя позднее, сейчас же тебе нужно достичь многого, что дается лишь долгим трудом и размышлениями.

Пандион, по обычаю, склонился перед женой Агенора, и та покрыла его голову краем плаща, а затем ласково прижала к груди.

Девушка радостно вскрикнула и, смутившись, скрылась в глубине дома, провожаемая улыбкой отца.

Агенор, отдыхая, присел у входа в мастерскую. У дома росли старые оливковые деревья. Их огромные узловатые стволы причудливо переплетались, и задумчивый взор художника находил в них очертания людей и животных. Одно дерево напоминало колено-преклоненного великана, поднявшего над согнутой шеей широко расставленные руки. У другого корявые выступы ствола сливались в скорченное страданием, безобразное туловище. И все деревья сгибались, каза-

* Хитон — длинная одежда без рукавов из тонкой ткани. Домашнее одеяние эллинских женщин.

лось, с усилием подталкивая вверх тяжелую массу бесчисленных ветвей, покрытых серебристыми мелкими листьями.

По другую сторону дома мелькнула женская фигура в праздничном яркосинем химатионе с золотыми блестками. Художник узнал дочь в тот самый момент, когда девушка скрылась за склоном холма. Неслышно ступая босыми ногами, к Агенору приблизилась его жена и села рядом.

— Тесса опять пошла в сосновую рощу к Пандиону, — сказал художник и прибавил: — Дети думают, что нам неизвестна их маленькая тайна!

Жена его весело засмеялась, но, внезапно ставшая серьезной, спросила:

— Что ты думаешь о Пандионе теперь, когда он прожил у нас больше года?

— Я полюбил его еще больше, — ответил Агенор, и жена согласно наклонила голову. — Но... — художник замолчал, обдумывая дальнейшие слова.

— Он хочет слишком многого, — закончила за него жена.

— Да, он хочет многого, и много ему дано от богов. И некому научить его — я не могу дать ему то, что он ищет, — сказал художник с ноткой грусти в голосе.

— А мне кажется, что он мечется, не находя себя, он не похож на других юношей, — тихо сказала жена. — И я не понимаю, что ему еще нужно, а иногда просто жаль его.

— О милая, ты права: не даст ему счастья стремление достигнуть того, чего никто не сумел еще сделать. А тревогу твою... Я понимаю ее причину: ты боишься за Тессу?

— Нет, не боюсь, дочь моя горда и смела. Но я чувствую, что любовь к Пандиону может принести ей много горя. Плохо, когда человек, как Пандион, одержим исканиями — тогда любовь не излечит его от вечной тоски...

— Как излечила меня, — ласково улыбнулся жене художник. — А когда-то я, пожалуй, походил на Пандиона...

— Ну, нет, ты всегда был спокойнее и крепче, — сказала жена, погладив седеющую голову Агенора.

Тот смотрел вдаль, за деревья, куда скрылась Тесса.

Девушка торопливо шла к морю, часто оглядываясь, хотя и знала, что так рано в праздничный день никто не пойдет в священную рощу.

От белых обрывов бесплодных каменистых гор уже веяло жаром. Сначала дорога пролегла по равнине, покрытой колючками, и Тесса шла осторожно, чтобы не порвать подол своего лучшего хитона из тонкой, полупрозрачной материи, привезенной из-за моря. Дальше местность вспучилась холмом, сплошь покрытым кроваво-красными цветами. В ярком солнце холм пылал, как будто залитый темным пламенем. Здесь не было колючек, и девушка, высоко подобрав складки хитона, побежала.

Быстро миновав одинокие деревья, Тесса очутилась в роще. Стройные стволы сосен отливали восковым лиловым блеском, раскидистые вершины шумели под ветром, а ветви, опущенные мягкими, в ладонь длиной, иглами, превращали яркий солнечный свет в золотую пыль.

Запах нагретой смолы и хвои смешивался со свежим дыханием моря и разливался по всей роще.

Девушка пошла медленнее, бессознательно подчиняясь торжественному покою рощи.

Направо среди стволов перед нею возвышалась серая, обсыпанная хвоей скала.

На полянку падал столб солнечного света, и сосны вокруг казались вылитыми из красного золота. Сюда яснее доносился рокошущий гул моря, — невидимое, оно беспрестанно напоминало о себе низкими мерными аккордами.

Из-за скалы навстречу Тессе выбежал Пандион и привлек девушку к себе за протянутые руки, затем слегка оттолкнул ее от себя и зорко осмотрел, словно стремясь вобрать в себя весь ее облик.

Завитки ее блестящих черных волос трепетали вокруг гладкого лба, узкие брови приподнимались к вискам, переламываясь чуть заметно, и это придавало

большим синим глазам едва уловимое выражение на-смешливой гордости.

Тесса мягким движением отстранилась от юноши.

— Поспеши, сюда скоро придут! — сказала она, нежно глядя на юношу.

— Я готов, — с этими словами Пандион подошел к скале, рассеченной узкой вертикальной пещерой.

На глыбе известняка стояла незаконченная статуя в половину человеческого роста из плотной глины. Тут же были разложены деревянные инструменты скульптора — изогнутые пилочки, ножи и лопатки.

Девушка сбросила синий химатион и медленно подняла руки к застежкам, скреплявшим сборки разрезанной вдоль плеч легкой ткани.

Пандион следил за ней, улыбаясь и перебирая инструменты, но когда он отвернулся к статуе, восторженная улыбка медленно сползла с его лица. Еще очень далеко было этому грубому изображению до восхитительной живой Тессы. Но все же в глине появились уже пропорции ее тела. Сегодня все должно решиться. Он, наконец, перенесет на недвижимую глину обаяние живых линий.

Пандион хмуро и решительно повернулся к Тессе. Та искоса взглянула на него, кивнула головой. Потупив глаза, девушка оперлась на ствол сосны, подложив одну руку под затылок. Пандион молча погрузился в работу. Взгляд юноши сделался пронзительным, глаза перебегали с тела подруги на глину и обратно, заминая, соразмеряя и сравнивая.

Много дней уже шла эта борьба творческих рук с мертвой, безразлично податливой глиной, которую нужно было заставить принять прекрасную форму живого.

Время шло. Чуткое ухо юноши уже несколько раз улавливало подавленные вздохи уставшей Тессы.

Пандион прекратил работу, отступил от статуи, и Тесса невольно вздрогнула, услышав горький стон разочарования. Изображение стало гораздо хуже. То, что жило в нем и привлекало едва намеченными чертами, теперь, приглаженное и определившееся, умерло. Изваяние стало лишь тяжелым подобием смуглого

тела Тессы, стоявшей перед огромным сосновым стволом цвета темного золота.

Закусив губы, юноша сравнивал Тессу со статуей, напряженно стараясь отыскать ошибку. Ошибки не было, — это нельзя было назвать ошибкой: просто он не смог передать жизнь, остановить изменчивое движение форм тела. Ему казалось, что сила его любви, его восхищение красотой Тессы позволят ему подняться высоко, совершить великий творческий подвиг — и явится миру невиданная статуя... Так было вчера, было еще полчаса тому назад! И вот он не может... не умеет... не в силах... Даже для Тессы, которую так любит! Что же теперь делать? Весь мир помerk для Пандиона, инструменты упали на землю, кровь бросилась в голову. В отчаянии, сознавая свое бессилие, юноша бросился к девушке и упал на колени перед ней.

Девушка, смущенная и недоумевающая, положила ладони на горячее поднятое вверх лицо Пандиона.

И вдруг инстинктивным чутьем женщины она поняла, что делается в душе художника. С материнской любовью она склонилась над юношей, говорила ласковые слова, прижимала к себе голову Пандиона, скользя тонкими пальцами по кольцам коротких волос.

Бурное отчаяние юноши улеглось.

Вдали послышались голоса. Пандион оглянулся кругом; порыв его угас, а с ним ушла и гордая надежда. Ему казалось, что его юношеская мечта никогда не сбудется. Скульптор подошел к своей статуе и остановился в раздумье. Маленькая рука Тессы легла ему на сгиб локтя.

— Не смей, неразумный мальчик, — прошептала девушка.

— Не могу, не смею, Тесса, — согласился Пандион, не отрывая взгляда от изваяния. — Если бы эта... — юноша запнулся, — не была сделана с тебя, если бы не ты, я уничтожил бы ее сейчас же. Эта вещь так груба и некрасива, что не должна существовать и чем-то напоминать твой облик, — с этими словами юноша легко сдвинул камень вместе со статуей в глубь пе-

щеры. Он старательно замаскировал узкую щель обломками камней и пригоршнями сухой хвои.

Юноша и девушка направились на звук морского прибоя. Они долго шли молча. Пандион заговорил — он хотел, чтобы любимая поняла его тоску и разочарование. Девушка убеждала Пандиона не оставлять попыток, говорила о своей уверенности в нем, в его способности выполнить задуманное. Но Пандион был непреклонен. Только сегодня он понял, что еще далек от подлинного мастерства, что дорога к настоящему искусству лежит через долгие годы упорного труда.

— Нет, Тесса, я понял только теперь, что не могу воплотить тебя в статую! — страстно говорил он. — Я беден здесь и здесь, — он притронулся к сердцу и глазам, — чтобы передать твою красоту...

— Разве она не твоя, Пандион? — девушка порывисто закинула руки за шею художника.

— Да, Тесса, но как я иногда страдаю от нее! Я никогда не устану любоваться тобою и в то же время... не могу сделать статую. А я должен воплотить тебя в глине, дереве, камне. Я должен понять, почему так трудно передать живое, ибо если я сам не осмыслю этого, то как я смогу сделать живыми свои творения?

Тесса внимательно слушала юношу и, чувствуя, что сейчас перед ней открыта вся душа Пандиона, с горечью понимала свое бессилие. Тоска художника передавалась и ей, на сердце росла неопределенная тревога.

Вдруг Пандион улыбнулся, и не успела Тесса опомниться, как мощные руки подняли ее на воздух. Пандион побежал к берегу, опустил девушку на влажный песок и сам скрылся за круглым холмом.

Мгновение — и девушка увидела голову Пандиона на гребне приближавшейся волны. Скоро юноша вернулся. Трепетавшие под кожей мускулы его отряхивали воду, недавней печали не было и следа. И происшедшее в роще показалось Тессе не таким серьезным. Она тихо рассмеялась, вспомнив свое жалкое глиняное подобие и удрученное лицо его создателя.

Пандион тоже подсмеивался над собой, как мальчик, хвастался перед девушкой своей ловкостью и си-

лой. Так, медленно, часто останавливаясь, шли они к дому. И только на самом дне души Тессы продолжала гнеститься тревога.

Агенор тронул рукой колено Пандиона.

— Народ наш еще молод и беден, мой сын. Нужны века жизни в достатке, чтобы сотни людей могли посвятить себя высокому мастерству художника, сотни людей могли предаться изучению красоты человека и мира. А мы еще так недавно изображали своих богов, обтесывая каменные или деревянные столбы... Но вот ты стремишься понять законы красоты, и я могу предсказать, что наш народ пойдет дальше и выше других по пути изображения прекрасного. А сейчас в древних и богатых странах мастера гораздо искуснее нас...

Художник встал и извлек из угла комнаты большой ларец желтого дерева, достал из него сверток, покрытый красной материей. Сняв ее, он осторожно поставил перед Пандионом статуэтку в локоть величиной, сделанную из слоновой кости. Слоновая кость от времени порозовела, и ее полированная поверхность покрылась мельчайшими черными трещинками.

Статуэтка изображала женщину, державшую в протянутых руках двух змей, завившихся кольцами до локтевых сгибов. Тугой пояс с валиками по краям охватывал тонкую талию, поддерживая длинную, до пят, юбку, сильно расширяющуюся книзу и украшенную пятью поперечными золотыми полосками. Спину, плечи, бока и верхние части рук закрывала легкая накидка, оставлявшая обнаженной грудь и живот до талии.

Тяжелые волнистые волосы были подняты узлом не на затылке, как у эллинских женщин, а на темени. От узла отделялись густые пряди, покрывая сзади шею и спину.

Ничего подобного Пандион еще не видел. Чувствовалось, что эта статуэтка — создание великого мастера. Особенно привлекало внимание странно-равнодушное лицо статуэтки — плосковатое и широкое, с тяжело обозначенными скулами, с толстыми губами, со слегка выдающейся вперед нижней частью.

Прямые широкие брови усиливали выражение равнодушия на лице женщины, но грудь высоко вздымалась, точно в нетерпеливом вздохе.

Пандион оцепенел. Если бы он обладал искусством неизвестного мастера! Если бы резец его мог с такой же точностью и изяществом передавать форму, оживавшую под розовато-желтой поверхностью старой кости!

Агенор, довольный произведенным впечатлением, следил за юношей и медленно поглаживал щеку концами пальцев.

Прервав молчаливое созерцание, Пандион отставил драгоценную статуэтку подальше. Не отрывая глаз от тускло поблескивавшего творения древнего мастера, юноша тихо и грустно спросил учителя:

— Это из древних восточных городов? *

— О нет! — отвечал Агенор. — Она древнее их всех, древнее богатых золотом Микен, Тиринфа и Орхомен **. Я взял ее у Хризаора, чтобы показать тебе. Его отец в молодости плавал с отрядом на Крит и нашел ее среди остатков древнего храма в двадцати стадиях *** от развалин города морских царей ****, разрушенного страшными землетрясениями.

— Отец, — юноша, сдерживая волнение, с мольбой прикоснулся к бороде художника *****, — ты знаешь так много. Неужели ты не смог бы, если бы захотел, перенять искусство древних мастеров, научить нас, повести туда, где сохранились прекрасные творения? Неужели ты никогда не видел этих дворцов, воспетых в легендах? Я много раз мечтал о них, слушая деда!

* Пандион подразумевает восточную часть Греции, где в доэллинское время во второй половине II тысячелетия до нашей эры (1600—1200) был расцвет так называемой микенской культуры, непосредственно сменившей критскую. Эгейская, или критская, культура — еще не разгаданная культура доэллинского периода в Средиземноморье (в среднем II тысячелетие до нашей эры).

** Микены, Тиринф, Орхомены — культурные центры Микенской эпохи.

*** Стадия — мера расстояния, приблизительно равная 150 метрам.

**** Город Кносс — центр эгейской (критской) культуры.

***** Жест просьбы в древней Элладе.

Агенор опустил глаза, суровая тень набежала на спокойное и приветливое лицо.

— Я не сумсю объяснить тебе, — ответил он после недолгого размышления, — но ты сам скоро это почувствуешь: то, что умерло, нельзя возродить. Оно чужое нашему миру, нашей душе... оно прекрасно, но безнадежно... чарует, но не живет.

— Я понял, отец! — страстно воскликнул Пандион. — Мы будем только рабами мертвой мудрости, хотя и в совершенстве будем подражать ей. А нам нужно стать равными древним мастерам или сильнее их и тогда... о, тогда... — юноша замолчал, не находя слов.

Агенор загоревшимися глазами посмотрел на своего ученика, и его жесткая маленькая рука одобрительно сдвинула локоть юноши.

— Ты хорошо сказал, сказал то, что я не мог выразить. Да, древнее искусство для нас должно быть мерой и пробой, а идти нужно своим путем. А чтобы этот путь не оказался очень далек, учиться нужно и у древней мудрости и у жизни, — ты умен, Пандион...

Вдруг Пандион мягко скользнул на глиняный пол и обнял ноги художника.

— Отец и учитель, отпусти меня посмотреть древние города... Я не могу, боги мне свидетели... я должен видеть все это. Я чувствую в себе силу достигнуть высокого... Мне надо узнать родину тех редкостей, что иногда встречаются у наших людей, поражая их. Может быть, я... — юноша умолк, покраснев до ушей, но его прямой, смелый взор продолжал искать взгляда Агенора.

Тот сосредоточенно смотрел в сторону, хмурился и молчал.

— Встань, Пандион, — наконец произнес художник. — Я давно ждал этого. Ты не мальчик, и я не могу удержать тебя, хотя и хотел бы. Ты волен идти, куда тебе угодно, но я говорю тебе, как сыну, как ученику, более того, как равный другу, что желание твое губительно. Оно грозит тебе страшными бедствиями.

— Я не боюсь ничего, отец! — Пандион откинул назад голову, ноздри его раздувались.

— Я ошибся, ты совсем еще мальчик, — спокойно возразил Агенор. — Выслушай меня, положив сердце на ладони, если любишь меня.

И Агенор заговорил громким, напряженным голосом. Он рассказал, что в восточных городах еще живут древние обычаи, еще много произведений древнего искусства. Женщины, как тысячелетие тому назад на Крите, носят длинные жесткие юбки, раскрашенные с необыкновенной пестротой, и обнажают грудь, прикрывая плечи и спину. Мужчины в коротких рубашках без рукавов, с длинными волосами, вооружены маленькими тяжелыми бронзовыми мечами.

Город Тиринф окружен гигантской стеной в пятьдесят локтей * вышины. Эти стены сложены из колоссальных обтесанных глыб, украшенных золотыми и бронзовыми цветами, издалика сверкающими на солнце, как огни, разбросанные по стене.

Микены еще величественнее. На вершине высокого холма располагается этот город, ворота из огромных камней заперты медными решетками. Далеко видны большие постройки с равнины, окружающей холм.

Хотя свежи и яркие краски стенных росписей во дворцах Микен, Тиринфа и Орхомен, хотя попрежнему по гладким дорогам, выложенным большими белыми камнями, иногда проносятся колесницы богатых землевладельцев, но травую забвения все больше нарастают эти дороги, дворы пустующих домов, даже скаты могучих стен.

Давно прошло время богатства, время далеких плаваний в сказочный Айгюптос **. Теперь вокруг этих городов обитают сильные фратрии, обладающие множеством воинов. Их начальники подчинили себе все вокруг на далекие расстояния, захватили города в свои темены ***, согнули слабые роды и объявили себя властителями страны и людей.

* *Локоть* (приблизительно 0,5 метра) — основная мера длины в древности.

** *Айгюптос* — греческое название древнего Египта. Произошло от искаженного египетского Хет-Ка-Пта. Дворец духа Пта — другое название города Белых Стен, Мемфиса.

*** *Темен* — земельный надел крупного вождя.

Здесь, в Энниаде, еще нет таких могучих вождей, как нет городов и красивых храмов. Но зато там больше рабов — жалких, потерявших свободу мужчин и женщин. И среди них не только пленные, захваченные в чужих странах, но и рабы из своих же сограждан, принадлежащих к бедным родам.

И что уж говорить о чужеземных странниках: если не стоит за их плечами могущественная фратрия или племя, с которым ссориться небезопасно даже сильным вождям, или если нет у путешественника многочисленной дружины воинов, тогда только два пути могут быть у странника — смерть или рабство.

— Помни, Пандион, — художник схватил юношу за обе руки: — мы живем в суровое и опасное время — роды и фратрии враждуют между собой, обшчих законов не существует, вечный страх рабства висит над головой каждого скитальца. Эта прекрасная страна не годится для путешествия. Помни, что, покинув нас, ты будешь на чужбине без очага и закона, всякий может тебя унижить или даже убить, не боясь пени и мести *. Ты одинок и беден, я тоже ничем не могу помочь тебе — значит, тебе не собрать даже небольшого отряда! А один ты погибнешь очень быстро, если только боги не сделают тебя невидимкой. Видишь, Пандион, хотя кажется так просто: проплыть проливом тысячу стадий от нашего Ахелоева мыса до Коринфа, откуда полдня пути до Микен, день до Тиринфа и три до Орхомен, но для тебя это все равно, что отправиться за пределы Ойкумены! — Агенор встал и направился к выходу, увлекая за собой юношу. — Ты стал родным мне и моей жене, но я не говорю о нас... Представь страдания моей Тессы, если ты будешь влачить жалкие дни в рабстве на чужбине!

Пандион густо покраснел и ничего не ответил.

Агенор чувствовал, что не убедил Пандиона, а тот в нерешительности колебался между двумя могу-

* Убийца подвергался кровавой мести со стороны родственников, но мог заплатить пеню по соглашению и тем избавить себя от преследования.

чими влечениями — одним, удерживавшим его на месте, другим, влекущим вдаль, несмотря на неизбежную опасность.

И Тесса, не зная, что будет лучше, то восставала против его путешествия, то, полная благородной гордости, упрасивала Пандиона уехать.

Прошло несколько месяцев, и когда весенние ветры донесли из-за пролива * слабый запах цветущих холмов и гор Пелопоннеса, Пандион окончательно выбрал свой жизненный путь.

Теперь ему предстояло единоборство с чужим и далеким миром. Полгода, которые он хотел провести вдали от родных мест, представлялись ему вечностью. Временами Пандиона тревожило ощущение, будто он навсегда покидает свою родину... По совету Агенора и других мудрых мужей селения, Пандион ехал на Крит — обиталище потомков морского народа, родину древней культуры. Хотя огромный остров находился посреди моря, несравненно дальше древних городов Беотии и Арголиды **, поездка туда представлялась более безопасной для одинокого путешественника.

Остров, лежавший в центре морских путей, был заселен теперь разными племенами. На берегах его постоянно встречались иноземцы — купцы, моряки, грузчики. Разноязычное население Крита занималось торговлей и жило в большем мире, чем Эллада, и лучше относилось к приезжим. Только в глубине острова, за горными перевалами, еще ютились потомки древних племен, враждебно относившиеся к пришельцам.

Пандион должен был переправиться через Калидонский залив к острому мысу, расположенному против нижней Ахайи, и здесь наняться гребцом на одно из судов, отправлявшихся на Крит с шерстью после зимнего перерыва: в бурное время года утлые суда избегали далеких плаваний.

В день полнолуния молодежь селения собралась для танцев на большой поляне священной рощи.

* Подразумевается Коринфский залив.

** Область в восточной части Греции.

Пандион в задумчивости сидел на маленьком дворике у дома Агенора, угнетенный тоской. Завтра совершится неизбежное — он оторвет от сердца все любимое и родное ему и предстанет перед неизвестной судьбой. Его ждала разлука с возлюбленной, неверное будущее, одиночество...

В темном и молчаливом доме Тесса шелестела одеждой, потом появилась в черном отверстии двери, оправляя складки наброшенного на плечи покрывала. Девушка негромко окликнула Пандиона, который мгновенно вскочил и устремился ей навстречу. Черные волосы Тессы были закручены на затылке в тяжелый узел и обрамлены по темени тремя лентами, сходящимися вместе под узлом.

— Ты причесалась сегодня, как аттическая девушка! — воскликнул Пандион. — Это красиво!

Тесса, улыбнувшись, грустно спросила:

— Ты разве не пойдешь танцевать в последний раз, Пандион?

— А разве ты хочешь пойти?

— Да, я буду танцевать для Афродиты, — твердо промолвила Тесса. — И еще журавля.

— Танцевать журавля, этот аттический танец, для него ты так и причесана! У нас его, кажется, ни разу не танцевали.

— А сегодня будут все — для тебя, Пандион!

— Почему для меня? — удивился юноша.

— Разве ты забыл — журавля в Аттике танцуют в память, — голос Тессы задрожал, — счастливого возвращения Тезея* с Крита и в честь его победы... Пойдем, милый, — Тесса протянула обе руки Пандиону, и, прижавшись друг к другу, молодые люди вошли под деревья на краю селения.

...Море шумело навстречу, зовуще раскрывало свою беспредельную ширину. В ранних солнечных лу-

* *Тезей* — герой эллинских мифов, отправившийся на Крит и там победивший в подземельях лабиринта чудовище Минотавра. Ежегодно красивейшие девушки и юноши обрекались в жертву чудовищу. Тезей избавил родную Аттику от кровавой дани царю Крита.

чах морская даль вздымалась подобно выпуклой поверхности исполинского моста.

Медленные волны, розовея с зарей, несли издали, может быть от самого сказочного Айгюптоса, ключья золотистой пены. И солнечные лучи плясали, дробясь и качаясь, на неустанной, вечно подвижной воде, пронизывая воздух слабым, мерцающим сиянием.

За холмом скрылась тропинка, с которой еще были видны селение и семья Агенора, посылавшая последние приветы.

Прибрежная равнина была пустынна. Пандион остался наедине с Тессой перед морем и небом. Впереди, на песке, чернела маленькая лодка, на которой Пандион должен был обогнуть мыс при устье Ахелоя и переплыть Калидонский залив.

Девушка и юноша шли молча. Их медленные шаги были неверны: Тесса в упор смотрела на Пандиона, и он не мог отвести взгляд от лица любимой.

Скоро, слишком скоро они подошли к лодке. Пандион выпрямился, в глубоком вздохе расправил стесненную грудь. Настал момент, ожидание которого дни и ночи угнетало Пандиона. Так много нужно было сказать Тессе в эти последние минуты, но не было слов.

Пандион смущенно стоял, в голове мелькали обрывки мыслей, непоследовательные и бессвязные.

Вдруг Тесса внезапным движением крепко обняла Пандиона за шею и, точно боясь, что их могут подслушать, торопливо и прерывисто зашептала:

— Поклянись мне, Пандион, поклянись Гиперионом... страшной Гекатой *... Нет, лучше своей и моей любовью, что ты не поедешь дальше Крита, туда, в далекий Айгюптос... где тебя превратят в раба и ты исчезнешь из моей жизни... Поклянись, что вернешься скоро... — шопот Тессы прервался сдавленным рыданием.

Пандион прижал девушку к себе и произнес клятву, а в это время перед ним пронесли морские да-

* Геката (далеко разящая) — богиня луны и колдовства у эллинов.

ли, утесы, рощи, дома и развалины неведомых селений, все то, что сейчас отделит его от Тессы на шесть долгих месяцев, месяцев, в которые он не будет знать ничего о любимой и она о нем.

Пандион закрыл глаза, чувствуя, как бьется сердце Тессы.

Минуты все шли, неизбежность разлуки надвигалась, ожидание становилось невыносимым.

— В путь, Пандион, скорее... прощай... — прошептала девушка.

Пандион вздрогнул, отпустил Тессу и быстро пошел к лодке.

Поддаваясь сильным рукам, погружившаяся в песок лодка медленно сдвинулась, днище зашуршало по песку. Пандион вошел до колен в холодную плещущую воду и обернулся. Борт подбрасываемой на волнах лодки слегка ударял его по ноге.

Тесса, неподвижная, как статуя, стояла, устремив взгляд на мыс, за которым должна была сейчас скрыться лодка Пандиона.

В душе юноши что-то надломилось. Он сорвал лодку с отмели прыгнул в нее и взялся за весла. Тесса резко повернула голову, и порыв западного ветра подхватил ее распущенные в знак печали волосы.

Лодка быстро отплыла, повинаясь сильным ударам весел, а он, не отрываясь, смотрел на застывшую девушку. Ее лицо было высоко поднято прямо над обнаженным плечом.

Ветер закрыл лицо Тессы ее блестящими черными волосами, и девушка не пыталась поправить их. Сквозь волосы Пандиону видны были блестящие глаза, раздувающиеся ноздри и яркие полураскрытые губы. А волосы, шевелясь под ветром, густой массой окутывали шею. Концы их завивались бесчисленными колечками на щеке, виске и высокой груди. Девушка стояла без движения, пока лодка не удалилась от берега и не повернула носом на юго-восток.

Тессе казалось, что не лодка огибает мыс, а мыс, темный и мрачный в тени низкого солнца, выдвигается слева в море, постепенно приближаясь к лод-

ке. Вот он коснулся небольшой чернющей черточки в сверкающем море, вот она скрылась за ним.

Тесса, ничего более не сознавая, опустилась на плотный влажный песок.

Лодка Пандиона затерялась среди бесчисленных волн. Давно уже скрылся из глаз мыс Ахелоя, а Пандион продолжал грести изо всех сил, точно боялся, что тоска заставит его вернуться. Он ни о чем не думал, стараясь измучить себя работой под знойным солнцем...

Солнце перешло на корму лодки, и медленные волны приняли цвет темного меда. Пандион бросил весла на дно. Осторожно оттолкнувшись одной ногой, чтобы не опрокинуть узкую лодку, юноша прыгнул в море. Освежившись, он поплыл, подталкивая лодку перед собой, потом снова забрался в нее и выпрямился во весь рост.

Впереди виднелся острый мыс, а левее чернел продолговатый островок, ограничивавший с юга Калидонскую гавань — цель его плавания. Пандион снова принялся грести, и островок медленно рос, поднимаясь из моря. Вершина его распалась на отдельные игольчатые кроны деревьев. Скоро ряд стройных кипарисов, похожих на темные наконечники гигантских копий, предстал перед Пандионом. Деревья, защищенные от ветров крючковатым скалистым мысом, поднимавшимся с юга, устремлялись в чистую синеву неба. Юноша осторожно провел лодку между камней, отороченных скользкими рыжеватыми водорослями. Ровное песчаное дно было ясно видно сквозь прозрачную зеленовато-золотистую воду. Пандион вышел на берег, разыскал невдалеке от старого, поросшего мхом жертвенника полянку с мягкой весенней травой и допил запасенную в дорогу воду. Есть ему не хотелось. До гавани, скрывавшейся по ту сторону острова, было не больше двух десятков стадий.

Юноша решил прийти бодрым и свежим к владельцу корабля. Он лег отдохнуть.

С необычайной ясностью перед закрытыми глазами Пандиона возникли картины вчерашнего праздника...

Пандион и другие юноши селения лежали в траве, ожидая, пока девушки закончат танец в честь Афродиты. Девушки в легких юбках, собранных вокруг талии на разноцветных лентах, танцевали попарно, спиной друг к другу. Взявшись за руки, они посматривали через плечо, словно каждая из них любовалась красотой своей подруги.

Серебряными волнами в лунном свете взлетали и падали широкие складки белых юбок, смуглые тела танцовщиц, принявшие цвет светлого золота, гнулись, как гибкие стебли, в такт нежным и протяжным, грустным и радостным звукам флейты.

Потом юноши смешались с девушками и начали танец журавля, приподнимаясь на кончиках пальцев и раскидывая в стороны напряженные, как крылья, руки. Пандион был рядом с Тессой, не сводившей с него встревоженных глаз.

Вся молодежь селения была внимательнее обычного к Пандиону. Только сияющее лицо Эвримаха, влюбленного в Тессу, показывало, как он рад отъезду соперника, да поддразнивала насмешливая Энойе. Пандион замечал, что остальные не шутили с ним, как прежде, меньше было задорных колкостей — словно между ним, уезжавшим, и всеми остающимися уже легла какая-то граница. Отношение друзей одновременно выражало зависть и жалость, как к человеку, стоящему на грани большой опасности и выделенному среди всех остальных.

Луна медленно скрывалась за деревьями. На поляну выдвинулось широкое покрывало черной тени.

Танцы окончились. Тесса с подругами спела Ирескону — песню о ласточке и весне, любимую Пандионом. Наконец молодежь парами направилась по тропинке к селению. Пандион и Тесса шли позади всех, намеренно замедляя шаги. Едва они поднялись на гребень холма перед селением, как Тесса вздрогнула и остановилась, прижавшись к Пандиону.

Отвесные обрывы известняковых круч, вздымавшиеся позади виноградников, отражали лунный свет,

как исполинское зеркало. Казалось, над селением, прибрежной равниной и темным морем стояла прозрачная завеса серебристого света, полная зловещего очарования и молчаливой тоски.

— Мне страшно, Пандион, — шепнула Тесса. — Велика мощь Гекаты — богини лунного света, и ты отправляешься в те места, где она владевает...

Волнение Тессы передалось Пандиону.

— Нет, Тесса, не на Крите, а в Кари * владеет Геката, туда не лежит мой путь! — воскликнул юноша, увлекая девушку домой...

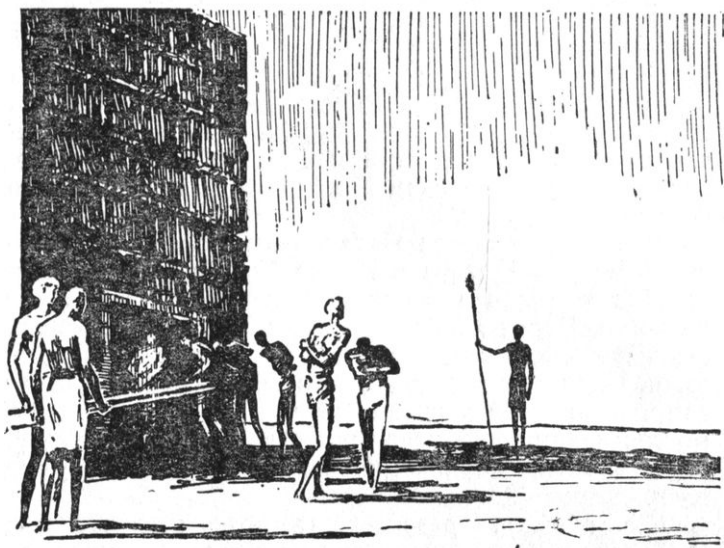
Пандион очнулся от грез. Нужно было поехать и продолжать путь. Он принес жертву морскому богу и, выйдя на берег, измерил свою тень **, переставляя ступни ног по ее отмеченной длине. Тень в девятнадцать ступней показала ему, что нужно торопиться — до вечера времени оставалось немного, пора было спешить на корабль.

Пандион, обогнув на лодке остров, увидел белый каменный столб — знак гавани — и начал грести быстрее.

* *Кария* — страна на побережье западной оконечности малоазийского полуострова.

** Измерением тени определяли время в древней Эллада.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕННАЯ СТРАНА

Ветер уныло свистел в жестких кустах, поднимая крупный песок. Хребет протягивался на восток, как дорога, насыпанная неведомыми гигантами. Он, изгибаясь, обрамлял обширную зеленую долину. Горы пологим откосом спускались к морю. Откос был покрыт ковром яркожелтых цветов и издалика казался огромным куском золота, поднимавшимся из сверкающей синевы моря.

Пандион ускорил шаги. Сегодня он особенно остро ощущал тоску по покинутой Энниаде. Он вспоминал, что ему не советовали забираться так далеко,

в эту замкнутую горами часть Крита, где потомки древнего морского народа были неприветливы с пришельцами.

Пандион торопился. За пять месяцев он побывал в разных концах огромного острова, длинной гористой полосой протянувшегося посреди моря. Молодой скульптор видел чудесные и странные вещи, оставленные древним народом в опустелых храмах и почти безлюдных городах.

Много дней провел Пандион в развалинах гигантского Дворца Секиры в городе Кноссе, первые постройки которого уходили к временам незапамятной давности. Бродя по бесчисленным лестницам дворца, юноша впервые увидел большие залы, с красными, суживающимися книзу колоннами, любовался картинами, ярко расписанными черными и белыми прямоугольниками или украшенными черными и голубыми завитками, напоминавшими череду бегущих волн.

Стены были разрисованы яркими картинами. У Пандиона захватывало дух от восторга, когда он глядел на изображения священных игр с быками, на процессии женщин с сосудами в руках, на девушек, пляшущих внутри ограды, за которой толпились мужчины, на неведомых гибких зверей среди гор и странных растений. Контуры фигур казались Пандиону неестественными, растения тянулись вверх на очень длинных стеблях, почти без листьев. Пандион понимал, что художники прошлых времен намеренно искажали естественные пропорции в стремлении выразить какую-то мысль, но она была непонятна юноше, выросшему на свободе, среди прекрасной, хотя и суровой природы.

В Кноссе, Тилиссе и Элире и в таинственных развалинах древней гавани* все дома вместо обычных тесаных глыб были построены из ровных и гладких плит серого слоистого камня. Пандион видел множество женских статуэток из слоновой кости, бронзы

* Так называемом «шиферном городе», древнее название которого осталось неизвестным.

и фаянса, чудесные сосуды, блюда и чаши из сплава золота и серебра, покрытые тончайшими рисунками.

Но поражавшее молодого скульптора искусство оставалось ему непонятным, как таинственные надписи, встречающиеся в развалинах и сделанные забытыми знаками на умершем языке. Великое мастерство, проявлявшееся в любой мельчайшей детали каждого произведения, не удовлетворяло Пандиона: ему хотелось большего — не ограничиваться отвлеченными изображениями, а воплотить живую красоту человеческого тела, перед которой он преклонялся.

И неожиданно для себя изображения людей и животных, выполненные с большой реальностью, Пандион увидел в произведениях искусства, привезенных из далекого Айгюптоса.

Жители Кносса, Тилисса и Элиры, показывавшие их Пандиону, говорили, что множество подобных вещей сохранилось на Крите в округе Феста, где обитали потомки морского народа. И Пандион, несмотря на предупреждения об опасности, решил проникнуть в горное кольцо на южном побережье Крита.

Еще несколько дней, и, посмотрев все, что можно, он поплывет домой, к Тессе. Пандион был теперь уверен в своих силах. Как ни хотелось ему поучиться у мастеров Айгюптоса, любовь к родине и Тессе была сильнее, крепко держала данная девушке клятва.

Как чудесно будет вернуться домой с последними осенними кораблями, заглянуть в синие блестящие глаза любимой, увидеть сдержанную радость Агенора, учителя, заменившего ему отца и деда!

Пандион, прищурившись, посмотрел на бесконечную ширь моря. Нет, там, впереди, чужие далекие страны, Айгюптос, а его родина позади, за высокой горной грядой. Он все еще идет от нее, а не к ней. Ему еще нужно посмотреть здесь, в Фесте, древние храмы, о которых он так много слышал на побережье. Вздохнув, Пандион ускорил шаги, почти побежал. Отрог хребта опускался вниз широким склоном, покрытым, как кочками, каменными буграми, между которыми темнели пятна зеленых кустарников. У по-

дошвы склона среди деревьев неясно виднелись развалины громадного здания, полуобрушившиеся стены, остатки сводов и уцелевшие ворота в рамке черно-белых колонн.

Развалины стояли безмолвно, изгибы стен были раскрыты перед Пандионом, точно исполинские руки, приготовившиеся обхватить жертву. Широкие свежие трещины — след недавнего землетрясения — бороздили поверхность стен.

Молодой скульптор тихо шел между руинами, стараясь не нарушать тишины, вглядываясь в темные углы под уцелевшими колоннами.

Обогнув выступавший угол, Пандион очутился в квадратной зале без крыши, стены которой были расписаны уже знакомыми яркими фресками. Вглядываясь в чередование коричневых и черных мужских фигур, несших щиты, мечи и луки среди странных зверей и кораблей, Пандион, вспомнив рассказы деда, догадался, что перед ним изображены путешествия военного отряда в страну черных, по древним преданиям, расположенную на самом краю Ойкумены.

Измученный этим свидетельством далеких путей древнего народа, Пандион долго вглядывался в стенные росписи, пока, повернувшись налево, не увидел посредине залы мраморный куб, украшенный синими розетками и завитками из стекла. У подножия куба лежали груды совершенно свежих, недавно сорванных цветов.

Значит, здесь был кто-то, значит, среди этих развалин живут люди! Затаив дыхание, юноша устремился к выходу, в портик, заросший высокой травой.

Портик из двух белых квадратных столбов и двух красных колонн стоял на краю небольшого обрыва, едва возвышавшегося над густой листвой деревьев. По обрыву изгибалась утоптанная пыльная тропинка. Юноша спустился в долину и оказался на гладкой, мощеной дороге. Пандион пошел на восток, стараясь бесшумно ступать по горячим камням. Широкие листья платанов с правой стороны дороги, едва трепетавшие в жарком воздухе, отбрасывали полосу тени. Путешественник облегченно вздохнул, укрывшись от

знойного солнца. Пандиону давно хотелось пить, но еще у себя на родине, бедной водой, он был приучен к воздержанию. Пройдя около двух стадий, юноша заметил впереди, у небольшого холма, где дорога поворачивала на север, длинное низкое здание. Несколько помещений, как ряд одинаковых ящиков, были открыты со стороны дороги и совершенно пусты. Пандион узнал старый дом для отдыха путешественников: он часто видел такие на дорогах северного побережья и поспешил войти в пестро раскрашенный центральный вход, разделенный единственной колонной. Слабое журчание привлекло истомленного жарой и долгим путем юношу. Пандион вошел в отделение ванны, где вода из большой трубы выложенного тяжелыми плитами источника стекала в широкую воронку, проделанную в стене, переливаясь через края трех бассейнов.

Сбросив одежду и сандалии, Пандион вымылся в чистой холодной воде, вдоволь напился и прилег отдохнуть на широкой каменной скамье. Журчание воды и легкий шопот листьев баюкали, заставляя слипаться глаза, воспаленные от солнца и ветра на горных перевалах: Пандион задремал.

Он спал не долго: тень от колонны, пересекавшая освещенный солнцем пол, почти не изменила своего положения. Пандион вскочил и быстро накинул свою несложную одежду. Он чувствовал себя свежим и отдохнувшим. Поев сухого сыра и снова напившись, юноша направился к выходу и вдруг замер: вдалеке послышались голоса. Он вышел на дорогу и стал оглядываться. Да, несомненно, в стороне от дороги, за густой зарослью кустов, был слышен смех, обрывки непонятных слов и изредка отрывистое звучание струн.

Пандион почувствовал одновременно радость и опасение, мышцы его напряглись, он невольно ощутил рукоятку отцовского меча. Прошептав несколько молитвенных слов своему покровителю и праотцу Гипериону, юноша пошел сквозь чащу прямо на голоса. В чаще было душно, резкий ароматический запах стеснял и без того затаенное дыхание.

Осторожно обходя высокие кусты с огромными колючками, пробираясь между стволами земляничного дерева с его тончайшей светлосерой и гладкой корой, Пандион приблизился к группе миртовых деревьев, плотной стеной преграждавших ему дорогу.

Среди плотной листвы висели гроздья белоснежных цветов. На миг перед Пандионом возник облик Тессы — миртовое дерево на его родине посвящено было девичьей юности. Голоса теперь звучали совсем близко — люди почему-то говорили приглушенно, и юноша понял, что он неправильно определил расстояние. Решительный момент наступил. Пандион, согнувшись, нырнул под низкие ветки и осторожно раздвинул их руками: на полянке, поросшей свежей травой, он увидел необычайное зрелище.

В центре поляны лежал огромный белоснежный бык с длинными рогами. По блестящей, выхоленной шерсти животного на боках и морде были разбросаны мелкие черные пятна.

Поодаль в тени расположилась группа: юноши, девушки и пожилые люди. Стройный человек с вьющейся бородой, с золотым обручем на голове, одетый в короткую рубашку, стянутую бронзовым поясом, выступил вперед и подал какой-то знак. Тотчас из группы отделилась девушка, закутанная в длинный тяжелый плащ. Она подняла руки вверх, от этого движения плащ упал. Девушка осталась в одной набедренной повязке, схваченной широким белым поясом, обшитым пушистым черным шнуром. Иссиня-черные волосы были распущены, на обеих руках выше локтей сверкали узкие браслеты.

Быстрыми, легкими шагами, точно танцуя, девушка приблизилась к быку и внезапно замерла, издав гортанный крик. Сонные глаза быка раскрылись и заблестели, он подогнул передние ноги и медленно приподнял тяжелую голову. С резким криком девушка стрелой бросилась вперед и вскочила на спину огромного животного.

Бык приподнялся на передних ногах и высоко задрал морду. Девушка прижалась к крутому спаду широкой спины, одной рукой уцепилась за рога, дру-

гой охватила непомерно толстую шею животного. Пандиону хорошо видно было строгое лицо девушки с крепко сжатыми губами. Контраст между красивыми, но огромными формами животного и стройным человеческим телом ошеломил Пандиона.

С глухим ревом бык вскочил на ноги и сделал скачок с удивительной для его исполинского тела легкостью. Девушка уперлась руками в мощную холку животного и перевернулась через голову. В мгновение она пролетела между рогами быка и встала на ноги в трех шагах от чудовища. Вытянув вперед руки, девушка хлопнула в ладоши и опять резко вскрикнула. Бык опустил рога и яростно бросился на нее. Пандион ужаснулся: гибель прекрасной и отважной девушки казалась неминуемой. Забыв о необходимой осторожности, юноша выхватил меч и хотел выскочить на поляну, но девушка снова с неувлимой быстротой прыгнула на быка и, миновав опущенные смертоносные рога, оказалась сидящей на его спине. Животное в неистовстве помчалось по лужайке, взрывая копытами землю и издавая грозное мычание. Юная победительница спокойно сидела на разъяренном быке, крепко сжимая коленями его крутые бока, раздуваемые частым дыханием. Бык подлетел к группе людей, приветствовавших его радостными криками. Звонкий удар в ладоши — девушка запрокинулась назад и спрыгнула на землю, оказавшись позади животного. Она, взволнованно дыша, присоединилась к зрителям.

Бык с разгону промчался до края поляны, повернулся и устремился на людей. Вперед выступили сразу пять человек — трое юношей и две девушки; прежняя игра повелась в более быстром темпе. Бык, хрипя, с топотом бросался на отвлекавших его криками и ударами в ладоши молодых людей, а те перепрыгивали через него, вскакивали ему на спину, на мгновение прижимались к нему сбоку, ловко избегая страшных рогов. Одна из девушек ухитрилась сесть верхом прямо на шею быка, впереди выпуклой мощной холки. Глаза животного вылезли из орбит, пена за клубилась на морде. Опуская голову, почти упираясь носом в землю, бык старался сбросить бесстрашную на-

ездницу. Она откидывалась назад, цепляясь за холку закинутыми назад руками, и упиралась ногами в основания ушей. Продержавшись несколько секунд, девушка спрыгнула на землю.

Юноши и девушки стали гуськом, на некотором расстоянии друг от друга, и по очереди перескакивали через налетавшее на них животное. Игра длилась долго, — бык носился с устрашающим ревом, грозя смертью, а гибкие человеческие фигуры бесстрашно мелькали вокруг.

Рев быка перешел в хриплый стон, шкура потемнела от пота, изо рта вместе с неровным дыханием вылетала пена. Еще немного — и бык остановился, опустив голову и поводя глазами. Крики зрителей огласили воздух. По знаку, данному человеком с золотым обручем, играющие оставили в покое побежденное животное. Люди, стоявшие и сидевшие на земле, собрались вместе, и не успел Пандион опомниться, как все исчезли в кустах.

На опустевшей поляне остался измученный бык, и только его хриплое дыхание да примятая трава свидетельствовали о происшедшем сражении.

Взволнованный Пандион только сейчас понял, как ему повезло. Ему удалось видеть древнюю игру с быком, столетия тому назад распространенную на Крите, в Микенах и других старинных городах Греции.

Гибкий, проворный человек побеждал в бескровной борьбе быка — священное животное древних, воплощение воинственной мощи, тяжелой и грозной силы. Молниеносной быстроте животного противопоставлялась еще большая быстрота. Точность движений спасала человеку жизнь. Пандион с малых лет старался развить силу и ловкость и теперь хорошо представлял себе, как много усилий нужно затратить для того, чтобы подготовить себя к участию в опасной забаве.

Пандион не решился последовать за игравшими и вернулся на дорогу. Он решил, что лучше искать гостеприимства у людей в тот момент, когда они дома.

Дорога на протяжении нескольких стадий шла прямо и затем вдруг резко сворачивала на юг, к мо-

рю. Деревья, окаймлявшие ее, исчезли, уступив место запыленному кустарнику. Тень Пандиона заметно удлинилась, когда он подошел к повороту. В кустах послышался шорох. Юноша остановился прислушиваясь. Какая-то птица, неразличимая против солнца, шумно взлетела и скрылась в кустах. Успокоенный Пандион двинулся дальше, уже не обращая внимания на звуки. Вдали послышались нежные, мелодичные призывы дикого голубя. На зов откликнулись еще две птицы, и вновь наступила тишина. В тот момент, когда Пандион огибал поворот, крики голубя прозвучали совсем близко. Юноша остановился, чтобы разглядеть птицу. Внезапно сзади себя Пандион услышал шум крыльев: над ним взвились две сизоворонки. Пандион обернулся и увидел трех человек с толстыми палками в руках.

Незнакомцы, оглушительно крича, бросились на юношу. Пандион мгновенно обнажил меч, но получил удар по голове. В глазах у юноши потемнело, он зашатался под тяжестью навалившихся на него тел — еще четыре человека, появившись из-за кустов, напали на него сзади. Сознание Пандиона затуманилось: он понял, что погиб, и продолжал отчаянно обороняться. От сильного удара по руке он выронил меч. Юноша упал на колени, перебросив через себя вскочившего ему на спину человека, ударом кулака свалил другого, третий со стоном отлетел от пинка ногой.

Нападавшие, видимо, не имели намерения убить пришельца. Они отбросили палки и, воодушевляя себя воинственными воплями, снова напали на Пандиона. Под тяжестью пяти тел он упал на землю лицом в дорожную пыль, наполнившую ему рот и нос, закрошившую глаза. Задыхаясь от чудовищного напряжения, Пандион поднялся на четвереньки, пытаясь стряхнуть с себя врагов. Они бросались ему под ноги, сдавливали шею. Куча тел опять рухнула на землю, пыль за клубилась вокруг, краснея в солнечных лучах. Нападающие, почувствовав необыкновенную силу и выносливость юноши, больше не кричали — на пустынной, безмолвной дороге раздавались только шум борьбы, стоны и хриплые вздохи сражающихся.

Пыль покрыла тела, одежда превратилась в грязные, изодранные тряпки, а борьба все продолжалась.

Несколько раз Пандион вскакивал, освободившись от противников, но враги одолевали вновь, цепляясь за ноги юноши. Вдруг победные крики огласили воздух: к нападавшим прибыло подкрепление — еще четыре человека вступили в борьбу. Руки и ноги юноши спутали крепкие ремни. Едва живой от усталости и отчаяния, Пандион закрыл глаза. Его победители, оживленно переговариваясь на непонятном языке, распростерлись в тени рядом с ним, отдыхая после тяжелой борьбы.

Поднявшись, они знаками велели юноше идти с ними. Пандион, понимая бесполезность сопротивления, решил сберечь силы до подходящего случая и кивнул головой. Незнакомцы развязали ему ноги. Окруженный тесным кольцом врагов, Пандион, пошатываясь, побрел по дороге.

Вскоре Пандион увидел несколько убогих построек из необделанных камней. Из домов вышли жители: старик с бронзовым обручем в волосах, несколько детей и женщин. Старик подошел к Пандиону, одобрительно оглядел пленника, пощупал его мускулы и весело сказал что-то сопровождающим Пандиона людям. Юношу подвели к небольшому домику.

С пронзительным скрипом открылась дверь — внутри оказался низкий очаг, наковальня с разбросанными вокруг инструментами и куча углей. На стенах висели два легких больших колеса. Невысокий старик со злым лицом и длинными руками велел одному из спутников Пандиона раздувать угли, снял с гвоздя металлический обруч и подошел к пленнику. Грубо подтолкнув его под подбородок, кузнец разогнул обруч, примерил на шею юноши, недовольно пробурчал что-то и нырнул в глубину кузницы; он с грохотом вытащил металлическую цепь, сунул конечное звено в огонь и принялся сгибать бронзовый обруч на наковальне, частыми ударами молотка подгоняя к нужному размеру.

Только сейчас юноша понял всю тяжесть случившегося. Дорогие образы, сменяя один другой, про-

мелькнули перед ним. Там, на родном берегу, ждет Тесса, уверенная в нем, в его любви и возвращении. Сейчас ему наденут бронзовый ошейник раба, он будет прикован на крепкой цепи, без надежды на скорое освобождение. А он считал последние дни своего пребывания на Крите... Он скоро уже мог бы приплыть в бухту Калидона, от которой начался путь, оказавшийся роковым.

— О Гиперион, мой прадед, и ты, Афродита, пошлите мне смерть или спасите, — тихо прошептал юноша.

Кузнец спокойно и методично продолжал свою работу, еще раз примерил ошейник, расплющил его концы, отогнул и пробил дыры. Оставалось заклепать цепь. Старик коротко буркнул, Пандиона схватили, знаками велели лечь на землю у наковальни. Юноша собрал все силы для последней попытки освободиться. Из-под ремней, скручивавших локти, брызнула кровь, но Пандион забыл про боль, чувствуя, что ремни ослабли. Мгновение — и они лопнули. Пандион ударил головой в челюсть навалившегося на него человека, и тот упал на пол. Юноша опрокинул еще двух и помчался по дороге. С яростными воплями враги погнались за ним. На крики выбегали мужчины, вооруженные копьями, ножами и мечами; число преследующих все увеличивалось.

Пандион свернул с дороги и, прыгая через кустарники, помчался к морю. По пятам с гневным ревом бежали преследователи.

Кусты поредели, начался небольшой подъем. Пандион остановился — далеко внизу, под стеной крутых скал, раскинулось сверкавшее в солнечных лучах море. В десятке стадий от берега был хорошо виден медленно плывущий красный корабль.

Юноша заметался по краю обрыва, стараясь найти тропинку для спуска, но отвесные скалы тянулись далеко в обе стороны. Выхода не было — из кустов уже бежали враги, на ходу выстраиваясь в изогнутую дугой линию, чтобы с трех сторон окружить Пандиона.

Юноша оглянулся на преследователей, посмотрел вниз. «Здесь смерть, там рабство, — промелькнуло у него в голове. — Ты простишь меня, Тесса, если узнаешь...» Больше нельзя было медлить.

Каменная глыба, на краю которой стоял Пандион, висела над обрывом. На двадцать локтей ниже выдавался другой уступ. На нем росла низкая сосна.

На прощанье окинув взглядом любимое море, юноша прыгнул вниз на густые ветви одиноко стоявшего дерева. Яростный крик врагов на секунду достиг его ушей. Пандион пролетел, ломая сучья и раздирая тело, до нижних толстых ветвей, миновал выступающее ребро утеса и упал на мягкую осыпь рыхлого склона. Юноша скатился еще на двадцать локтей ниже и задержался на выступе скалы, влажном от залетавшей сюда во время прибоя пены. Ошеломленный, еще не сознавая, что спасся, юноша приподнялся и встал на колени. Сверху преследователи старались попасть в него камнями и копьями. Море плескалось под ногами.

Корабль приблизился, словно моряки заинтересовались происходящим на берегу.

В голове Пандиона глухо шумело, он чувствовал сильную боль во всем теле, глаза заволокло слезами. Он смутно сознавал: когда его преследователи принесут луки, гибель будет неизбежной. Море манило его, близкий корабль казался посланным богами спасением. Пандион забыл, что судно могло быть чужеземным или принадлежать врагам, — ему казалось, что родное море не обманет.

Пандион встал на ноги и, убедившись, что руки действуют, прыгнул в море и поплыл к кораблю. Волны накрывали с головой, избитое тело плохо подчинялось его воле, раны мучительно жгло, в горле пересохло.

Судно приближалось к Пандиону, с него раздавались ободряющие крики. Послышался резкий скрип весел, корабль вырос над головой юноши, сильные руки подхватили Пандиона и подняли на палубу... Юноша безжизненно распростерся на теплых досках, погрузившись в беспамятство. Его привели в сознание,

дали воды — он долго и жадно пил. Пандион почувствовал, что его оттащили в сторону и чем-то накрыли. Молодой скульптор погрузился в глубокий сон.

Горы Крита еле виднелись у горизонта. Пандион пошевелился и, невольно застонав, очнулся. Он находился на корабле, не похожем на суда его родины — низкобортные, с защищенными плетенкой из прутьев боками, с веслами, выведенными над трюмом. У этого корабля были высокие борта, гребцы сидели под палубными досками, по обе стороны прореза, расширявшегося в глубину трюма. Парус на мачте в центре судна был более высоким и узким, чем на эллинских кораблях.

Груды кож, наваленные на палубе, издавали тяжелый запах. Пандион лежал на узкой треугольной площадке у острого носа судна. К юноше подошел бородастый горбоносый человек в толстой шерстяной одежде, протянул ему чашку теплой воды, смешанной с вином, и заговорил на незнакомом языке с резкими металлическими интонациями... Пандион покачал головой. Человек притронулся к его плечу и повелительным жестом указал на корму судна. Пандион обернул вокруг бедер смоченные кровью лохмотья и направился вдоль борта к навесу на корме.

Там сидел худой, такой же горбоносый, как и приведший Пандиона, человек. Он раздвинул в улыбке губы, обрамленные жесткой, выдающейся вперед бордой. Его сухое, обветренное и хищное лицо, казавшееся отлитым из бронзы, выражало жестокость.

Пандион сообразил, что попал на торговое судно финикийцев и видит перед собой начальника или хозяина корабля.

Первые два вопроса, заданные ему начальником, Пандион не понял. Тогда купец заговорил на ломаном ионическом наречии, знакомом Пандиону, примешивая к нему карийские и этрусские слова. Он спросил Пандиона о его приключении, узнал, откуда он родом, и, приблизив к нему горбоносое лицо с острыми немигающими глазами, сказал:

— Я видел, как ты бежал, — это поступок, достойный древнего героя. Мне нужны такие бесстрашные и сильные воины — в этих морях и на их берегах много разбойников, грабящих наших купцов. Если будешь служить мне верно, легка будет твоя жизнь и я вознагражу тебя.

Пандион отрицательно покачал головой и несвязно рассказал, что ему нужно скорее вернуться на родину, умоляя высадить его на ближайшем острове.

Глаза начальника зло заблестели.

— Мой корабль направляется прямо в Тир*, на пути моем одно море. Я царь на своем корабле, и ты в моей власти. Я могу приказывать сейчас же покончить с тобой, если это понадобится. Ну, выбирай: или тут, — финикиец указал вниз, где под палубой мерно двигались весла и раздавался унылый напев гребцов, — ты будешь рабом, прикованным у весла, или получишь оружие и присоединишься вот к тем, — палец купца повернулся назад и ткнул под навес: там лениво лежали пять здоровенных полунагих людей с тупыми и зверскими лицами. — Я жду, решай скорее!

Пандион беспомощно оглянулся кругом. Корабль быстро удалялся от Крита. Расстояние между Пандионом и его родиной все увеличивалось. Помощи ждать было неоткуда.

Пандион решил, что в роли воина ему легче будет сбежать. Но финикиец, хорошо знавший обычаи эллинов, заставил его принести три страшных клятвы в верности.

Начальник смазал раны юноши целебным составом и отвел к группе воинов, поручив накормить.

— Только смотреть за ним хорошенько! — приказал он уходя. — Помните, что все вы отвечаете передо мной за каждого в отдельности!

Старший из воинов, одобрительно усмехаясь, потрепал по плечу Пандиона, пощупал мускулы и что-то

* Тир — древняя столица Финикии к югу от современного Бейрута, на юге нынешней Сирии.

сказал остальным. Те громко захохотали. Пандион недоуменно посмотрел на них, глубокая печаль сейчас отделяла его от всех людей.

До Тира оставалось не более двух дней плавания. За четыре дня, проведенные на корабле, Пандион несколько освоился со своим положением. Ушибы и раны, оказавшиеся неглубокими, зажили.

Начальник корабля, заметив ум и разнообразные знания Пандиона, был доволен юношей и несколько раз беседовал с ним. От него Пандион узнал, что едет древним морским путем, проложенным народом острова Крит в южную страну черных. Путь кораблей лежал мимо враждебного и могущественного Айгюптоса, вдоль берегов огромной пустыни до Ворот Туманов*.

За Воротами Туманов, где скалы юга и севера сближались, образуя узкий пролив, лежал предел земли — огромное Туманное море**. Здесь корабли поворачивали на юг и вскоре достигали берега жаркой страны черных, богатой слоновой костью, золотом, маслом и кожами. Именно этим путем шли дальние экспедиции жителей острова Крит — Пандион видел изображение такого путешествия в роковой для него день. Морской народ достиг дальних стран юга, куда не доходили посланцы из Айгюптоса.

Теперь корабли финикийцев плавают вдоль берегов юга и севера, добывая дешевые товары и сильных рабов, но редко заходят дальше Ворот Туманов.

Финикиец, догадываясь о незаурядных способностях Пандиона, хотел оставить его у себя. Он манил юношу прелестью дальних путешествий, рисовал ему картины будущего возвышения, предрекал, что после десяти-пятнадцати лет хорошей службы эллин сам сможет стать купцом или начальником корабля.

Юноша слушал финикийца с интересом, но он знал, что жизнь торговца не для него, что он родину, Тессу

* *Ворота Туманов* — Гибралтарский пролив.

** *Туманное море* — Атлантический океан.

и свободную жизнь художника не променяет на богатство в чужой стране.

С каждым днем все нестерпимее становилось желание увидиться хотя бы на миг с Тессой, вновь услышать могучий шум священной сосновой рощи, где прошло столько счастливых часов. Юноша подолгу не засыпал, лежа рядом с храпящими спутниками, и сдерживал биение сердца, заглушал стон отчаяния.

Начальник корабля приказал ему учиться искусству кормчего. Медленно ползло время для Пандиона, когда он стоял у рулевого весла, соразмеряя направление корабля с движением солнца, или, следуя указаниям кормчего, ориентировался по звездам.

Так было и в эту ночь. Пандион опирался бедром о борт судна и, вцепившись в рукоятку руля, преодолевал сопротивление усиливающегося ветра. По другую сторону судна стоял кормчий с одним из воинов*. Звезды мелькали в просветах туч, надолго скрываясь в темноте хмурого неба, а унылый голос ветра, постепенно понижаясь, переходил в угрожающий гул.

Корабль бросало, весла глухо стучали, то и дело слышался пронзительный голос воина, подгонявшего рабов бранью и ударами плети.

Начальник, дремавший в глубине навеса, вышел на палубу. Он внимательно вглядывался в море и, явно встревоженный, подошел к кормчему. Они долго перговаривались. Начальник разбудил спавших воинов и, послав их к рулевым веслам, сам встал рядом с Пандионом.

Ветер резко повернул и яростно набросился на корабль, волны громоздились все выше, заливая палубу. Мачту пришлось убрать — положенная на кипы кож, она выдавалась над носом судна, глухо стуча о высокий волнорез.

Борьба с волнами и ветром становилась все отчаяннее. Начальник, бормоча про себя не то молитвы, не то проклятия, приказал повернуть корабль к югу. Подхваченное ветром, судно быстро понеслось в не-

* У кораблей древних было два рулевых весла, по одному с каждой стороны кормы.

ведомую черную даль моря. За тяжелой работой у руля ночь быстро прошла. Светало. В сером сумраке стали яснее видны метавшиеся грозные волны. Буря не утихла. Ветер, не ослабевая, налетал, давил на корабль.

Тревожные крики огласили палубу — все находившиеся на ней указывали начальнику за правый борт судна. Там, в хмуром свете рождающегося дня, море пересекала огромная пенная полоса. Волны замедляли свой бешеный бег при подходе к этой голубовато-серой ленте.

Весь экипаж корабля обступил начальника, даже кормчий отдал руль воину. Тревожные выкрики сменились быстрой, горячей речью. Пандион заметил, что все внимание устремлено на него: в его сторону показывали пальцами, грозили кулаками. Ничего не понимая, Пандион следил за начальником, делавшим гневные, протестующие жесты. Старый кормчий, схватив хозяина за руку, что-то долго говорил, приблизив губы к его уху. Начальник отрицательно качал головой, выкрикивая отрывистые слова, но, наконец, видимо, сдался. Мгновенно люди бросились на ошеломленного юношу, закручивая ему назад руки.

— Они говорят: ты принес нам несчастье, — сказал начальник Пандиону, презрительно обводя рукой стоявших вокруг. — Ты вестник бедствия, из-за твоего присутствия на судне случилось несчастье. корабль отнесен к берегам Та-Кемта *, по-вашему—Айгюптоса. Чтобы умилостивить богов, тебя надо убить и бросить за борт — этого требуют все мои люди, и я не могу защитить тебя.

Пандион, все еще не понимая, впился взглядом в финикийца.

— Ты не знаешь, что попасть на берег Та-Кемта для нас всех смерть или рабство,—проворчал тот угрюмо.—В древние времена у Та-Кемта была война с морскими народами. С тех пор тот, кто пристанет к берегам этой страны вне указанных для чужеземцев трех гаваней, подлежит плену или казни, а его иму-

* *Та-Кемт* (черная земля), в просторечии Кемт или Кемит (просто — «черная») — так называли сами египтяне свою страну.

щество идет в казну царя Та-Кемта. Ну, понял теперь? — оборвал он свою речь, отворачиваясь от Пандиона и вглядываясь в приближавшуюся пенную полосу.

Пандион понял: ему снова угрожает смерть. Готовый до последней минуты сражаться за жизнь, которую он так любил, он обвел беспомощным и ненавидящим взглядом озлобленную толпу на палубе.

Безвыходность положения заставила его решиться.

— Начальник! — воскликнул юноша. — Прикажи своим людям отпустить меня — я сам брошусь в море!

— Я так и думал, — сказал финикиец, обернувшись к нему. — Пусть учатся у тебя эти трусы!

Повинуясь повелительному жесту начальника, воины отпустили Пандиона. Ни на кого не глядя, юноша подошел к борту корабля. Все молча расступились перед ним, как перед человеком, идущим на смерть.

Пандион сосредоточенно глядел на пенную полосу, скрывавшую плоский берег, инстинктивно соразмеряя свои силы с быстротой злобных волн. В голове мелькали обрывки мыслей. «Страна за полосой пены * — пенная страна... Африка».

Это и есть тот страшный Айгюптос!.. А он поклялся Тессе своей любовью, всеми богами даже не думать о пути сюда!.. Боги, что делает с ним судьба... Но он, наверное, погибнет, и это будет самое лучшее...

Пандион бросился вниз головой в шумящую пучину и, напрягая сильные руки, отплыл от корабля. Волны подхватили юношу. словно наслаждаясь гибелью человека, они швыряли его вверх, опускали в глубокие провалы, наваливались на него, давили и топили, заполняя рот и нос водой, хлеща по глазам пеной и брызгами. Пандион больше ни о чем не думал — он отчаянно боролся за жизнь, за каждый глоток воздуха, неистово работая руками и ногами. Эллин, рожденный на море, был прекрасным пловцом.

Время шло, а волны все несли и несли Пандиона к берегу. На корабль он не оглядывался, забыв о его существовании перед неизбежностью смерти. Скачки

* Афрос — пена по-древнегречески.

валов стали реже. Волны катились медленнее, длинными грядами, поднимая и обваливая грохочущие навалы вспененных гребней. Каждая волна переносила юношу на сто локтей вперед. Иногда Пандион соскальзывал вниз, и тогда исполинская тяжесть воды каскадом обрушивалась на него, погружая в темную глубину, и сердце пловца готово было лопнуть от напряжения.

Несколько стадий проплыл Пандион, много времени шла борьба с волнами, и, наконец, силы его иссякли, юноша чувствовал, что ему труднее сопротивляться объятьям водяных великанов. Вместе с потерей сил угасла и воля к жизни, все тяжелее было напрягать ослабевшие мускулы, все меньше было желания продолжать борьбу. Рывками почти безвольных рук юноша поднялся на гребень волны и, повернув лицо к далекой родине, закричал:

— Тесса, Тесса!..

Имя любимой, дважды брошенное в лицо судьбе, в лицо чудовищной и равнодушной мощи моря, было сейчас же заглушено ревом бурных волн. Вал накрыл неподвижное тело Пандиона, с грохотом рассыпался над ним, и юноша, погружаясь, вдруг ударился о дно в вихре взбаламученных песчинок.

Два дозорных воина в коротких зеленых юбках — знак принадлежности к береговой страже Великого Зеленого моря*, опираясь на длинные тонкие копья, осматривали горизонт.

— Начальник Сенеб напрасно послал нас, — лениво проговорил один из них, постарше.

— Но корабль финикийцев был у самого берега, — возразил другой. — Если бы не прекратилась буря, получили бы легкую добычу — у самой крепости...

— Посмотри туда, — перебил его старший, показывая вдоль берега. — Пусть я останусь без погребения, если это не человек с корабля!

Оба воина долго всматривались в пятно на песке.

* Так называлось у египтян Средиземное море.

— Пойдем назад, — предложил, наконец, младший. — Мы и так много бродили по песку. Кому нужен труп презренного чужеземца вместо богатой добычи — товара и рабов, уплывших вместе с кораблем..

— Ты сказал, не подумав, — снова прервал его старший. — Иной раз эти купцы бывают богато одеты и носят на себе драгоценности. Золотой перстень не повредит тебе — зачем нам давать отчет Сенебу о каждом утопленнике...

Воины зашагали по плотной, утрамбованной бурей полосе влажного песка.

— Где ж твои драгоценности? — насмешливо спросил младший старшего. — Он совсем гол!

Старший угрюмо пробормотал проклятие.

Действительно, лежавший перед ним человек был совершенно обнажен, руки его были беспомощно подогнуты под туловище, короткие выующиеся волосы забиты морским песком.

— Посмотри, это не финикиец! — воскликнул старший! — Какое могучее и красивое тело! Жаль, что он мертв — был бы хороший раб, и Сенеб наградил бы нас.

— Какого он народа? — спросил младший.

— Я не знаю: может быть, это туруша *, или кефти **, или еще кто-нибудь из северных морских племен ханебу ***. Они редко попадают в нашу благословенную страну и ценятся за выносливость, ум и силу. Три года назад... Постой, он жив, о хвала Аммону!

Легкая судорога прошла по телу лежавшего.

Воины, бросив копья, перевернули бесчувственного, принялись растирать ему живот, сгибать ноги.

Их усилия увенчались успехом. Скоро утопленник — это был Пандион — открыл глаза и мучительно закашлялся.

Сильный организм юноши справился с тяжким испытанием. Не прошло и часа, как дозорные воины повели Пандиона, поддерживая под руки, в крепость.

* *Туруша* — этруск.

** *Кефти*, или *кефтиу*, — по-египетски значит «позади», название Крита и жившего на нем народа.

*** *Ханебу* — северяне.

Воины часто отдыхали, но еще до самых знойных часов дня молодой скульптор был доставлен в маленькое укрепление, стоявшее на одном из бесчисленных рукавов дельты Нила, западнее большого озера.

Воины дали Пандиону воды, несколько кусков лепешки, размоченных в пиве, и уложили на полу тесного прохладного глинобитного сарая.

Страшное напряжение не прошло даром — острая боль резала грудь, сердце ослабело. Перед закрытыми глазами мелькали бесчисленные волны. В тяжелом забытии Пандион слышал, как отворилась ветхая дверь, сбитая из кусков корабельной обшивки. Над Пандионом наклонился начальник укрепления — молодой человек с неприятным и болезненным лицом. Он осторожно снял плащ, сброшенный на ноги юноши, и долго осматривал своего пленника. Пандион не мог подозревать, что решение, созревшее в уме начальника, приведет к новым неслыханным испытаниям.

Начальник накрыл Пандиона и, довольный, вышел — Каждому по два кольца меди и кувшину пива, — отрывисто сказал он.

Воины береговой охраны приниженно склонились перед ним, а затем вонзились в его спину озлобленными взглядами.

— Мощная Сохмет, что мы получили за такого раба... — прошептал младший, едва начальник удался от них. — Вот увидишь, он пошлет его в город и получит не меньше десяти колец золота...

Начальник внезапно обернулся.

— Эй, Сенни! — крикнул он.

Старший воин угодливо подбежал.

— Смотри за ним хорошенько, я поручаю его тебе. Скажи моему повару, чтобы он дал хорошую пищу, но будь осторожен — пленник выглядит могучим бойцом. Завтра приготовишь легкую лодку — я пошлю пленника в дар Великому Дому*. Мы напоим его пивом со снотворным снадобьем, чтобы избежать возни.

* *Великий Дом* (пер-о, откуда пошло древнееврейское «фараон») — иносказательное наименование египетского царя — фараона, которого запрещалось называть по имени.

...Пандион медленно поднял отяжелевшие веки. Он спал так долго, что потерял всякое представление о времени, о том, где он находится. Смутно, обрывками, он вспоминал, что после ожесточенной борьбы с бушующим морем он был куда-то отведен, где-то лежал в тишине и темноте. Юноша пошевелился и почувствовал скованность во всем теле. Он с трудом повернул голову и увидел зеленую стену тростника со звездчатыми метелками наверху. Над головой было прозрачное небо, близко, у самого уха, слабо журчала и плескалась вода. Постепенно Пандион сообразил, что лежит в узкой и длинной лодке, связанный по рукам и ногам. Приподняв голову, юноша увидел голые ноги людей, толкавших лодку шестами. Люди были хорошо сложены, с темной бронзовой кожей, одетые в белые набедренные повязки.

— Кто вы такие? Куда вы везете меня? — закричал Пандион, стараясь рассмотреть людей, стоявших на корме.

Один, с гладко выбритым лицом, склонился над Пандионом и быстро заговорил. Станный язык с мелодичным прищелкиванием и четкими ударениями гласных был совершенно незнаком юноше. Пандион напрягся, пытаясь разорвать свои путы, и беспрестанно повторял тот же вопрос. Скоро несчастному пленнику стало ясно, что его не понимают и не могут понять. Пандиону удалось раскатать зыбкую лодку, но один из охраны поднес острое бронзового кинжала к его глазу. С отвращением к людям, к себе и всему миру Пандион оставил попытки к сопротивлению и более не возобновлял их в течение всего долгого пути по лабиринту болотных зарослей. Давно уже закатилось солнце, луна высоко поднялась на небе, когда лодка подплыла к широкой каменной пристани.

Пандиону освободили ноги, умело и быстро растерли их, чтобы восстановить кровообращение. Воины зажгли два факела и направились к высокой глинобитной стене с тяжелой дверью, окованной медными полосами.

После продолжительных пререканий со стражей люди, привезшие Пандиона, отдали появившемуся от-

куда-то заспанному бородатому человеку маленький сверток и получили в обмен кусочек черной кожи.

Завизжала в петлях тяжелая дверь. Пандиону развязали руки, втокнули внутрь тюрьмы. Вооруженные копьями и луками, стражи задвинули тяжелый брус. Пандион очутился в тесной квадратной комнате, набитой человеческими телами, лежавшими вповалку. Люди тяжело дышали и стонали в беспокойном сне. Задыхаясь от вони, казалось исходившей от самих стен, Пандион отыскал себе свободное место на полу и осторожно присел. Юноша не мог спать. Он раздумывал над событиями последних дней, и на сердце у него было тяжело. Медленно шли бессонные часы одинокого ночного раздумья.

Пандион думал только о свободе, но не находил путей к спасению из плена. Он попал в глубь совершенно неизвестной страны. Одиноким, безоружным пленником, не знающим языка окружающего враждебного ему народа, он ничего не мог предпринять. Пандион понимал, что его не собираются убивать, и решил ждать. Потом, когда он хоть немного узнает страну... но что ждет его в этом «потом»? Пандион чувствовал, как никогда, острую тоску по товарищу, который помог бы ему преодолеть страшное одиночество. Он думал о том, что для человека нет худшего состояния, чем быть одному среди чужих и враждебных людей, в непонятной и неизвестной стране — рабом, отделенным от всего непропищаемой стеной своего положения. Одиночество среди природы переносить гораздо легче: оно закаляет душу, а не принижает ее.

Эллин покорился судьбе и впал в странное оцепенение. Он дождался рассвета, равнодушно разглядывая своих товарищей по несчастью: пленников, принадлежавших к разным и неведомым молодому скульптору азиатским племенам. Они были счастливее его—могли переговариваться друг с другом, делиться горем, вспоминать прошлое, обсуждать сообща будущее. На молчавшего Пандиона были устремлены любопытные взгляды заключенных.

Стражи бросили Пандиону кусок грубого холста для набедренной повязки, потом четверо чернокожих людей внесли большой глиняный сосуд с водой, ячменные лепешки и стебли какой-то зелени.

Пандион был поражен видом совершенно черных лиц, на которых ярко выделялись зубы, белки глаз и коричнево-красные губы. Юноша догадался, что это были рабы, и его удивили их веселые и добродушные лица. Чернокожие смеялись, показывая белоснежные зубы, подшучивали над пленниками и друг над другом. Неужели пройдет время и он будет способен чему-то радоваться, забыв о жалкой роли человека, потерявшего свободу? Неужели пройдет эта грызущая его непрестанно тоска? А Тесса? Боги, если бы знала Тесса, где находится он сейчас!.. Нет, пусть лучше не знает: он вернется к ней или умрет — другого выхода нет...

Мысли Пандиона прервал протяжный окрик. Дверь раскрылась. Перед Пандионом засверкала широкая река. Место заключения было совсем близко от берега. Большой отряд воинов окружил пленников щетиной копий. Скоро все были загнаны в трюм большого судна. Корабль поплыл вверх по реке, и заключенные не успели осмотреться кругом. В трюме стояла жара — высоко стоявшее солнце обжигало людей, в воздухе, наполненном тяжелыми испарениями, было трудно дышать.

Вечером стало прохладнее, и изнуренные пленники начали оживать — вновь слышались разговоры. Судно продолжало свой путь всю ночь, утром ненадолго остановилось — пленникам принесли еду, и утомительное путешествие продолжалось. Так прошло несколько дней — их не считал огупевший, безучастный Пандион.

Наконец голоса гребцов и воинов зазвучали оживленнее, на палубе началась суматоха — путь был окончен. Пленников оставили в трюме на всю ночь, и рано утром Пандион услышал протяжные окрики команды.

На пыльной, выжженной солнцем площадке полукольцом выстроилась охрана, выставив вперед копья. Пленники выходили по одному и мгновенно попадали в руки двум громадного роста воинам, у ног которых

лежала груда веревок. Египтяне выкручивали пленникам руки так сильно, что плечи у людей выгибались и локти за спиной сходились вместе. Стоны и крики нисколько не трогали гигантов, наслаждавшихся своей силой и беззащитностью жертв.

Наступила очередь Пандиона. Один из воинов схватил его за руку, едва только юноша, ослепленный дневным светом, ступил на землю. От боли оцепенение, овладевшее Пандионом, прошло. Обученный приемам кулачного боя, юноша легко вывернулся из рук воина и нанес ему оглушительный удар в ухо. Гигант упал лицом в пыль к ногам Пандиона, второй воин в растерянности отскочил в сторону.

Пандион оказался окруженным тридцатью врагами с устремленными на него копьями.

В неистовой ярости юноша прыгнул вперед, желая погибнуть в бою, — смерть казалась для него избавлением... Но он не знал египтян, накопивших тысячелетний опыт усмирения рабов. Воины мгновенно раступились и бросились сзади на Пандиона, выскочившего за круг. Молодой храбрец был сбит с ног и задавлен телами врагов. Тупой конец копья сильно ударил его между ребер в нижнюю часть груди. Огненно-красный туман поплыл перед глазами юноши, дыхание его прервалось. В это мгновение египтянин свел закинутые над головой руки Пандиона вместе и соединил их в запястьях деревянным, похожим на игрушечную лодку предметом.

Тотчас же воины оставили юношу в покое.

Пленников быстро связали и погнали по узкой дорожке между берегом реки и полями. Молодой скульптор испытывал страшную боль: руки, поднятые вверх над головой, были защемлены в деревянную колодку с двумя острыми углами, сдавливавшими кости запястий. Это приспособление не давало возможности согнуть руки в локтях и опустить их на голову.

С боковой дорожки к группе Пандиона присоединилась вторая партия пленных, затем третья, — число рабов возросло до двухсот человек.

Все они были связаны самым безжалостным способом; у некоторых руки были в таких же колодках.

Лица пленников были искажены от боли, бледны и покрыты потом. Юноша шел, как в тумане, едва замечая окружающее.

А вокруг расстилалась богатая страна. Воздух был необыкновенно свеж и чист, на узких дорогах царствовала тишина, огромная река медленно катила воды к Великому Зеленому морю. Пальмы едва заметно качали верхушками под легким северным ветром, зреющие зеленые поля невысокой пшеницы чередовались с виноградниками и фруктовыми садами.

Вся страна была огромным садом, возделанным в течение тысячелетий.

Пандион не мог смотреть по сторонам. Он брел, стиснув зубы от боли, мимо высоких стен, окружавших дома богачей. Это были легкие и воздушные строения, в два этажа, с узкими и высокими окнами над дверными нишами, обрамленными деревянными колоннами. Белоснежные стены, расписанные сложным узором ярких и чистых красок, выступали необыкновенно четко в ослепительном солнечном свете.

Внезапно перед пленниками возникло исполинское каменное строение с прямыми срезами невиданно толстых стен из больших глыб камня, притесанных с поражающей правильностью. Темное и таинственное здание, казалось, распростершись, безмолвно оседало на землю, придавливая ее своей чудовищной тяжестью. Пандион прошел вдоль ряда толстых колонн, угрюмо серевших на фоне яркой зелени сада, раскинувшегося на равнине. Пальмы, смоковницы и другие фруктовые деревья чередовались, образуя прямые линии, казавшиеся бесконечными. Холмы были покрыты густой зеленью виноградников.

В саду у реки стояло высокое и легкое строение, расписанное такими же яркими красками, как и другие дома в этом городе. У фасада, обращенного к реке, за широкими воротами возвышались высокие, как мачты, столбы с пучками развевающихся лент. Над широким входом располагался огромный, снежно-белый балкон, обрамленный двумя колоннами и прикрытый совершенно плоской крышей. По карнизу крыши шла цветистая роспись — узор из чередования яркосо-

ней и золотой краски. Яркосиние и золотые зигзаги украшали верхнюю часть белых колонн.

В глубине балкона, затененной коврами и шторами, виднелись люди в снежно-белых длинных одеждах из мелко плиссированной легкой материи. Сидевший в центре человек наклонил над перилами балкона голову, отягченную высоким красно-белым убором *.

Стража, сопровождавшая пленников, и важно выступавший впереди начальник мгновенно распростерлись ниц. По мановению руки фараона — это и был живой бог, верховный владыка страны Та-Кемт — пленников построили гуськом и медленно начали проводить перед балконом. Толпившиеся придворные вполголоса обменивались замечаниями и весело смеялись. Красота дворца, роскошь одежд фараона и его приближенных, их свободные надменные позы так резко оттенялись искаженными лицами измученных пленников, что в душе Пандиона поднялось неистовое возмущение. Он почти не помнил себя от боли в руках, тело его дрожало, как в ознобе, закусенные губы пересохли и запеклись, но юноша выпрямился, глубоко вздохнул и обратил к балкону гневное лицо.

Фараон что-то сказал, обратившись к придворным, и все одобрительно закивали головами. Вереница пленников медленно двигалась. Скоро Пандион очутился за домом, в тени высокой стены. Постепенно здесь собралась вся толпа пленников, попрежнему окруженная безмолвными воинами. Из-за угла показался тучный горбоносый человек с длинным посохом из отделанного золотом черного дерева в сопровождении писца с дощечкой и свертком папируса в руках.

Человек сказал несколько надменных слов начальнику стражи, тот согнулся в низком поклоне и передал распоряжение воинам. Повинуясь движению пальца вельможи, воины грубо расталкивали толпу и отводили в сторону тех, на кого показывал сановник. Пан-

* Корона фараона двойная: красно-белого цвета в знак власти над «обеими странами» — Верхним и Нижним Египтом. Красная корона — Нижнего Египта, белая — Верхнего.

дион был замечен одним из первых. Всего было отобрано человек тридцать, наиболее сильных и мужественных с виду. Их немедленно повели обратно по той же дороге до окраины сада. Затем воины погнали пленных вдоль низкой стены. Тропинка становилась все круче и привела к огромному квадрату глухих стен, стоявшему в ложине, между пшеничными полями. По толстым стенам из кирпича в десять локтей высоты свободно расхаживали вооруженные луками воины. На углах возвышались навесы из цыновок.

В стене, обращенной к реке, был прорезан вход; больше нигде не было видно ни двери, ни окон — слепая зелено-серая поверхность стен дышала жаром.

Пленных ввели в дверь, сопровождавшие их воины быстро удалились, и Пандион оказался в узком дворе между двух стен. Вторая, внутренняя стена была ниже наружной, с единственной дверью в правой стороне. На свободном пространстве стояли грубые скамейки, а часть двора была занята низким строением с черневшим отверстием у входа. Группу пленников теперь окружали воины с более светлым цветом кожи, чем у тех, которые привели их сюда. Они все были высокого роста, с гибким и хорошо развитым телом, многие с синими глазами и рыжеватыми волосами. Пандион не видел раньше такого народа, равно как и чистокровных жителей Айгюптоса, и не знал, что это были ливийцы.

Из пристройки появилось двое людей: один нес какой-то предмет из отполированного дерева, другой — серый фаянсовый сосуд. Ливийцы схватили Пандиона и повернули его спиной к пришедшим. Юноша почувствовал легкий укол — к левой лопатке его приложили полированную дощечку, усаженную короткими заостренными пластинками. Затем человек резко ударил рукой по дощечке — брызнула кровь, и Пандион невольно вскрикнул. Тогда ливиец обтер кровь и стал растирать рану тряпкой, намоченной жидкостью из фаянсового сосуда: кровь быстро оставилась, но человек несколько раз обмакивал тряпку и протирал рану. Только сейчас Пандион заметил на

левых лопатках окружавших его ливийцев яркочерный знак — какие-то фигурки в овальной рамке* — и понял, что его заклеямили.

Колодку сняли с рук Пандиона, и он не мог сдерживать стонов от страшной боли в затвердевших суставах. С величайшим трудом ему удалось развести руки. Затем Пандион, нагнувшись, прошел через низкую дверь во внутренней стене. Очутившись на пыльном дворе, юноша без сил опустился на землю.

Пандион напился мутной воды из огромного глиняного сосуда, стоявшего у входа, и стал осматривать место, которое, по мнению властвовавших здесь людей, должно было навсегда стать его домом.

Большой квадрат земли, примерно по две стадии с каждой стороны, был заключен в высокие неприступные стены, охранявшиеся ходившей поверху стражей. Всю правую половину огороженной площади занимали крошечные глинобитные клетушки, сомкнутые друг с другом боковыми стенами и разделенные узкими продольными проходами. Такие же низенькие домики находились в левом углу. Передний левый угол был огорожен низкой стеной, оттуда шел острый аммиачный запах. Близ двери стояли сосуды с водой и длинный помост высотой в три четверти локтя — это был стол для еды, как узнал Пандион впоследствии.

Вся свободная часть квадрата была выглажена и вытоптана — ни одной травинки не зеленело на ее серой и пыльной поверхности. Воздух был тяжел и душен — жаркий день, казалось, осаждал весь свой зной в квадратное углубление, замкнутое высокими стенами и открытое сверху. Таков был шене — рабочий дом, один из многих сотен ему подобных, разбросанных по стране Та-Кемт. Здесь толпились разноплеменные рабы — рабочая сила, основа богатства и красоты Айгюптоса. Шене был пуст и тих — рабы выведены на работу; только несколько больных безучастно лежало в тени стены. Этот рабочий дом был предназначен для вновь поступивших пленников, недавно попавших

* Овальной рамкой окружались иероглифы, составлявшие имя фараона.

в страну рабства и еще не обзаведшихся семьями, чтобы умножить число рабочих рук Черной Земли.

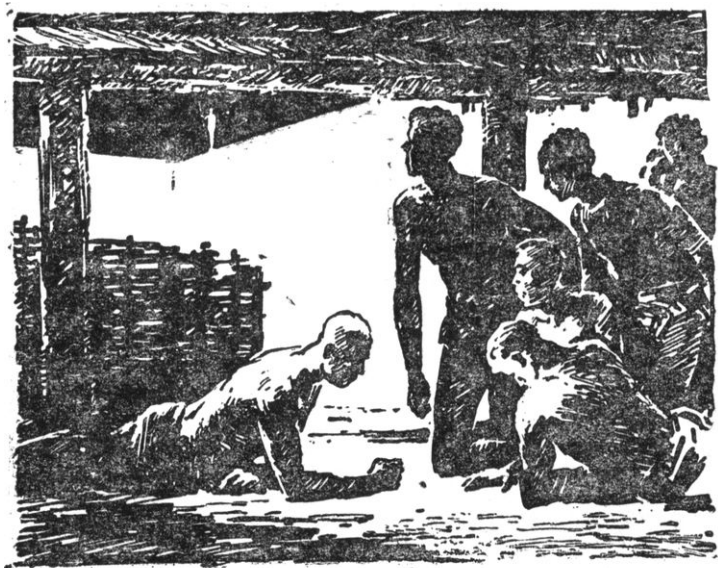
Теперь Пандион стал мере—наследственным рабом фараона—и попал в число тех восьми тысяч человек, которые обслуживали сады, каналы и строения дворцовых хозяйств.

Другие пленники, проходившие вместе с Пандионом царский осмотр и оставленные у стены дворца, были распределены между сановниками в качестве саху — рабов, находящихся в их пожизненном владении и со смертью владельца переходивших в шене фараона.

В душном воздухе стояло гнетущее молчание, изредка нарушаемое тяжелыми вздохами и стонами пригнанных вместе с Пандионом новых рабов. Клеймо раскаленным углем горело на спине Пандиона. Юноша не мог найти себе места. Вместо просторов моря, тенистых рощ на омываемых вечно плещущими волнами берегах родины — клочок пыльной земли, стиснутой стенками. Вместо свободной жизни и любимой — рабство в чужой стране, в бесконечной дали от всего родного и близкого.

Только надежда на освобождение удерживала юношу от желания разбить голову о стену, заслонившую от него широкий и прекрасный мир.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАБ ФАРАОНА

Как и год назад, цвели кустарники, расстилались пламеневшие ковры по склонам холмов. На берегах Энниады опять наступила весна. Стало рано закатываться сверкающее созвездие Стрелы*, а ровное дуновение западного ветра возвестило начало плаваний. В Калидонскую гавань вернулись обратно пять кораблей, отплывших на Крит с началом весны, и прибыли два критских корабля. А Пандиона все не было.

* *Стрела* — Стрелец. Ранний заход этого созвездия означал конец зимних бурь.

Агенор часто впадал в задумчивое молчание, стараясь скрыть тревогу от домашних.

Одиноким путешественник затерялся на Крите, исчез где-то в горах огромного острова, среди различных племен и множества больших селений.

Художник решил поехать в Калидонскую гавань и оттуда, если представится возможность, отправиться на Крит, чтобы разузнать хоть что-нибудь о судьбе Пандиона.

Тесса теперь часто уединялась. Даже немое сочувствие родных тяготило ее.

В глубокой печали девушка стояла перед спокойным и вечно подвижным лицом моря. Иногда она прибегала сюда, надеясь, что Пандион обязательно вернется на то же самое место, где они расстались.

Но давно уже прошли эти дни надежды. Теперь Тесса знала, что там, за чертой, разделившей небо и море, произошло несчастье. Только плен или смерть могли помешать Пандиону вернуться к ней.

И Тесса молила волны, бежавшие издалека, может быть оттуда, где сейчас находился любимый Пандион, сказать ей, что случилось. И тогда ей казалось: еще немного — и волны действительно дадут ей знак, по которому она поймет, где сейчас Пандион.

Но море мерно бросало к ее ногам похожие одна на другую волны, и их шум был равносильен молчанию.

Как узнать, что с любимым? Как преодолеть разделившее их пространство ей, женщине, чья доля в жизни быть при мужчине хозяйкой и охранительницей его дома, спутницей в пути, целительницей при поражениях? А для той, которая посмеет выйти из повиновения мужчине — будь то отец, муж или брат — для той одна дорога — быть гетерой в городе или порту. Она — женщина, значит не может отправиться в другие страны, не может даже попытаться разыскать Пандиона.

Ей остается беспомощно метаться по берегу огромного моря. Ничего нельзя сделать! Ничем нельзя помочь!

Если даже Пандион погиб, она никогда, никогда не узнает о месте его гибели.

Голубовато-серебряный поток лунного света заполнил всю долину. Огражденный вертикальными черными тенями в глубоких рытвинах крутых обрывов, он струился над рекой, по ее течению — с юга на север.

Темнота заполняла квадратный колодец рабочего дома близ великой столицы Айгюптоса — Нут-Амон.

Стена была ярко освещена и отбрасывала от своей шероховатой поверхности мутный слабый отблеск.

Пандион без сна лежал на охалке жесткой травы, брошенной на пол тесной клетушки. Он осторожно высунул голову из низкого, как нора, входа. Рискую привлечь внимание стражей, юноша встал на колени и любовался лунным диском, всплывшим в небе высоко над краем мрачной стены. Ему стало больно от мысли, что эта же луна светит сейчас в далекой Энниаде. Может быть, Тесса, его Тесса, сейчас спрашивает Гекату, где он, не подозревая, что его глаза устремлены из гнусной ямы на серебряный диск. Пандион спрятал голову в темноту, наполненную пыльным запахом разогретой глины, и отвернулся к стене.

Уже давно прошло буйное отчаяние первых дней, бешеные приступы страшной тоски. Пандион сильно изменился. Его густые четкие брови были постоянно сдвинуты, золотистые глаза потомка Гипериона потемнели от гневного огня, затаенно и упорно поблескивавшего в них, губы всегда оставались плотно сжатыми.

Но могучее тело попрежнему было наполнено неистощимой энергией, ум не притупился. Юноша не пал духом, он попрежнему мечтал о свободе.

Молодой скульптор постепенно превращался в бойца, страшного не только своей храбростью или силой, не только бесконечным упорством, желанием сохранить свою душу в окружавшем аду, пронести через все испытания свои мечты, стремления и любовь. То, что было абсолютно невозможно ему, одинокому, не знавшему языка и страны, теперь становилось реальным—

у Пандиона были товарищи. Товарищ! Только тот может понять все значение этого слова, кому пришлось одиноко стоять перед грозной, превосходящей силой, кому приходилось быть одному вдали от родины, в чужой стране. Товарищ! Это значит и дружеская помощь, и понимание, и защита, общие мысли и мечты, добрый совет, полезное порицание, поддержка, утешение. За семь месяцев, проведенных на работах вокруг столицы, Пандион познакомился со странным языком Айгюптоса и научился хорошо понимать своих разноплеменных сожителей.

В толпе пятисот рабов, заключенных в шене и ежедневно выгоняемых на работу, юноша начал различать все больше людей с определенной и резкой индивидуальностью.

И рабы, постепенно доверяясь друг другу, понемногу сблизились и с Пандионом.

Люди объединились на почве общих тяжелых лишений, общего стремления к свободе. Добиться освобождения, нанести удар слепой, угнетающей силе государства Черной Земли и вернуться к потерянной родине. Родина — это было понятно всем, хотя у одних она находилась за таинственными болотами юга, у других — за песками востока или запада, у третьих, как и у Пандиона, — за морем на севере.

Но в шене лишь немногие нашли в себе силы для подготовки к борьбе. Другие, изнуренные непосильной работой, постоянным недоеданием, безропотно и медленно угасали. Это были главным образом пожилые люди. Они не интересовались окружающим. В их потухших глазах не светилось решительности, у них уже не было желания тайно общаться с товарищами. Они работали, медленно ели, спали тяжелым сном, чтобы наутро, вздрогнув от окрика надсмотрщика, опять вяло и безразлично шагать в колонне.

Пандион понял, почему в рабочем доме было так много отдельных клетушек: они разъединяли людей. После ужина было запрещено общаться между собою: стража со стен зорко следила за выполнением этого приказа — стрела или палка наутро наказывала

ослушников. Не у всех людей хватало сил и смелости, чтобы, пользуясь темнотой, неслышно переползать в клетушки других. Это делали только немногие то-варищи Пандиона.

Самыми близкими друзьями Пандиона стали три человека. Первый из них был Кидого — огромный негр, ростом почти в четыре локтя, происходивший из очень далеких мест Африки, на юго-запад от Айгюптоса. Добрый, веселый и восторженный Кидого был тоже искусным художником и скульптором. Его выразительное лицо с широким носом и толстыми губами сразу привлекло Пандиона умом и энергией. Пандион привык к тому, что негры хорошо сложены, но этот гигант сразу привлек внимание скульптора своим пропорциональным и красивым телом. Впечатление необычайной мощи от крупных, будто кованных из железа мускулов как-то сочеталось с легкостью и гибкостью высокой фигуры Кидого. Огромные глаза казались полными внимания и поражали своей живостью на черном лице.

Вначале Пандион и Кидого понимали друг друга при помощи рисунков, наспех сделанных на земле или стене заостренной палочкой. Потом молодой эллин стал хорошо объясняться с негром на смеси слов языка Та-Кемта и легкого, быстро запоминающегося языка Кидого.

В безлунные ночи, в угольно-черной тьме, заполняющей шене, Пандион и Кидого переползали один к другому и, шопотом беседуя, черпали новые силы и мужество в обсуждении планов побега.

Спустя месяц после того дня, как Пандион впервые переступил порог шене, в рабочий дом к вечеру пригнали еще несколько новых рабов.

Новички сидели и лежали около входа, беспомощно озираясь, с хорошо знакомой каждому пленнику печатью подавленности и горя на измученных лицах. Пандион, только что вернувшийся с работы, подошел к одному из высоких сосудов, чтобы набрать воды, но внезапно едва не выронил своей гли-

няной чашки. Двое из прибывших негромко говорили на знакомом Пандиону языке этрусков. Этрусски — этот таинственный, суровый, древний народ — часто появлялись на берегах Энниады и пользовались славой колдунов, знающих тайны природы.

Весь задрожав под властью воспоминаний о родине, Пандион заговорил с этрусками, и они поняли его.

На вопрос Пандиона о том, как они попали сюда, оба пленника угрюмо отмалчивались и, казалось, совсем не обрадовались встрече.

Оба этруска были людьми среднего роста, очень мускулистыми, широкоплечими. Темные волосы пленников свалились от грязи и свисали неровными косами на обе стороны лица. Старшему из них на вид было около сорока лет, другой, повидимому, приходился ровесником Пандиону.

Сразу бросалось в глаза их сходство — запавшие щеки подчеркивали массивные скулы, строгие карие глаза поблескивали неподкупным упорством.

Озадаченный равнодушием этрусков, Пандион почувствовал обиду и поспешил уйти в свою клетушку. Несколько дней затем Пандион намеренно старался не обращать внимания на новых пленников, хотя и заметил, что этруски наблюдают за ним.

Дней через десять после прибытия этрусков Пандион и Кидого сидели рядом в конце низкого стола за ужином из стеблей папируса. Оба друга быстро съели свои порции, и, как всегда, оставалось немного времени, чтобы поговорить, пока остальные насытятся. Соседом Пандиона с другой стороны оказался старший этруск. Неожиданно он положил юноше на плечо тяжелую руку и насмешливо посмотрел прямо в глаза Пандиону, когда тот обернулся.

— Плохой товарищ освобождения не получит, — медленно, с оттенком вызова произнес этруск, несколько не опасаясь, что его поймут стражи: жители страны Та-Кемт не знали языков своих пленников, презирая чужеземцев.

Пандион нетерпеливо тряхнул плечом, не поняв сказанного, но этруск крепко сжал пальцы, впившиеся, как медные когти, в мышцы юноши.

— Ты презираешь их напрасно, — этруск кивнул в сторону остальных рабов, поглощенных едой. — Другие тебя не хуже и также видят сны о свободе...

— Нет, хуже! — заносчиво перебил Пандион. — Они уже давно здесь, а я не слыхал о побегах!

Этруск презрительно сжал губы.

— Если у молодости нехватает разума, она должна учиться у старших. Ты силен и здоров, как молодой конь, в твоем теле остается еще сила после дня тяжелых работ, недостаточная пища еще не подкосила тебя. А у них нехватает уже сил — только в этом твое отличие и твое счастье. Но помни, что бежать в одиночку отсюда нельзя: мы должны узнать дорогу и пробиваться силой, а сила у нас одна — всем вместе. Когда ты станешь товарищем для всех, тогда твои мечты приблизятся к жизни...

Пораженный проникательностью этруска, угадавшего его тайные мысли, Пандион не нашелся, что ответить, и молча опустил голову.

— Что он говорит, что говорит? — допытывался Кидого.

Пандион хотел пояснить, но надсмотрщик заступал по столу; рабы, кончившие ужин, уступили место другой партии и разошлись на отдых.

Ночью Пандион и Кидого долго обсуждали слова этруска. Им пришлось признать, что вновь прибывший лучше всех понимал положение рабов. В самом деле, для успеха бегства им, носящим клеймо фараона, нужно было точно знать пути выхода из этой страны. Мало того, нужно было пробиться сквозь враждебное население, считающее, что доля «диких» людей заключается в работе на избранный богами народ.

Уныние овладело обоими друзьями, но они почувствовали доверие к умному этруску.

Прошло еще немного дней, и в шене фараона стало четверо друзей. Они постепенно приобретали все больший авторитет среди остальных рабов.

На старшего этруска, носившего грозное имя Ка-ви — бога смерти, скоро многие стали смотреть, как на старшего. Трое других — второй этруск, по имени Ремд, Кидого и Пандион, — сильные, выносливые и

смелые молодые люди, сделались его верными помощниками.

Медленно-медленно из пятисот рабов выявлялось все больше борцов, готовых отдать жизнь за ничтожную возможность вернуться на далекую родину. Так же медленно в остальных, запуганных, измученных и забитых, возрождалась уверенность в своей силе, крепла надежда, что, объединившись, они смогут противостоять организованной мощи громадного государства.

А дни все шли — пустые и бессельные, горькие дни плена, наполненные тяжелой работой, ненавистной уже потому, что она способствовала процветанию жестоких властителей жизней тысяч рабов. Ежедневно с восходом солнца отряды изможденных людей под охраной воинов покидали шене и расходились на различные работы.

Жители Айгюптоса, презирая чужие народы, не давали себе труда изучать языки своих пленников. Поэтому новые рабы использовались сначала на самых простых работах; позже, освоив язык Та-Кемта, они могли понимать сложные распоряжения, обучались ремеслам. До имен пленников надсмотрщикам не было никакого дела, любой раб носил кличку по названию своего народа.

Так Пандион назывался экуеша*, этруски — туруша, Кидого и другие чернокожие должны были откликаться на кличку нехси — негр.

Первые два месяца пребывания в шене Пандион и сорок новых рабов поправляли оросительные каналы в садах Аммона**, насыпали размытые прошлогодним наводнением плотины, разрыхляли землю вокруг фруктовых деревьев, качали и носили воду на клумбы с цветами.

Постепенно надсмотрщики, заметив выносливость, силу и сметливость новоприбывших, составили новый отряд и направили его на строительные работы. Слу-

* Экуеша — собирательное название народов Эгейского моря.

** Храм в Карнаке, близ современного Луксора.

чилось так, что все четыре друга и ещё тридцать сильных рабов — вожаки всей массы пленников шене — оказались вместе. С переводом на строительные работы их постоянная связь с оставшимися прервалась — отряд Пандиона по неделям ночевал в других шене.

Первой работой Пандиона вдали от садов фараона была разборка древнего храма и гробницы на западной стороне реки, в полусотне стадий от шене. Во главе с надсмотрщиком и пятью воинами пленники переправились на барке через реку. Их погнали на север вдоль реки, к высоким кручам отвесных скал, образовавших здесь огромный выступ. Тропинка, миновав возделанные поля, перешла в мощеную дорогу; внезапно перед Пандионом развернулась картина, навсегда запечатлевшаяся в его памяти. Рабов остановили на широкой площади, спускавшейся к реке. Надсмотрщик ушел, приказав ожидать его здесь.

Впервые у Пандиона была возможность, не торопясь, оглядеться, присмотреться к окружающему.

Прямо перед ним на триста локтей в высоту поднималась отвесная скалистая стена цвета красной меди, испещренная пятнами сине-черных теней. У подножья этих утесов раскинулась тремя широкими уступами белая колоннада храма. От прибрежной равнины поднималась полоса гладкого серого камня, обрамленная двумя рядами странных скульптур — чудовищ в виде спокойно лежащих львов с человеческими головами *. Дальше широкая белая лестница с боковыми скатами, на которых были высечены извивающиеся желтые змеи по одной с каждой стороны, вела ко второму уступу, подпертому низкими, в два человеческих роста, колоннами из ослепительно белого известняка. В центральной части храма виднелся второй ряд таких же колонн. На каждой из них было изображение человеческой фигуры в царской короне, со скрещенными на груди руками.

Колоннада обрамляла второй уступ храма в виде большой площадки с аллеей из лежащих чудовищ.

* Сфинксы.

На тридцать локтей выше расположилась самая верхняя терраса, сплошь обнесенная колоннадой и углублявшаяся в полукруглую естественную выемку скал.

Нижний уступ колоннады разбежался в ширину стадию на полторы, по краям шли простые цилиндрические колонны, в центре — квадратные, выше — шести- и шестнадцатигранные. Центральные колонны и верхушки боковых, карнизы портиков, а также человеческие фигуры были покрыты яркосиней и красной росписью, от которой снежная белизна камня казалась еще ослепительнее.

Этот храм, ярко освещенный солнцем, резко отличался от мрачных, давящих храмовых зданий, виденных Пандионом раньше. Молодому эллину казалось, что ничего прекраснее в мире нельзя себе представить — так радостны были эти ряды снежно-белых колонн в рамке цветных узоров. А на широких террасах росли никогда не виденные Пандионом деревья — низкорослые, с плотной массой ветвей, обильно усеянных мелкими, тесно прилегающими друг к другу листьями. Эти деревья испускали сильный, тяжелый аромат, их золотисто-зеленая листва празднично выделялась на белизне колоннад, оттененной красными скалами.

Кидого в буйном восхищении толкал Пандиона в бок, прищелкивая губами, и издавал неопределенные звуки восторга.

Никто из рабов не знал, что храм, находившийся перед ними, был построен уже давно — около пятисот лет тому назад зодчим Сенмутом для своей возлюбленной царицы Хатшепсут* и назывался Зешер-Зешеру** — «величественнейший из величественных». Необыкновенные деревья, росшие на территории храма, были вывезены из далекого Пунта, куда царица Хатшепсут отправила большую морскую экспедицию. С тех пор с каждым новым походом в Пунт вошло

* *Хатшепсут* — царица XVIII династии (1500—1457 гг. до н. э.).

** Знаменитый храм Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри.

в обычай привозить деревья для храма и возобновлять древние насаждения, как будто сохранившиеся неприкосновенными с отдаленных времен.

Вдали послышался зов надсмотрщика. Рабы поспешно двинулись в сторону от храма и, обогнув площадку слева, оказались перед еще одним древним храмом, построенным тоже на уступе скалы в виде небольшой пирамиды, опиравшейся на частую колоннаду*.

Выше по реке виднелось еще два небольших строения из серого полированного гранита. Надсмотрщик подвел отряд к ближайшему из них, и партия Пандиона влилась в группу из двухсот рабов, уже начавших разрушение храма**. Белая штукатурка, покрывавшая внутренние стены, была расписана красочными, мастерски исполненными рисунками. Но строительные чиновники и мастера Айгюптоса, руководившие работами, заботились только о целостности полированных гранитных глыб, составлявших наружную облицовку портика и колоннады. Внутренние стены беспощадно разламывались.

Пандион был потрясен уничтожением древних произведений искусства и ухитрился присоединиться к группе рабов, укладывавших каменные блоки на деревянные салазки, которые затем веревками оттаскивались к берегу и грузились на тяжелую низкую барку.

Он не знал, что прекрасные храмы древности уже давно разбирались: фараоны Айгюптоса не ценили памятников прошлого и спешили прославить свое имя в веках постройкой храмов и гробниц из готовых материалов.

Ни дикие кочевники — гиксосы, завоевавшие Та-Кемт много столетий назад, ни мятежные рабы, подчинившие себе на короткий срок страну за два столетия до рождения Пандиона, не тронули великолепных построек. А теперь по тайному повелению новых фа-

* Храм Ментухотепа — фараона Среднего царства (Ментухотеп IV, XI династии, около 2050 г. до н. э.).

** Преимущественно разрушались храмы Среднего царства (2160—1580 гг. до н. э.) из-за обилия в них хорошо отделанного камня.

раонов Айгюптоса совершалось разрушение гробниц древних царей и похищенное золото поступало в сокровищницу владык Айгюптоса из хранилищ, скрытых под засыпанными песком пирамидами Древнего царства *, из маленьких изяшных гробниц Среднего царства и огромных подземелий великих царей первых династий Нового царства **.

Пандион участвовал в разборке храма всего три месяца. Он и Кидого работали усердно, стремясь облегчить труд товарищей. Это было наруку надсмотрщикам: система труда в Та-Кемте была организована так, что слабые должны были тянуться за сильными. Незаурядная сила и сообразительность негра и эллина были замечены, и друзей послали в мастерскую каменщиков для обучения. Из этой мастерской их взял к себе один из скульпторов фараона, и тогда совсем оборвалась всякая связь с товарищами из шене. Пандион и Кидого поселились в длинном неуютном сарае, где жили другие рабы, уже обученные несложному искусству. Природные жители Айгюптоса — свободные ремесленники — занимали несколько хижин в углу обширного двора мастерской, заваленного необделанным камнем и грудami щебня. Египтяне подчеркнуто сторонились рабов, как будто за общение с ними подвергались опасности наказания. Как позже узнал Пандион, именно так и было.

Начальник мастерской — царский скульптор — не подозревал, что Пандион и Кидого — настоящие скульпторы, и был потрясен успехами друзей. Молодые люди, истосковавшиеся по творческой работе, жадно взялись за любимый труд, на время забыв, что работают на ненавистного фараона и проклятую страну рабства.

Кидого с увлечением лепил животных — бегемотов, крокодилов, антилоп и других неизвестных эллину зверей; по его моделям другие рабы изготавли-

* *Древнее царство* — с III по VIII династию (2980—2445 гг. до н. э.).

** *Новое царство* — XVIII, XIX и XX династии (1580—1203 гг. до н. э.).

ли фаянсовые статуэтки. Египтянин заметил у Пандиона склонность к изображению людей и сам принялся обучать подававшего большие надежды экуешу; он требовал от Пандиона особой тщательности при выполнении заказов. «Малый недосмотр губит совершенство», — без конца повторял египетский скульптор заповедь древних мастеров Черной Зёмли. Пандион усердно учился, и временами тоска его становилась меньше. Эллин делал большие успехи в тончайшей отделке статуй и барельефов из твердого камня, в чеканке золотых поделок.

Сопровождая царского скульптора, Пандион побывал во дворце фараона, в комнатах невиданной роскоши. На цветных полах царских покоев, в рамках волнистых линий или многоцветных спиралей были с неподражаемой живостью изображены подвиги фараона на охоте за львами и дикими быками. Прозрачная голубая глазурь покрывала фаянсовые плиты на стенах комнат, сквозь нее нежно мерцали, просвечивая, замысловатые рисунки из листового золота — волшебное произведение искусства.

Среди всего этого великолепия молодой эллин с ненавистью замечал надменных, неподвижных придворных.

Он рассматривал их белые одежды, заглаженные мелкими складками, тяжелые ожерелья, кольца и нагрудные знаки из литого золота, завитые мелкими прядями парики до плеч, расшитые туфли с загнутыми вверх носками.

Пандион, скользя безмолвной тенью за торопившимся мастером, рассматривал драгоценные сосуды с тончайшими стенками, вырезанными из горного хрусталя и твердых пород камня, стеклянные вазы, горшки из серого фарфора с бледно-голубым рисунком. Он понимал, как много труда потрачено на создание этих совершенных произведений искусства.

Самое большое впечатление произвел на юношу гигантский храм недалеко от садов Аммона, где начинал Пандион свою жизнь в качестве раба, изнывая за высокими стенами шене.

Этот храм многих богов строился уже больше тысячелетия. Каждый из царей Та-Кемта вносил свою лепту, расширяя новыми пристройками и без того огромную площадь храма, занимавшего более восьмисот локтей в длину.

На правом берегу реки, в пределах столицы Нут-Аммон или просто Нут «Города», как звали ее жители Айгюптоса, раскинулся великолепный сад с правильными рядами высоких пальм, в обоих концах которого громоздилось несколько храмов. Эти сооружения соединялись длинными аллеями из статуй странных животных с берегами реки и священным озером перед храмом непонятной Пандиону богини Мут.

Звери с львиными телами, высеченные из гранита, высотой в три человеческих роста, с бараньими или человеческими головами производили угнетающее впечатление. Неподвижно застывшие, загадочные, они лежали на своих пьедесталах, теснясь один к другому, и головы их нависали над проходившими, окаймляя широкую аллею, залитую ослепительным солнцем.

Огромные иглы обелисков по пятьдесят локтей высоты, одетые листьями яркожелтого азема* — сплава золота и серебра, горели, как раскаленные, проливая жесткую темную листву пальм.

Каменные плиты, которыми были вымощены аллеи, покрытые серебром, днем слепили изумленные глаза, а ночью при свете звезд и луны казались струями не земной светоносной реки.

Исполинские пилоны, громадные плоскости тяжелых стен, слегка расходящиеся к основанию и имеющие форму трапеций, заграждали вход в храм, возвышаясь на пятьдесят локтей над аллеями сфинксов. Стены пилонов были покрыты огромными скульптурными изображениями богов и фараонов, исчерчены таинственными письменами Та-Кемта. Чудовищные гигантские двери, обитые бронзовыми листьями со сверкающими изображениями из азема, запирали высокие проходы пилонов; их литые бронзовые петли весом в несколько быков поражали своей массивностью.

* Азем — электрон по-гречески.

Внутри храма теснились толстые колонны высотой до пятидесяти локтей, заполняя пространствоверху тяжелыми барельефами.

Громадные куски камня в стенах, перекрытиях и колоннах были пришлифованы, пригнаны друг к другу с непостижимой точностью.

Рисунки и барельефы, расписанные яркими красками, пестрили стены, колонны и карнизы, повторяясь несколькими ярусами. Солнечные диски, коршуны, звероголовые боги мрачно смотрели из таинственного полумрака, сгущавшегося в глубине храма.

Снаружи сверкали такие же яркие краски, золото и серебро, высились чудовищно тяжелые строения и скульптуры, оглушая, ослепляя и подавляя.

Пандион видел повсюду статуи из розового и черного гранита, красного песчаника и желтого известняка — обожествленных владык Та-Кемта, сидящих в нечеловечески спокойных и надменных позах. Иногда это были колоссы из целой скалы по сорок локтей высоты, высеченные угловато и грубо, или страшные по своей мрачности, раскрашенные, тщательно отделанные скульптуры, намного превосходящие человеческий рост.

Молодой эллин, выросший в простом селении, в постоянной близости с природой, был вначале поражен и уничтожен. В этой огромной и богатой стране все производило на него сильнейшее впечатление.

Исполинские постройки, сооруженные неизвестно какими, казалось, недоступными простым смертным способами, страшные боги во мраке храмов, непонятная религия со сложными обрядами, отпечаток глубокой древности на засыпанных песком сооружениях — все это вначале подавляло Пандиона. Юноша поверил, что надменные и непроницаемо сдержанные жители Айгюптоса знают самые глубокие истины, владеют особыми могущественными науками, скрытыми в совершенно непонятных для чужеземцев письменах Черной Земли.

И вся страна, зажатая между смертоносными безжизненными пустынями на узкой ленте долины огромной реки, несущей свои воды из никому неизвестных

далее юга, казалась каким-то особым миром, не имеющим отношения к остальной Ойкумене.

Но постепенно трезвый разум молодого эллина, жаждущий простых и естественных истин, начал справляться с массой впечатлений.

У Пандиона теперь было время на размышления, и в душе молодого скульптора с ее неустанной тягой к прекрасному родился вначале глухой, позже осознанный протест против жизни и искусства Айгюптоса.

В плодородной стране, не знающей суровой непогоды, с ярким, чистым, почти всегда безоблачным небом, в удивительно прозрачном, живительном и бодрящем воздухе все, казалось, способствовало здоровой и счастливой жизни. Но молодой эллин, как ни мало он знал страну, не мог не видеть ужасной нищеты и скученности немху — беднейших и наиболее многочисленных жителей Айгюптоса. Исполинские храмы и статуи, прекрасные сады не могли заслонить бесконечных рядов нищенских хижин десятков тысяч ремесленников, обслуживавших дворцы и храмы столицы. А что касается рабов, томившихся в сотнях шене, об этом сам Пандион знал лучше кого-либо другого.

Пандион все яснее сознавал, что искусство Айгюптоса противоположно его стремлениям и поискам законов отображения жизни.

Что-то близкое и радостное Пандион почувствовал единственный раз, когда увидел храм Зешер-Зешеру, открытый, сливающийся с окружающей местностью.

А все остальные исполинские храмы и гробницы наглухо замыкались высокими стенами. И там, за этими стенами, мастера Айгюптоса использовали все приемы, чтобы увести человека от жизни, унижить его, задавить, заставить ощутить свое ничтожество перед величием богов и владык-фараонов.

Непомерная величина сооружений, колоссальное количество затраченного труда и материала уже сразу подавляли человека. Много раз повторявшееся нагромождение одинаковых, однообразных форм создавало впечатление бесконечной протяженности. Одинаковые сфинксы, одинаковые колонны, стены, пилоны — все это с упрощенными и выпяченными деталями, прямо-

угольное, неподвижное. В темных проходах храмов исполинские однообразные статуи возвышались по обе стороны коридоров, зловещие и угрюмые.

Люди Айгюптоса боялись пространства: отделяясь от природы, они загромождали внутренности храмов каменными массами колонн, толстых стен, каменных балок, иной раз занимавшими больше места, чем пролеты между ними. В глубину храма ряды колонн еще более уплотнялись, залы, недостаточно освещенные, погружались постепенно в полную тьму. Из-за множества узких дверей храм становился таинственно недоступным, а темнота помещений еще более усиливала страх перед богами.

Пандион осознал это рассчитанное воздействие на душу человека, достигнутое веками строительного опыта мастеров Айгюптоса.

Но если бы Пандиону удалось увидеть чудовищные пирамиды, резко выделяющиеся своими правильными гранеными формами над мягкими волнами пустынных песков, тогда молодой скульптор яснее ощутил бы надменное противопоставление человека природе. В этом надменном противопоставлении скрывался страх владык Та-Кемта перед непонятной и враждебной природой, страх, отраженный в замкнутой таинственной религии египтян.

Мастера Та-Кемта возвеличивали своих богов и владык, стремясь выразить их силу в колоссальных статуях фараонов, в симметричной неподвижности массивных тел.

На стенах сами фараоны изображались в виде больших фигур. У их ног копошились карлики — все остальные люди Черной Земли. Так цари Айгюптоса пользовались любым поводом, чтобы подчеркнуть свое величие. Царям Та-Кемта казалось, что, всячески унижая народ, они возвышаются сами, возрастает их влияние.

Пандиону казалось, что сам он пойдет другим путем. Эллину прекрасное представлялось живым, гармоничным и пропорциональным, как само человеческое тело. Он мечтал о творениях, которые не угнетали и не давили бы человека, а, наоборот, возвышали.

Он чувствовал, что настоящее искусство — в радостном и простом слиянии с жизнью. Оно должно также отличаться от всего созданного в Айгюптосе, как отличается его родина разнообразием рек, полей, лесов, моря и гор, пестрой сменой времен года от этой страны, где так однообразно возвышаются скалы по берегам единственной, повсюду одинаковой речной долины, окаймленной песчаными волнами раскаленных пустынь и заполненной возделанными садами. Тысячи лет назад жители Айгюптоса прятались в долине Нила от враждебного мира. Теперь их потомки пытались отвести лицо от жизни, укрываясь внутри своих храмов и дворцов.

Пандион не понимал еще того, что величие искусства Айгюптоса в значительной мере было обязано природным способностям разноплеменных рабов, из миллионов которых выбиралось все наиболее талантливое, невольно отдававшее свои творческие силы на прославление угнетавшей их страны. Окончательно освободившись от преклонения перед могуществом Айгюптоса, Пандион решил бежать как можно скорее и убедить друга Кидого в необходимости бегства...

С этими мыслями Пандион поехал вместе со своим начальником, Кидого и десятью другими рабами в дальнюю поездку к развалинам Ахетатона*. Молодой скульптор рассекал гладкую поверхность реки веслами, радостно чувствуя стремительный бег лодки по течению. Путь был далек. Надо было проехать чуть ли не три тысячи стадий — расстояние, близкое к тому, которое отделяло его родину от Крита, и когда-то казавшееся неизмеримо далеким. Пандион во время этого плавания узнал, что до Великого Зеленого моря — так называли жители Айгюптоса море, на северной стороне которого ждала Пандиона его Тесса, — было вдвое дальше, чем до Ахетатона.

Веселое настроение Пандиона быстро прошло: впервые он ясно представил себе, как глубоко внутри пенной страны Африки он находится, какое огромное

* *Ахетатон* (ныне Тель-эль-Амарна) — столица фараона Эхнатона.

пространство отделяет его от берегов моря, где он мог бы надеяться на возвращение.

Молодой эллин угрюмо склонялся над веслами, а лодка все мчалась по бесконечной сверкающей ленте гладкой рски, мимо зеленых зарослей, возделанных полей, тростниковых чащ и раскаленных скал.

На корме, в тени пестрого навеса, лежал царский скульптор, овеваемый опахалами услужливого раба. А по берегам тянулись маленькие тесные хижины — огромное количество народа кормила плодородная земля, тысячи людей копошились на полях, в садах или зарослях папируса, добывая себе скудную пищу. Тысячи людей теснились друг к другу на пыльных, выжженных солнцем улицах бесчисленных селений, у окраин которых надменно возвышались тяжелые египетские храмы, наглухо замкнутые от яркого солнца.

В голове Пандиона вдруг мелькнула мысль, что не только ему и его товарищам выпал на долю подневольный труд в Та-Кемте, что, пожалуй, все эти обитатели жалких домиков тоже живут в плену безрадостного труда, тоже являются рабами великих владык и вельмож, несмотря на все свое презрение к нему, жалкому, заклеяменному дикарю...

Задумавшись, Пандион громко стукнул веслом о весло другого гребца.

— Эй, экуша, ты заснул, берегись! — раздался громкий окрик рулевого.

На ночь рабов запирали в тюрьмы, стоявшие вблизи каждого большого селения или храма.

Скульптора фараона с почестями встречали местные начальники, и он в сопровождении двух доверенных слуг шел отдыхать.

На пятый день плаванья лодка обогнула выступ подмытых рекою темных утесов. За ними протянулась обширная равнина, закрытая с берега рядами высоких пальм и сикомор*. Лодка приблизилась к выложенной камнем набережной с двумя широкими лестницами, спадающими в воду. На берегу над зубчатой стеной

* Сикомора — фиговое дерево, смоковница.

массивным кубом поднималась башня. Сквозь приоткрытые тяжелые ворота виднелся сад с прудами и цветущими лужайками, в глубине стояло белое здание, украшенное пестрыми узорами.

Это был дом главного жреца здешних храмов.

Царский скульптор, сопровождаемый подобострастными поклонами стражи, вошел в ворота, а рабы остались снаружи под надзором двух воинов. Ожидать пришлось недолго — вскоре скульптор появился в сопровождении человека со свертком исписанного папируса в руках и повел рабов мимо храмов и обитаемых домов к большому участку, занятому полуразрушенными стенами, лесом колонн с провалившимися кровлями. Среди этого мертвого города попадались небольшие здания, несколько лучше сохранившиеся. Редкие пни обозначали участки бывших садов; высохшие бассейны, пруды и каналы были засыпаны песком. Песок толстым слоем покрывал каменные плиты дороги, ложился откосами вдоль изъеденных временем стен. Ни одной живой души не было видно кругом, мертвое молчание царило в иссушающем зное.

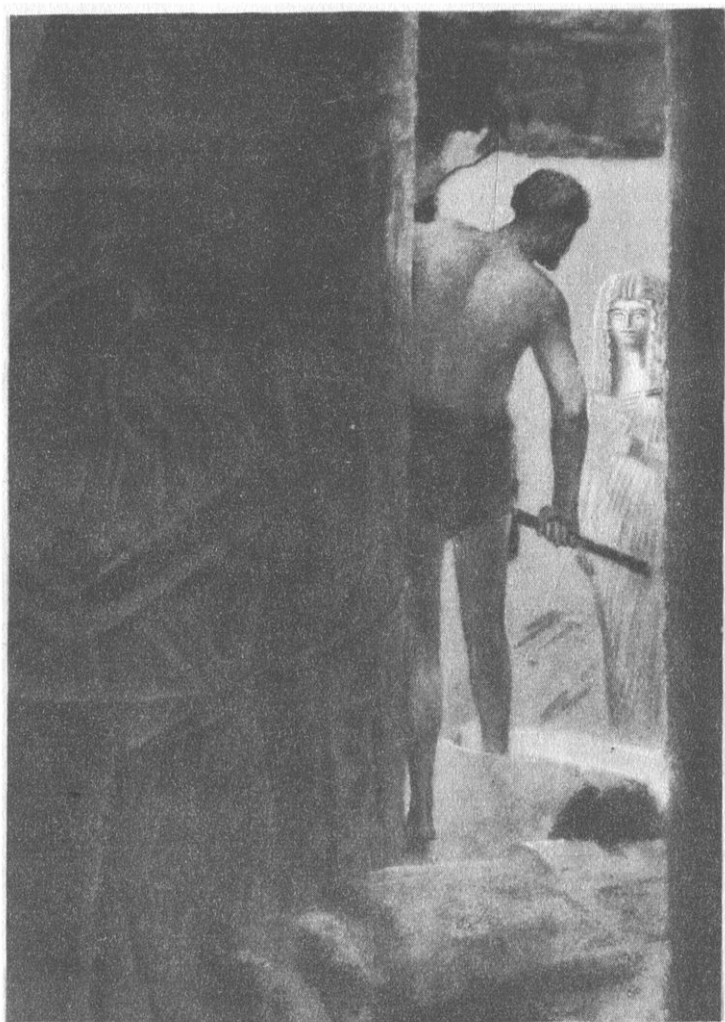
Скульптор коротко рассказал Пандиону, что эти развалины были когда-то прекрасной столицей фараона-отступника *, проклятого богами. Имя его не должен произносить ни один истинный сын Черной Земли.

Что сделал этот царствовавший четыре века назад фараон, почему он построил здесь новую столицу, об этом Пандион ничего не мог узнать.

Незнакомец развернул сверток, и по чертежу оба египтянина разыскали высокое продолговатое здание с поваленными перед входом колоннами. Стены внутри были облицованы плитками из лазурно-синего камня с золотистыми жилками.

Пандион и другие рабы скульптурной мастерской должны были осторожно снять тонкие шлифованные плитки, плотно припавшие к стене. На эту работу ушло несколько дней. Рабы ночевали здесь же в раз-

* Фараон Эхнатон (Аменхотеп IV) — 1375—1358 гг. до н. э., пытавшийся ввести в Египте новую религию с единым богом — солнечным диском Атоном.

К стр. 89.

валинах, пища и вода доставлялись им из соседнего селения.

Окончив порученное им дело, Пандион, Кидого и четыре других раба получили приказание осмотреть наудачу некоторые здания и поискать, нет ли в развалинах красивых вещей, которые можно было бы доставить во дворец фараона. Негр и эллин пошли вдвоем, впервые без присмотра стражей и внимательного взгляда надсмотрщика.

Друзья взобрались на приворотную башню какой-то обширной постройки, чтобы осмотреться. С востока на развалины надвигались пески пустыни, раскинувшейся, насколько хватал глаз, грядами низких холмов и горами щебня.

Пандион оглянулся на безмолвные развалины и, в волнении стиснув руку Кидого, зашептал:

— Бежим, нас хватятся нескоро, никто не видит...

Добродушное лицо негра расплылось в усмешке.

— Разве ты не знаешь, что такое пустыня? — изумился Кидого. — Завтра в этот час воины найдут наши трупы, иссушенные солнцем. Они, — Кидого подразумевал египтян, — знают, что делают. Путь на восток всего один — там, где колодцы, и этот путь стерегут. А здесь крепче цепей держит нас пустыня...

Пандион угрюмо кивнул, минутный порыв его угас. Друзья молча спустились с башни и разошлись в разные стороны, заглядывая в провалы стен или проникая в темноту открытых входов.

Внутри небольшого двухэтажного, хорошо сохранившегося дворца с остатками деревянных решеток в окнах Кидого посчастливилось отыскать небольшую статую египетской девушки из крепкого желтоватого известняка. Он позвал Пандиона, и оба залюбовались работой безвестного мастера. Красивое лицо было типичным для египтянки. Пандион уже знал облик женщин Айгюптоса — низкий лоб, узкие, приподнятые у висков глаза, слегка выдвинутые вперед щеки и толстые губы с ямочками в углах.

Кидого понес находку начальнику мастерской, а Пандион углубился в развалины. Машинально переступая через обломки, перебираясь через кучи камней,

Пандион подвигался вперед, не разбирая направления, и скоро вошел в прохладную тень уцелевшей над колоннами части крыши. В глубине, прямо перед ним, виднелась плотно закрытая дверь. Пандион нажал на медную оковку. Гнилые доски рассыпались, и молодой скульптор вошел внутрь помещения, слабо освещенного через щель в потолке.

Это была небольшая комната в толще каменных стен, выложенных тщательно пригнанными камнями. Два легких кресла из черного дерева, отделанные костью, стояли покрытые толстым слоем пыли. В углу юноша заметил развалившийся ларец, сквозь щели которого блестел какой-то предмет. У противоположной стены на куске полированного розового гранита эллин увидел скульптуру из серого камня. Это была фигура женщины в рост человека. Только верхняя часть изваяния была тщательно отделана.

Две изгибающиеся пантеры из черного камня, как бы для охраны, осторожно скользили по сторонам статуи. Пандион осторожно стер пыль с изваяния и отступил в немом восхищении.

Искусство скульптора передало в камне прозрачную ткань, облегающую юное тело. Левая рука девушки крепко прижимала к груди цветок лотоса. Густые волосы, заплетенные длинными мелкими локонами, обрамляли лицо, образуя тяжелую прическу, разделенную пробором и спадавшую ниже плеч. Очаровательная девушка не походила на египтянку. У нее было круглое лицо, с прямым небольшим носиком, широким лбом и огромными, широко расставленными глазами. Нижняя часть лица не выступала вперед, как у женщин Айгюптоса.

Пандион заглянул на статую сбоку, и его поразила странная и лукавая насмешливость, запечатленная скульптором на лице девушки. Такого выражения жизни и ума он никогда не видел на статуях: художники Айгюптоса больше всего любили величественную и равнодушную неподвижность.

Девушка была похожа на женщин Энниады или, скорее, на прекрасных женщин островов его родного моря.

Ясное и умное лицо статуи было так далеко от мрачной красоты творений Айгюптоса, изваяно с таким исподражаемым совершенством, что мучительная тоска опять вернулась к Пандиону. Стиснув руки, молодой эллин старался представить себе модель скульптора, эту близкую ему чем-то девушку, неизвестно какими путями попавшую в Айгюптос четыре столетия назад. Была ли она такой же, как он, пленницей или по доброй воле приехала из неизвестной страны?..

Луч солнца проник через щель вверху, пыльный свет упал на статую. Пандиону показалось, что лицо девушки изменило выражение — глаза загорелись, губы задрожали, словно трепет таинственной, скрытой жизни возник на поверхности камня.

Да, вот как нужно делать статуи... вот у кого нужно бы учиться передавать живую красоту... у этого мастера, умершего так давно!

С благоговейной осторожностью Пандион положил пальцы на лицо статуи, ощупывая почти неуловимые, мельчайшие детали, так верно передававшие жизнь.

Долго стоял Пандион перед прекрасной девушкой, улыбавшейся ему дружески и насмешливо. Ему казалось, что он нашел нового друга, осветившего ласковой улыбкой вереницу безрадостных дней.

И невольно мысли юноши перенеслись к Тессе. Перед ним возник ее живой образ.

Глаза Пандиона в задумчивости блуждали по росписям потолка и стен, где сплетались звезды, букеты лотосов, узоры изломанных лилий, головы быков. Вдруг Пандион вздрогнул: видение Тессы исчезло, и перед ним на темной стене появилось изображение пленников, связанных спина к спине, влекомых к стопам фараона. Пандион вспомнил, что уже поздно. Нужно было спешить с возвращением и оправдать свою задержку. Но, взглянув еще раз на статую, Пандион понял, что не сможет отдать ее в руки своего хозяина-скульптора. Юноше это казалось предательством, вторичным пленением неизвестной девушки во враждебном к иноземцам Айгюптосе. Он поспешно оглянулся, вспомнив про ящик, замеченный им в углу.

Встав на колени, Пандион достал оттуда четыре фаянсовых бокала в виде цветов лотоса, покрытые яркой голубой эмалью. Этого было достаточно. Пандион в последний раз посмотрел на изваяние девушки, стараясь запомнить все подробности ее лица, и с тяжелым вздохом вынес бокалы наружу. Оглянувшись по сторонам, молодой скульптор, поспешно завалив вход большими камнями и сгребая горстями щебень, старательно присыпал ограждение, пытаясь придать ему вид давно осыпавшейся стены. Потом он осторожно увязал бокалы в набедренную повязку, невольно сделал прощальный жест в сторону оставшейся в своем убежище статуи и поспешил обратно. Направление ему указывали крики рабов, очевидно разыскивавших его. Среди них выделялся звонкий и сильный голос Кидого.

Царский скульптор встретил Пандиона угрозами, но сразу смягчился, едва увидел драгоценную находку.

Обратно плавание длилось на три дня дольше — гребцам приходилось бороться с течением. Пандион рассказал Кидого про статую, и негр одобрил его поступок, прибавив, что, может быть, эта девушка происходила из народа машуашей, жившего на северном краю великой западной пустыни.

Пандион уговаривал Кидого бежать, но друг в ответ только отрицательно покачивал головой, отвергая все планы эллина.

За семь дней плавания Пандиону так и не удалось убедить друга, но сам он уже не мог далее бездействовать; ему казалось, что еще немного — и он не выдержит и погибнет. Он тосковал по товарищам, оставшимся на строительных работах и в шене. В них он чувствовал ту силу, которая могла бы привести к освобождению, давала надежду на будущее. А здесь не было надежды на освобождение, — это заставляло Пандиона задыхаться от бессильной ярости.

Через два дня после возвращения в мастерскую скульптор фараона повел Пандиона во дворец главного строителя. Там готовился праздник. Пандион должен

был вылепить из глины модели статуэток и сделать по ним формы для изготовления сладких печений.

Молодой скульптор, закончив работу, по приказу хозяина остался во дворце до конца пира, чтобы с другими рабами нести царского скульптора домой. Пандион, не обращая внимания на рабов и рабынь, во множестве сновавших по дворцу, удалился в сад.

Стемнело, на безлунном небе зажглись яркие звезды, а пир все продолжался. Снопы желтого света, проникая в сад через широкие оконные проемы, вырывали из темноты стволы деревьев, листву и цветущие кустарники, поблескивали красными огоньками на зеркальной воде бассейнов. Гости собрались в большом нижнем зале с колоннами из полированных кедровых стволов. Зазвучала музыка. Пандион, так давно не слышавший ничего, кроме заунывных и незнакомых песен, незаметно подобрался к большому низкому окну, укрылся в кустах и стал наблюдать.

Из наполненного людьми зала шел тяжелый аромат благовоний. Стены, колонны и рамы окон были увешаны гирляндами свежих цветов, больше всего, как заметил Пандион, лотосов. Пестрые кувшины с вином, плетенки и чаши с фруктами стояли на низких подставках возле сидений. Разгоряченные вином гости, облитые душистой помадой, теснились вдоль стен, а посредине между колоннами медленно танцевали девушки в длинных одеяниях. Черные волосы, заплетенные в многочисленные тонкие косички, развевались по плечам танцующих, широкие браслеты из разноцветного бисера охватывали запястья, пояски из цветных бус просвечивали сквозь тонкую ткань. Пандион не мог не заметить некоторой угловатости в сложении женщин Айгюптоса, отличавшихся от стройных девушек его родины. В стороне молодые египтянки играли на различных инструментах: две девушки — на флейтах, одна — на многострунной арфе, еще две извлекали резкие дрожащие звуки из длинных двухструнных инструментов.

Танцовщицы держали в руках блестящие листы тонкой бронзы, время от времени прерывая мелодию короткими звенящими ударами. Непривычная для уха

Пандиона музыка составлялась из смены высоких и низких, резко стонущих нот то в медленном, то в убыстренном темпе. Танцы окончились, утомленные танцовщицы уступили место певцам. Пандион, прислушиваясь, старался разобрать слова. Это ему удавалось, когда мелодия шла медленно или звучала на низких нотах.

Первая песня прославляла путешествие в южную часть Та-Кемта. «Ты встретишь там красивую девушку, она принимает тебя за другого и отдает тебе цвет своей груди», — разобрал Пандион.

В другой песне с воинственными выкриками прославлялась храбрость сынов Та-Кемта в витиеватых, показавшихся Пандиону бессмысленными выражениях. С раздражением молодой эллин отошел от окна.

«Имя храброго не погибнет на всей земле вовеки», — донеслись до него последние слова, и пение прекратилось. Послышались смех, оживленное движение, и Пандион снова заглянул в окно.

Рабы привели светлокожую девушку с коротко подстриженными волнистыми волосами и вытолкнули ее на середину зала. Она стояла, смущенно и испуганно оглядываясь, среди растоптанных на гладком полу цветов. Из толпы гостей выделился человек и сказал девушке несколько сердитых слов. Она покорно взяла протянутую ей лютню из слоновой кости, и пальцы ее маленьких рук забегали по струнам. Низкий и чистый голос девушки разлился по залу, гости замолкли. Это не была отрывистая, спадавшая и опять повышавшаяся, скачущая египетская мелодия, — звуки лились свободно и печально. Сначала они падали медленно, как отдельные звенящие капли, потом слились в мерном колебании, зарокотали, зашептались, как волны, и понеслись с такой безудержной тоской, что Пандион замер. Пандиону казалось, свободное море колыхалось в песне, в непонятных звуках волшебного голоса. Море, незнакомое и нелюбимое здесь, в Айгюптосе, родное и светлое для Пандиона. Пандион сначала стоял ошеломленный — так много запрятанного в самой глубине души вдруг устремилось наружу. Тоска по свободе, такая близкая и понятная Пандиону, властно звала,

плакала и томила в песне. Зажав уши и стиснув зубы, чтобы не вскрикнуть, он побежал в глубь сада. Там, бросившись на землю во тьме под деревьями, Пандион тяжело и неудержимо зарыдал...

— Эй, экуеша, ко мне! Экуеша! — услышался зов хозяина Пандиона. Молодой эллин не заметил, что окончился пир.

Скульптор фараона был заметно пьян. Опираясь на руку Пандиона и поддерживаемый с другой стороны своим рабом, рожденным в неволе, начальник мастерских отказался возлечь на носилки и пожелал пойти пешком к дому.

На половине пути, изредка спотыкаясь на выбоинах дороги, он вдруг принялся расхваливать Пандиона, пророча ему большую будущность. Пандион шел под впечатлением песни, почти не слушая начальника. Так они дошли до цветного портика дома египтянина. В дверях появилась его жена с двумя рабынями, державшими светильники. Царский скульптор, пошатываясь, взобрался на ступеньки и похлопал по плечу Пандиона. Тот спустился вниз — рабы мастерской не имели права входить в дом.

— погоди, экуеша! — весело сказал начальник, пытаясь изобразить на лице хитрую усмешку. — Дай сюда! — он почти вырвал их рук рабыни светильник и что-то сказал ей шопотом. Рабыня скрылась в темноте.

Египтянин толкнул Пандиона в дверь и ввел его в приемный зал. Налево у простенка стояла большая красивая ваза с тонким темнокрасным рисунком. Такие сосуды Пандион видел на Крите, и снова сердце юноши сжалось от боли.

— Повелел его величество, жизнь, здоровье, сила, — торжественно произнес царский скульптор, — мне изготовить семь ваз по образцу этой, из стран твоего моря. Мы только заменим варварские краски на любимые в Та-Кемте синие цвета... Если ты отличишься в этой работе, я скажу о тебе Великому Дому... А теперь... — возвысил голос начальник и повернулся к поспешно приближавшимся двум темным фигурам.

Это были ушедшая рабыня и какая-то другая девушка, закутанная в длинный пестрый плащ.

— Подойди ближе, — нетерпеливо приказал египтянин и поднес светильник к лицу закутанной девушки.

Большие выпуклые черные глаза боязливо взглянули на Пандиона, пухлые детские губы раскрылись в трепетном вздохе. Пандион увидел выбивавшиеся из-под покрывала выжженные волосы, тонкий нос с нервно трепетающими ноздрями — рабыня была, несомненно, азиаткой, из восточных племен.

— Смотри, экуеша, — сказал египтянин неуверенным, но сильным движением срывая с девушки плащ. Она слабо вскрикнула и спрятала лицо в ладони, оставшись нагой.

— Бери ее в жены, — царский скульптор толкнул девушку к Пандиону, и она, вся задрожав, прижалась к груди молодого эллина.

Пандион слегка отодвинулся и погладил спутавшиеся волосы юной пленницы, поддаваясь смешанному чувству жалости и нежности к милому, испуганному существу.

Царский скульптор, улыбаясь, одобрительно прищелкнул пальцами.

— Она будет твоей женой, экуеша, и у вас будут хорошие дети, которых я оставлю моим детям в наследство...

Точно стальная пружина внезапно развернулась в Пандионе. Душевное смятение, давно нараставшее в нем, разбуженное сегодняшней песней, вскипело. Красный туман застилал глаза.

Пандион отступил от девушки, оглянулся и поднял руку. Египтянин, трезвея, побсжал в дом, громко сзывая всех слуг на помощь. Пандион, не взглянув на труса, с презрительным смехом пнул ногой дорогую критскую вазу, и глиняные черепки с глухим звоном рассыпались на каменном полу.

Дом наполнился криком и топотом ног. Несколько минут спустя Пандион лежал у ног начальника мастерской, а тот, нагнувшись, плевал на него, изрыгая проклятия и угрозы.

— Негодяй заслуживает смерти. Разбитая ваза дороже его презренной жизни, но он может сделать много хороших вещей... и я не хочу терять хорошего работ-

ника, — говорил час спустя успокоившийся скульптор своей жене. — Я пощажу его жизнь и не отправлю его в тюрьму потому, что оттуда он попадет на золотые рудники и погибнет. Я верну его в шене, пусть одумается, а ко времени будущего посева возьму обратно...

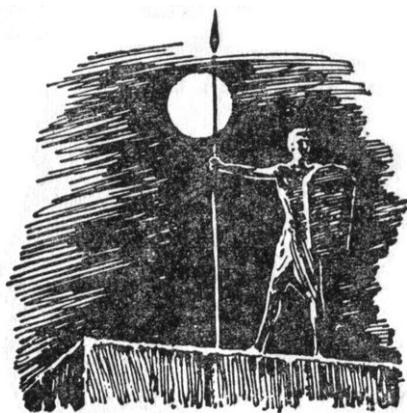
Так Пандион, избитый, но не усмиренный, вернулся в шене и к своей большой радости встретился с друзьями-этрусками. Весь строительный отряд после разборки храма работал на поливе садов Аммона.

К вечеру следующего дня внутренняя дверь шене раскрылась с обычным скрипом и пропустила под приветственные возгласы рабов улыбающегося Кидого. Спина негра вздулась, исполосованная ударами бича, но зубы сверкали в усмешке, а глаза весело блестели.

— Я узнал, что тебя послали назад, — сообщил он изумленному Пандиону, — и стал кататься по мастерской, вопя и ломая все, что подвернется. Побили и тоже отправили — мне это и нужно, — закончил Кидого.

— А ты же хотел стать мастером? — насмешливо спросил Пандион.

Негр беззаботно махнул рукой и, страшно выкатив глаза, плюнул в том направлении, где находилась великая столица Айгюптоса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ

Камни, накаляясь на солнце, обжигали плечи и руки людей. Легкий ветерок не нес прохлады, но сдувал с гладкой поверхности каменных глыб мельчайшую известковую пыль, разъедавшую глаза.

Тридцать рабов, выбиваясь из сил, тянули жесткие канаты, поднимая на стену тяжелую плиту с каким-то сложным барельефом. Ее нужно было вставить в приготовленное гнездо на высоте восьми локтей. Четыре опытных и сметливых раба направляли плиту снизу. В числе их находился Пандион, стоявший рядом с рабом-египтянином — единственным из жителей

Айгюптоса, находившимся в шене среди чужеземных пленников. Этот египтянин, осужденный в вечное рабство за неизвестное страшное преступление, занимал крайнюю клетушку в юго-восточном, привилегированном углу шене. Два лиловых клейма в виде скрещенных широких полос пересекали его грудь и спину, на щеке была изображена красная змея. Мрачный, никогда не улыбавшийся, он ни с кем не общался и, несмотря на всю тяжесть своего положения, презирал иноплеменных рабов, подобно своим свободным соотечественникам.

И сейчас, не обращая ни на кого внимания, понунав бритую голову, египтянин упирался руками в край толстой плиты, чтобы не давать камню раскачиваться.

Мокрая от пота черная кожа Кидого блестела, резко выделяясь рядом с белым полированным мрамором.

Вдруг Пандион заметил, что на веревке начали лопаться волокна, и издал предостерегающий крик. Два других раба отскочили в сторону, а египтянин, не обратив внимания на Пандиона и не заметив того, что делалось вверху, остался под плитой.

Молодой эллин, далеко выбросив правую руку, мгновенным толчком в грудь отшвырнул египтянина назад. В ту же секунду плита рухнула, слегка задев отпрянувшего Пандиона и ободрав ему кожу с руки. Желтая бледность покрыла лицо египтянина. Плита стукнулась о подножие стены, большой угол барельефа откололся.

С негодующим криком к Пандиону подбежал надсмотрщик и хлестнул эллина бичом. Четырехгранный ремень в два пальца толщиной, сделанный из кожи бегемота, глубоко рассек кожу на поясице. У Пандиона от боли потемнело в глазах.

— Негодяй, зачем ты спас эту падаль? — завопил надсмотрщик, замахиваясь вторично. — Плита, упавшая на мягкое тело, осталась бы цела! Это изображение дороже сотни жизней жалких тварей, таких, как вы! — продолжал он, нанося второй удар.

Пандион бросился было на надсмотрщика, но был схвачен подоспевшими воинами и жестоко исхлестан бичами.

Ночью Пандион лежал на животе в своей клетушке. Его лихорадило, глубокие борозды от бича на спине, плечах и ногах воспалились. Приползший к нему Кидого поил его водой, смачивая время от времени голову.

У входной двери слышался легкий шорох, потом шопот:

— Экуеша, ты здесь?

Пандион отозвался и почувствовал прикосновение руки.

Это был египтянин. Он достал из-за пояса маленькую баночку, долго возился, растирая что-то на ладони, потом начал осторожно водить рукой по рубцам Пандиона, размазывая жидкую мазь с едким, неприятным запахом. Эллин вздрагивал от боли, но уверенная рука продолжала свою работу. Когда египтянин принялся массировать ноги, боль на спине уже прекратилась, а еще через несколько минут Пандион тихо уснул.

— Ты что ему сделал? — шепнул Кидого, совершенно невидимый в своем углу.

Египтянин, помолчав, ответил:

— Это кифи, самое лучшее лекарство, тайна наших жрецов. Мне принесла его мать, хорошо заплатив воину.

— А ты хороший человек. Прости меня, я думал, ты дрянй! — воскликнул негр.

Египтянин буркнул что-то сквозь зубы и неслышно скрылся в темноте.

С этого дня египтянин подружился с молодым эллином, попрежнему оставляя без внимания его друзей. Теперь часто по ночам Пандион слышал шорох возле своей клетушки. Если у эллина никого не было, костлявое тело египтянина быстро скользило внутрь. Ожесточенный, одинокий сын Та-Кемта был откровенен и разговорчив наедине с чутким молодым эллином. Пандион скоро узнал историю египтянина.

Яхмос — «сын месяца» — происходил из старого рода недшесов, бывших верными слугами прежних фараонов, но со сменой династии устранившихся и обедневших. Яхмос был обучен наукам и стал писцом началь-

ника Заячьего сеп^{*}. Случилось так, что он полюбил дочь строителя, требовавшего крупного обеспечения. Потеряв голову от любви и отчаявшись в возможности быстрого обогащения, Яхмос решил достать нужную сумму во что бы то ни стало и сделался грабителем царских усыпальниц. Знание письменности давало ему большие преимущества в этом страшном, жестоко каравшемся деле. Скоро в руках Яхмоса было много золота, но его невеста оказалась выданной замуж за чиновника с крайнего юга.

Яхмос пытался скрасить горе веселыми пирами, покупкой наложниц,—деньги быстро исчезли. Понадобились другие. Темные пути богатства уже были знакомы, и Яхмос вновь принялся за свое страшное дело, но в конце концов был схвачен, подвергся жестоким пыткам, товарищи его — казнены или умерли от мучений. Яхмоса приговорили к ссылке на золотые рудники. Каждая новая партия отправлялась туда во время наводнения, раз в год, и Яхмос пока был отдан в шене, так как не хватало рабочих рук для постройки новой стены храма Пта^{**}.

Пандион с интересом слушал рассказы Яхмоса, поражаясь неслыханной отваге египтянина, казавшегося ему невоинственным человеком.

Яхмос рассказывал о своем пребывании в страшных подземельях, где мучительная смерть подстерегала смельчака на каждом шагу благодаря ухищрениям строителей.

В самых древних гробницах, скрытых глубоко под огромными пирамидами, сокровища и саркофаги защищались толстыми щитами, запиравшими узкие наклонные ходы. Позже применялись лабиринты фальшивых ходов, прерывавшиеся глубокими колодцами с гладкими стенами. Тяжкие глыбы падали сверху при попытке грабителей отодвинуть загораживавшие ход камни, груды песка из сооруженных наверху колодцев засыпали входы погребальных камер. Если дерзкие гости продолжали попытки проникнуть дальше,

^{*} Сеп^а — провинция.

^{**} Пта — один из главных богов (восьми) Египта.

массы земли обрушивались из колодцев и запирали нарушителей покоя усопших царей в узком пространстве между кучами песка и вновь насыпавшейся землей. В менее древних гробницах в темноте низких галлерей бесшумно смыкались каменные челюсти, решетки с копьями падали с колонн, едва нога пришедших ступала на роковую плиту пола. Яхмос знал, как много ужасов тысячелетиями скрывалось в молчании и тьме, поджидая жертву. Опыт приобретался ценой гибели многих товарищей по ремеслу. Не раз натыкался египтянин на истлевшие останки неведомых людей, погибших в западне в неизвестные времена.

Много ночей провел Яхмос с товарищами на краю западной пустыни, где на протяжении сотен тысяч локтей тянулись города мертвых. Скрываясь в темноте, не смея говорить или зажечь свет, ошупью, под заунывные вопли шакалов, вой гиен или громовой рык льва, грабители рылись в душных ходах или пробивали целую скалу, стремясь угадать направление, в котором находилась глубоко запрятанная гробница.

Страшное ремесло, достойное народа, заботившегося более о смерти, чем о жизни, старавшегося сохранить в вечности не живые дела, а славу мертвых.

Потрясенный Пандион с ужасом слушал рассказы о приключениях этого худого, невзрачного человека, во имя минутных удовольствий часто рисковавшего жизнью, и не понимал собеседника.

— Зачем же ты продолжал все это? — спросил как-то раз Пандион. — Разве ты не мог уехать?

Египтянин рассмеялся беззвучным, невеселым смехом.

— Страна Та-Кемт — особая страна. Ты, чужеземец, не понимаешь ее. Мы все здесь в плену, не только рабы, но и свободные сыны Черной Земли. Когда-то, в незапамятные времена, пустыни охраняли нас. Теперь Та-Кемт, зажатый среди пустынь, — это большая тюрьма для всех, кто не может делать далеких походов с многочисленным войском.

На западе — пустыня, царство смерти. На востоке — пустыня, проходимая лишь для больших караванов с запасами воды. На юге — враждебные нам дикие племена. И соседние народы пылают гневом на нашу страну, построившую свое благо на несчастье слабых племен.

Ты не сын Та-Кемта и не понимаешь, как страшно нам умереть на чужбине. В этой повсюду одинаковой долине Хапи, где тысячелетия жили наши предки, взрыли всю землю, избороздили каналами и сделали плодородной, должны умирать и мы. Та-Кемт замкнут, и в этом его проклятие. Когда слишком много людей, их жизни ни во что не ценятся, а переселяться нам некуда — избранный богами народ нелюбим людьми чужих стран...

— Но сейчас тебе разве не лучше бежать?—допытывался Пандион.

— Бежать одинокому и заклеяменному?—удивился египтянин.—Я теперь хуже иноземца... Запомни, экуеша, бежать отсюда нельзя! Если только силой перевернуть всю страну Черной Земли. Но кто же может это сделать? Хотя были такие дела в давние времена, — Яхмос печально вздохнул.

Насторожившийся Пандион принялся расспрашивать Яхмоса и узнал о великих мятежах рабов, потрясавших временами страну. Узнал о том, что к рабам присоединялись беднейшие слои населения, жизнь которых мало отличалась от подневольной.

Узнал о том, что простым людям запрещено общаться с рабами, ибо «бедный человек даст разъяриться толпе, отданной в рабочие дома», как писали фараоны в наставлениях своим сыновьям.

Узок был мир бедных сынов Та-Кемта,—только одну улицу своего селения знал земледелец или ремесленник. Он старался иметь поменьше знакомых, унижался перед стражами — «вестниками», приносящими ему повеления чиновников. Фараон требовал покорности и тяжелого труда, за малейшую провинность виновного беспощадно избивали. Громадное число чиновников обременяло страну, свободный выезд и путешествия запрещались всем, кроме жрецов и вельмож.

По просьбе Пандиона Яхмос нарисовал на полу в блике лунного света чертеж страны Та-Кемт, и молодой эллин ужаснулся. Он находился в середине долины великой реки длиной во много тысяч стадий. На север или на юг была вода и была жизнь, но пробраться до границ государства вдоль по густо заселенной, усеянной воинскими укреплениями стране невозможно. А по сторонам, совсем рядом, шли безлюдные пустыни, там не было населения, но не было и возможности существовать.

Немногие дороги для караванов с колодцами хорошо охранялись.

После ухода египтянина Пандион провел бессонную ночь, пытаясь придумать план бегства. Юноша инстинктивно понимал, что в дальнейшем надежды на удачный исход бегства будут тем меньше, чем больше изнурит его непосильный труд раба. Только исключительно выносливым и сильным людям может улыбнуться счастье при побеге.

На следующую ночь Пандион пополз к этруску Кави, передал ему сведения, полученные от египтянина, и убеждал сделать попытку взбунтовать рабов. Кави отмалчивался, пощипывая в раздумье бороду. Пандиону было хорошо известно, что подготовка к восстанию давно уже ведется, что в группах разных племен уже выдвинулись свои вожди.

— Я не могу терпеть больше, зачем? — страстно воскликнул молодой эллин, и Кави поспешно зажал ему рот. — Пусть смерть, — добавил эллин, успокоившись. — Чего ждать, что изменится? Если изменится через десять лет, так тогда мы уже не сможем ни сражаться, ни бежать. Разве ты боишься смерти?

Кави поднял руку.

— Не боюсь, и ты это знаешь, — отрезал этруск, — но за нами пятьсот жизней. Или ты хочешь принести их в жертву? Дорогая цена твоей смерти!

Пандион резко поднялся и ударился головой о низкий потолок.

— Я подумаю, поговорю, — поспешно сказал Кави, — но жаль, что всего два шене поблизости от нас.

Плохо, что у нас нет языков в других шене. Завтра ночью будем говорить, я дам тебе знать, предупреди Кидого...

Пандион выбрался из клетушки этруска, прополз вдоль стены и, торопясь, чтобы успеть до восхода луны, направился к Яхмосу. Яхмос не спал.

— Я ползал к тебе, — взволнованно зашептал египтянин, — но тебя не застал. Я хочу тебе сказать... — Он запнулся. — Мне сказали, что завтра меня возьмут отсюда — отправляют триста человек на золотые рудники в пустыню. Так вот — оттуда не возвращается никто...

— Почему? — спросил Пандион.

— Рабы, сосланные туда, редко живут больше года. Ничего нет ужаснее работы там — в раскаленном сердце горы, без воздуха. И воды дают мало — ее нехватает. А нужно бить крепчайший камень, поднимать руду на себе в корзинах. Самые стойкие падают замертво к концу рабочего дня, исходят кровью из ушей и горла... Прощай, экуеша, ты светлый человек, и я полюбил тебя, хотя ты спас меня напрасно. Но я ценю не спасение, а сочувствие... Давно уже горькая жизнь заставила нашего древнего певца сложить хвалу смерти. И я сейчас повторяю ее.

— «Смерть стоит передо мной, как выздоровление перед больным, как выход после болезни, — речитативом зашептал египтянин, — как пребывание под парусом в ветреную погоду, как запах лотоса, как путь, смытый дождем, как возвращение домой с похода...» — голос Яхмоса оборвался со стоном.

Охваченный жалостью, молодой эллин придвинулся к египтянину.

— Но ты можешь сам... — Пандион не договорил. Яхмос отшатнулся.

— Что ты говоришь, чужеземец! Разве я могу заставить свое Ка* вечно терзать Ба** в никогда не кончающихся страданиях...

Пандион ничего не понял. Он был искренне убеж-

* Ка — по египетским верованиям, разумная душа.

** Ба — телесная душа, призрак тела.

ден, что со смертью окончатся и мучения, но промолчал, шадя веру египтянина.

Яхмос принялся поспешно рыть землю в углу своей клетушки, отодвинув в сторону солому, на которой спал ночью.

— Вот возьми этот кинжал, если ты когда-нибудь посмеешь... а это на память обо мне, если случится чудо и ты станешь свободным, — Яхмос положил в руку Пандиона гладкий и холодный предмет.

— Что это, зачем мне он? — удивился молодой эллин.

— Это камень, который я нашел в подземельях одного старого храма, спрятанного в скалах.

И Яхмос, радуясь возможности забыться в воспоминаниях, рассказал Пандиону про таинственный древний храм, на который он наткнулся в поисках богатых гробниц, у излучины великой реки много тысяч локтей ниже «Города»-столицы Нут-Аммон.

Яхмос заметил следы старой тропинки, которая вела к крутым утесам от берега небольшого залива, густо заросшего тростником. Место было удалено от селений и никем не посещалось, так как ничего привлекательного для земледельца или пастуха не было на бесплодных скалистых обрывах.

Яхмос мог без опаски производить свои поиски и, не теряя времени, направился в глубину узкого ущелья, заваленного каменными глыбами. Камни покрывали тропу, видимо, обвалившись много позже того времени, когда она служила для сообщения с берегом реки. Долго Яхмос пробирался через скалы, промоины, кусты колючек. Ущелье изобиловало пауками — поперек прохода были протянуты их паутинные сети, прилипавшие к потному лицу грабителя царских могил.

Наконец стены ущелья разошлись, открывая замкнутую среди высоких холмов долину. В центре ее возвышался бугор, окаймленный двумя рядами оросительных канав, — должно быть, раньше здесь был родник, использовавшийся для сада Молчание царило в тусклом мареве душной и безветренной долины. Черные блестящие скалы возвышались кругом, замыкая

долину. Только на противоположной ее стороне виднелось ущелье, подобное тому, которым пришел Яхмос в это позабытое всеми место.

Грабитель взобрался на холм и сразу увидел высеченный в скале ход, ранее скрытый за вершиной бугра. Ход был завален, и Яхмосу пришлось немало потрудиться, прежде чем он смог проникнуть внутрь. Яхмос очутился в прохладной темноте. Отдохнув немного, он зажег светильник, который всегда был при нем, и пошел по высокому коридору, тщательно осматривая выступавшие по обеим сторонам статуи. Яхмос опасался коварных ловушек, грозивших мучительной смертью. Но его опасения оказались напрасными: древние строители или не приготовили западней, надеясь на скрытое расположение храма, или же минувшие тысячелетия обезвредили ловушки. Яхмос беспрепятственно проник в большое круглое подземелье со статуей бога Тота в центре, склонявшего свой длинный клюв с высоты пьедестала. В стенах Яхмос заметил десять узких, как щели, входов, расположенных на равном расстоянии один от другого. Они вели в комнаты, заваленные полуистлевшими вещами: свертками, папирусами, деревянными досками с рисунками и надписями. Одно помещение было заполнено связками сухих трав, превращавшихся в пыль при малейшем прикосновении, в другом лежали груды камней. Не обнаружив ничего интересного для себя, Яхмос обошел восемь комнат — все они были квадратные. Девятый вход привел Яхмоса в продолговатую комнату, обрамленную колоннами из гранита. Между ними были закреплены доски черного диабазы, испещренные письменами на древнем языке Та-Кемта. Посреди комнаты стояла еще одна статуя носатого бога Тота, на ее пьедестале в плоской чаше из меди сверкнул в лучах светильника драгоценный камень. Яхмос с жадностью схватил его, поднес к огню и не удержался от возгласа разочарования. Камень не принадлежал к тем, которые ценились в Та-Кемте. Опытный глаз грабителя сразу определил, что он не имеет для купцов ценности. Но, странное дело, чем больше всматривался Яхмос, тем более привлекательным казался ему неиз-

вестный камень. Это был голубовато-зеленый обломок кристалла, величиной с наконечник копья, плоский, полированный и необыкновенно прозрачный. Заинтересованный Яхмос решил прочесть стенные надписи, надеясь найти какое-нибудь объяснение происхождению камня. Он еще не забыл древнего языка Та-Кемта, которому учили в школах высших писцов, и принялся разбирать иероглифы, прекрасно сохранившиеся на поверхности диабазы.

В подземелье было мало воздуха — отдушины для проветривания храма давно обрушились, масло в светильнике догорало, но Яхмос упорно читал, и постепенно перед отверженным грабителем раскрывалась повесть о подвиге, совершенном в незапамятные времена, вскоре после постройки великой пирамиды Хуфу. Фараон Джедефра послал своего казначея Баурджеда далеко на юг, в Та-Нутер — Страну Духов, чтобы познать пределы земли и Великую Дугу — океан. На семи лучших кораблях Баурджед отплыл на юг из гавани Суу * на Лазурных Водах **. Семь лет странствовали сыны Черной Земли. Они достигли Великой Дуги и долго плыли на юг, вдоль неизвестных берегов. Половина людей и четыре корабля погибли от страшных бурь Великой Дуги, оставшиеся достигли сказочного Пунта ***. Но приказ фараона гнал их дальше: им нужно было узнать, где на далеком юге находятся пределы земли. Оставив корабли, сыны Черной Земли двинулись на юг по земле.

Больше двух лет странствовали они через темные леса, пересекали громадные степи, переходили грозные горы — обиталища молний — и достигли, исчерпав все силы, большой реки, на которой обитал могущественный народ, умевший строить каменные храмы. Оказалось, что предел земли все еще бесконечно

* *Гавань Суу* — ныне Коссейр на Красном море.

** *Лазурные Воды* — Красное море

*** *Пунт* — легендарная страна, богатая золотом и благовоениями, по представлениям египтян, находившаяся у истоков Нила, в Стране Духов Та-Нутер. Позднее, когда египтяне стали плавать далеко на юг, страны, открытые ими на восточном побережье Африки, южнее Сомали, получили название Пунта.

далек — там, на юге, за голубыми степями и лесами с листьями из серебра. И там, за пределом земли, течет Великая Дуга — океан, — пределы которой никому из смертных неизвестны. Путешественники поняли свое бессилие выполнить до конца волю фараона и вернулись в Пунт, снарядили новые суда взамен своих старых, источенных червями и разбитых в борьбе с волнами Великой Дуги. Но уцелевших людей едва хватило на один корабль. Нагрузив его дарами Пунта, храбрецы решили повторить свой неимоверно тяжкий путь. Стремление вернуться на родину придавало им силу, — они победили ветры и волны, песчаные бури, коварные подводные скалы, голод и жажду, пробились в Лазурные Воды и прибыли в гавань Суу после семи лет отсутствия.

Многое изменилось в Черной Земле: новый фараон — беспощадный Хафра — заставил страну забыть обо всем, кроме постройки второй исполинской пирамиды, долженствовавшей возвеличить его имя на тысячи веков. Возвращение путешественников было неожиданным для всех, и фараон был разочарован, узнав, что земля и океан необъятны, а народы, обитающие далеко на юге, многочисленны. Ему, считавшему себя владыкой всего мира, Баурджед доказал, что страна Та-Кемт — всего лишь маленький уголок исполинской земли, богатой лесами и реками, всякими плодами и зверями и населенной разными племенами, также искусными в работе и охоте.

Гнев фараона обрушился на путешественников — спутники Баурджеда были сосланы в отдаленные области. Под страхом смерти было запрещено рассказывать о путешествии, в записях фараона Джедефра были стерты места с упоминанием о посылке путешественников на юг, в Страну Духов. Сам Баурджед погиб бы от гнева Хафры и его путешествие навсегда исчезло бы из памяти людей, если бы не вступился мудрый старый жрец бога наук, искусства и письма Тота. Этот жрец вдохновлял погибшего фараона на познание пределов земли, на поиски новых богатств для обедневшей от постройки гигантской пирамиды Та-Кемта. Устраненный от двора нового фараона Хафры

жрецами Ра *, он пришел на помощь путешественнику и укрыл его в тайном храме Тота, где собраны были разные тайные книги, планы, образцы растений и камней далеких земель. Великое путешествие Баурджеда по приказу жреца было записано на каменных плитах, чтобы сохраниться навеки в недоступном подземелье до тех времен, когда стране потребуется это знание. Из самой далекой, достигнутой ими страны, за большой южной рекой, Баурджед привез голубовато-зеленый прозрачный камень, неизвестный жителям Та-Кемта. Такие камни добывались в Стране голубых степей, лежавшей в трех месяцах пути южнее большой реки. Баурджед поднес этот знак крайнего предела мира богу Тоту, и именно этот камень взял Яхмос с пьедестала статуи.

Яхмос не смог прочитать всей повести о путешествии. Едва дошел он до описания каких-то волшебных подводных садов, встреченных путешественниками в плавании по Лазурным Водам, как светильник погас и грабитель с трудом выбрался из подземелий, захватив с собой только необыкновенный камень.

При свете дня кристалл из далеких земель оказался еще более прекрасным, и Яхмос не расставался с ним, но камень не принес ему счастья.

Пандиону предстоял великий путь на родину, и Яхмос надеялся, что камень, с которым Баурджед добрался домой из неслыханных далей, будет помогать и эллину.

— А разве ты не знал раньше ничего об этом путешествии? — спросил Пандион.

— Нет, оно осталось скрытым для сынов Та-Кемта, — ответил Яхмос. — Пунт стал давно известным для нас, много плаваний в разные времена совершили туда корабли Та-Кемта, но земли далекого юга — по-прежнему для нас таинственная Страна Духов.

— Но неужели не было других попыток достичь их, неужели никто не смог, подобно тебе, прочитать

* Ра — имя бога солнца, в Древнем царстве — верховное божество.

эти древние надписи и рассказать о них всем другим? — продолжал допытываться Пандион.

Яхмос задумался, не зная, что ответить чужеземцу. — Властители юга — начальники южных провинций Та-Кемта — не раз ходили в глубь южных стран. Но в записях перечисляется только добыча — слоновая кость, золото, рыбы, доставленные фараону. И пути остаются неизвестными. А морем дальше Пунта никто не пытался плавать. Слишком велики опасности, и нет теперь столь храбрых людей, какие были в древности.

— Но почему же никто не прочел этих надписей? — не успокаивался Пандион.

— Не знаю, не могу тебе ответить, — признался египтянин.

Яхмос действительно не мог знать, что жрецы, в глазах жителей Черной Земли являвшиеся хранителями древних тайн и великими учеными, уже давно не были ими. Наука выродилась в религиозные обрядности и магические формулы, папирусы, заключавшие мудрость прошлых веков, истлели в гробницах. Храмы стояли в запустении и развалинах, никто не интересовался историей страны, отраженной в бесчисленных надписях на стойком камне. Яхмос не знал, что таков неизбежный путь всякой науки, оторвавшейся от животворных сил народа, замкнувшейся в узком кругу посвященных...

Близилось время рассвета. С тяжелым чувством Пандион простился с несчастным египтянином, у которого не оставалось никакой надежды на спасение.

Молодой эллин хотел взять кинжал, оставив камень Яхмосу.

— Неужели ты не понял, что мне более ничего не нужно? — сказал египтянин. — Зачем же ты хочешь бросить прекрасный камень здесь, в гнусной ямешке?

Пандион взял кинжал в зубы, а камень зажал в руке и поспешно пополз, старательно прячась в тень от луны, к своей клетушке.

До рассвета молодой эллин лежал без сна. Щеки его горели, дрожь пробегала по телу. Пандион думал

о важном переломе в своей судьбе, о скором конце однообразной череды томительных дней тоски и отчаяния.

Входная дыра клетушки обозначалась серым пятном, из темноты выступил весь убогий обиход жилья Пандиона. Молодой эллин поднес кинжал к свету. Широкое лезвие из черной бронзы * с выпуклым ребром посередине было остро отточено. Массивная рукоятка с насечкой из азема изображала вытянувшуюся львицу — свирепую богиню Сохмет. Пандион вырыл кинжалом в углу под стенкой ямку и положил туда подарок, чтобы тщательно спрятать, но тут же вспомнил о камне. Наощупь отыскав его на соломе, юноша опять придвинулся к выходу, чтобы лучше рассмотреть кристалл.

Плоский обломок камня с округленными краями был величиной с накопечник копья. Он был тверд, чрезвычайно чист и прозрачен, цвет его казался сероголубым в предрассветной печальной мгле.

Пандион выставил камень на раскрытой ладони в отверстие входа, и в это мгновение вспыхнуло поднимавшееся солнце. Камень преобразился — на ладони Пандиона лежал он, полный блеска, и его голубовато-зеленый цвет был неожиданно радостен, светел и глубок, с теплым отливом прозрачного золотистого вина. Зеркальная поверхность камня была отполирована, видимо, рукой человека.

Цвет камня напомнил Пандиону о чем-то близком, его отблеск согрел угнетенную душу юноши. Море, да, именно таким бывает море вдали от берегов, в часы, когда солнце высоко стоит в синеве безоблачного неба. Нутур аз — божественный камень, так назвал его несчастный Яхмос!

Чудесная вспышка кристалла среди безрадостного утра показалась молодому эллину счастливым предзнаменованием.

* *Черная бронза* — особенно твердый сплав меди с редким металлом. Древние металлурги умели путем прибавления к бронзе цинка, кадмия и других металлов получать сплавы высокой твердости.

Да, прощальный подарок Яхмоса был великолепен. Кинжал и невиданный камень! Пандион поверил, что камень послужит залогом его возвращения к морю. Морю, которое не обманет, вернет ему свободу и родину. Молодой эллин погрузился взглядом в прозрачную глубину камня, из которой всплывали волны у родных берегов...

Угрожающий рокот большого барабана пронесся над клетушками шене — сигнал утреннего подъема.

Пандион мгновенно решил — он не расстанется с необыкновенным камнем, не оставит этот символ свободного моря в пыльной земле шене. Пусть камень всегда будет с ним!

После нескольких не вполне удачных проб молодой эллин нашел, наконец, способ спрятать камень незаметно в своей набедренной повязке и, поспешно закопав кинжал, все-таки чуть было не опоздал к утренней еде.

По пути и во время работы в саду Пандион наблюдал за Кави и заметил, что тот перебрасывается короткими фразами то с одним, то с другим из известных Пандиону вожаков шене. Те поспешно отходили от этруска и что-то говорили другим.

Улучив момент, Пандион приблизился к Кави. Тот, не поднимая головы, склоненной над обтесываемой глыбой, быстро и негромко произнес, не переводя дыхания:

— Ночью, до восхода луны, в крайнем проходе у северной стены...

Пандион вернулся к своей работе. По дороге в шене он передал Кидого слова этруска.

Весь вечер провел Пандион в ожидании — давно уже не было у него такого подъема духа и готовности к борьбе.

Едва рабочий дом успокоился и воины на стенах задремали, в темноте клетушки Пандиона появился Кидого.

Два друга быстро поползли к стене и повернули в узкий проход между клетушками. Они достигли северной стены, где в узкой щели господствовала особенно глубокая тьма.

Воины редко ходили по этой стене — им удобнее было наблюдать с западной и с восточной вдоль проходов между клетушками. Поэтому можно было не опасаться, что охрана наверху услышит тихий разговор.

В проходе, в два ряда, упираясь ногами в стены, и голова к голове, лежало не меньше шестидесяти рабов. Кави и Ремд — в середине. Старший этруск шопотом подозвал к себе Пандиона и Кидого.

Молодой эллин, нащупав руку этруска, протянул ему захваченный с собой кинжал. Кави в недоумении ощутил прохладный металл, порезал руку об острое лезвие и жадно схватил оружие, шепча благодарность.

Истосковавшийся по оружию, бывалый воин был рад. Он понял, что, передавая драгоценный кинжал, молодой эллин тем самым признавал старшинство Кави, без слов выбирая его своим вождем.

Не спросив Пандиона, откуда он достал оружие, Кави заговорил, делая долгие паузы, чтобы лежавшие поблизости могли передать крайним, не имевшим возможности ничего расслышать. Совещание вожаков началось — решался вопрос о жизни и свободе пятисот людей, заключенных в шене.

Кави говорил о том, что нельзя откладывать мятеж потому, что впереди у них нет никаких надежд, положение может сделаться только хуже, если рабов снова разделят и разошлют.

— Силы, единственно обеспечивающие успех в бою, уходят в тяжелой работе на угнетателей, все меньшей бодростью и здоровьем обладают наши тела с каждым месяцем жизни в плену. Смерть в бою почетна и весела, в тысячу раз легче умереть сражаясь, чем умереть под ударами жестоких бичей.

Дружный шопот одобрения пронесся по рядам невидимых слушателей.

— Да, мятеж нельзя откладывать, — продолжал Кави, — но при одном условии: если мы найдем путь выхода из проклятой страны. Даже если мы отомкнем еще два-три шене, даже если мы достанем оружие, наша сила мала, мы не сможем продержаться долго.

После великого мятежа рабов владыки Та-Кемта стараются разъединить отдельные шене, у нас нет связи с ними, нам не удастся взбунтовать сразу множество людей. Мы находимся в самой столице, где много войска, и не сможем идти по стране с боем. Лучники Айгюптоса страшны — у нас же почти не будет луков, да и не все способны хорошо владеть ими. Давайте думать, можно ли нам идти через пустыню на восток или на запад. В пустыне мы сможем оказаться очень скоро после выхода из шене. Если нельзя идти через пустыню, я думаю, нужно отказаться от мятежа, — это будет напрасная трата сил и мучительная гибель. Тогда пусть бегут только те из нас, кто захочет попытаться пройти через верную смерть в маленькой надежде на свободу. Я, например, все равно буду пытаться.

Взволнованный шопот поднялся вокруг умолкнувшего этруска.

Слова его, переданные из конца в конец, вначале возбудившие боевое настроение, теперь посеяли сомнение среди смелых вожаков. Они отнимали надежду на благополучный исход, даже на призрак успеха, и самые храбрые бойцы заколебались. Разноязычный шопот витал в угольно-черной тьме прохода.

К центру группы, где лежали четыре друга, подполз густобородый Аму — семит из-за Лазурных Вод. Его соплеменники составляли значительную часть всего населения рабочего дома.

— Я настаиваю на мятеже. Пусть смерть поглотит нас, но мы отомстим проклятым жителям проклятой страны! Мы покажем пример, которому будут следовать другие! Давно уже Та-Кемт живет в мире, свирепое искусство угнетения отняло волю к борьбе у миллионов рабов. Мы зажжем ее снова.

— Хорошо, что ты думаешь так, ты храбрец, — прервал его Кави. — А что ты скажешь тем, кого поведешь за собой?

— То же скажу, — пылко ответил семит.

— И уверен ты, что за тобой пойдут? — прошептал этруск. — Правда слишком тяжела... а ложь в таком деле бесполезна — люди хорошо чувствуют,

где правда. Их правда та, что лежит в сердце каждого.

Семит ничего не ответил. В это время между лежащими протиснулось гибкое тело ливийца Ахми. Пандион знал, что этот молодой раб, плененный в сражении у Рогов земли, происходил из знатного рода. Ливиец уверял, что близ гробниц древнейших царей Та-Кемта, у городов Тенис и Абидос, идет на юго-запад дорога в Уахет-Уэр — большой оазис в пустыне. Тропа с хорошими колодцами, обильными водой, не охраняемая войсками. Нужно войти в пустыню сразу за белым храмом Зешер-Зешеру и направиться на северо-запад, где в ста двадцати тысячах локтей от реки пересечь дорогу. Ливиец брался провести до тропы и дальше. В оазисе мало воинов, и мятежники сумеют захватить его. Дальше, за переходом через пустыню, всего в двадцать пять тысяч локтей, лежит второй большой оазис — Пашт, вытянувшийся полосой по направлению к западу. Еще дальше будет оазис Мут, от которого тропа с колодцами ведет к холмам Мертвой Змеи, а оттуда дорога на юг, в страну черных, неведомую ливийцу.

— Я знаю эту дорогу, — вмешался Кидого, — по ней я шел в злой год моего плена.

— В оазисах большие запасы фиников, мы отдохнем. Там вовсе нет укреплений, и мы сможем взять с собой вьючных животных. С их помощью мы легко дойдем до Мертвой Змеи, а там, за Соляным озером, уже чаще попадается вода.

План ливийца вызвал общее одобрение. Он казался вполне осуществимым.

Все же осторожный Кави спросил ливийца:

— Ты уверен, что до колодцев от берега реки именно сто двадцать тысяч локтей? Это большой переход.

— Может быть, и немного больше, — спокойно ответил ливиец. — Но сильный человек может одолеть этот переход без воды при одном условии — начать путь никак не позже середины ночи и двигаться без отдыха. Больше одного дня и одной ночи в пустыне без воды не проживешь, а ходить после полудня тоже нельзя.

Один из азиатов — хериуша — предложил прямо напасть на крепость по дороге в гавань Суу, но как ни заманчива была попытка для рабов, большинство которых составляли азиаты и аму, пробиться прямо на восток, план был признан невыполнимым.

Предложение ливийца было куда надежнее, однако возникли разногласия между неграми и азиатами: путь на юго-запад уводил азиатов еще дальше от родины, но был выгоден неграм и ливийцам. Жители Ливии надеялись уйти на север от оазиса Мут и попасть в ту часть своей страны, которая не была подвластна войскам Та-Кемта. Пандион и этруски намеревались идти с ливийцами.

Всех примирил пожилой нубиец, объявивший, что знает дорогу на юг в обход крепостей Черной Земли через степи страны Нуб к Лазурным Водам.

Узкий серп луны уже поднялся над уступами пустынных холмов, а мятежные рабы продолжали разрабатывать план бегства. Теперь обсуждались подробности восстания и распределялись роли каждой группы, предводительствуемой тем или иным вожаком.

Восстание было назначено через ночь, сразу же после наступления полной темноты.

Шестьдесят людей неслышно расползлись в разные концы шене, а наверху, на фоне освещенного низкой луной неба, четко выделялись фигуры стражей, ничего не подозревавших и полных презрения к спавшим в глубокой яме под их ногами.

Весь следующий день и ночь и еще день шла подготовка к восстанию, осторожная и незаметная. Опасаясь предателей, вожаки сговаривались только с хорошо известными им людьми, рассчитывая, что остальные, после того как стража будет перебита, все равно присоединятся к массе восставших.

Наступила ночь мятежа. В темноте неслышно собрались кучки людей, по одной у каждой из трех стен — северной, западной и южной. С восточной стороны, у внутренней стены, скопились две группы.

Передвижение людей произошло так быстро, что когда Кави стукнул камнем по опорожненному кувшину для воды, подавая сигнал атаки, рабы уже успели

составить живые пирамиды. Тела семидесяти человек сбрасывали наклонную плоскость, прислоненную к отвесной стене. Таких живых мостов было пять, по ним со всех сторон взбирались оцепеневшие предстоящей битвой люди.

Кави, Пандион, Ремд и Кидого в числе первых поднялись на внутреннюю стену. Молодой эллин, ни секунды не раздумывая, прыгнул вниз в черную тьму, а за ним бежали и прыгали десятки людей.

Пандион сбил с ног воина, выскочившего из сторожевого дома, и вскочил ему на спину, заворачивая назад шею. Позвонки египтянина слабо хрустнули, тело обмякло в руках Пандиона. Вокруг в темноте рабы с глухим ропотом разыскивали и хватали своих ненавистных врагов. В неистовстве люди кидались с голыми руками на вооруженных воинов. Не успевал воин вступить в бой с одним врагом, как сбоку и сзади на него набрасывались новые противники; безоружные, но сильные неистовой яростью, они вонзали зубы в руки, державшие оружие, впивались пальцами в глаза. Оружие, оружие любой ценой — такова была единственная мысль нападавших. Те, кому удавалось вырвать копье или нож, чувствуя в руках смертоносную силу, еще яростнее бросались на врагов. Пандион колот направо и налево отнятым у убитого врага мечом. Кидого действовал большой палкой, употреблявшейся для носки воды.

Кави, поднявшийся по живой лестнице, соскочил прямо на четырех воинов, дежуривших возле внутренней двери. Ошеломленные египтяне оказали лишь слабое сопротивление, буквально задавленные обрушившейся на них в молчании и тьме сверху массой людей.

С торжествующим криком Кави отодвинул тяжелый засов, и скоро толпа освобожденных рабов затопила пространство между стенами, вломилась в дом начальника шене, истребляя воинов, отдыхавших после смены караула.

Наверху на стенах схватка была еще более ожесточенной. Девять стражей, стоявших на стене, рано заметили атакующих. Засвистели стрелы, молчание

нечи огласилось людскими стопами, тупыми ударами о землю падающих с высоты тел.

Но девять египтян не могли долго противостоять сотне яростных рабов, которые с разбегу бросались прямо на копья, падали на стражей и вместе с ними скатывались со стены.

За это время в пространстве между стенами окончилась расправа с охраной и чиновниками. У убитого начальника охраны были найдены ключи от наружной двери. Визг ржавых петель разнесся в тишине ночи, как клич победы.

Копья, щиты, пожи, луки — всё до последней стрелы было отобрано у убитых. Вооруженные рабы возглавили колонну беглецов, и все, храня молчание, быстрым шагом направились к реке. Дома по дороге были начисто ограблены, умерщвлены десятки жителей. Восставшие рабы разыскивали оружие, пищу. Только строгое запрещение вожakov удержало людей от желания поджечь все дома. Кави очень боялся раньше времени привлечь внимание войск из охраны столицы.

Началась переправа через реку на всех попавшихся под руку лодках, баржах и плотках. Несколько человек погибло в воде от громадных крокодилов, стороживших реку Та-Кемта.

Не прошло и двух часов с начала мятежа, а головной отряд уже подходил к дверям шене, расположенного на противоположном берегу реки, по пути к храму Зешер-Зешеру.

Кави, Пандион и два ливийца открыто подошли к дверям и постучали, в то время как около сотни других рабов прижалось к стене поблизости от двери.

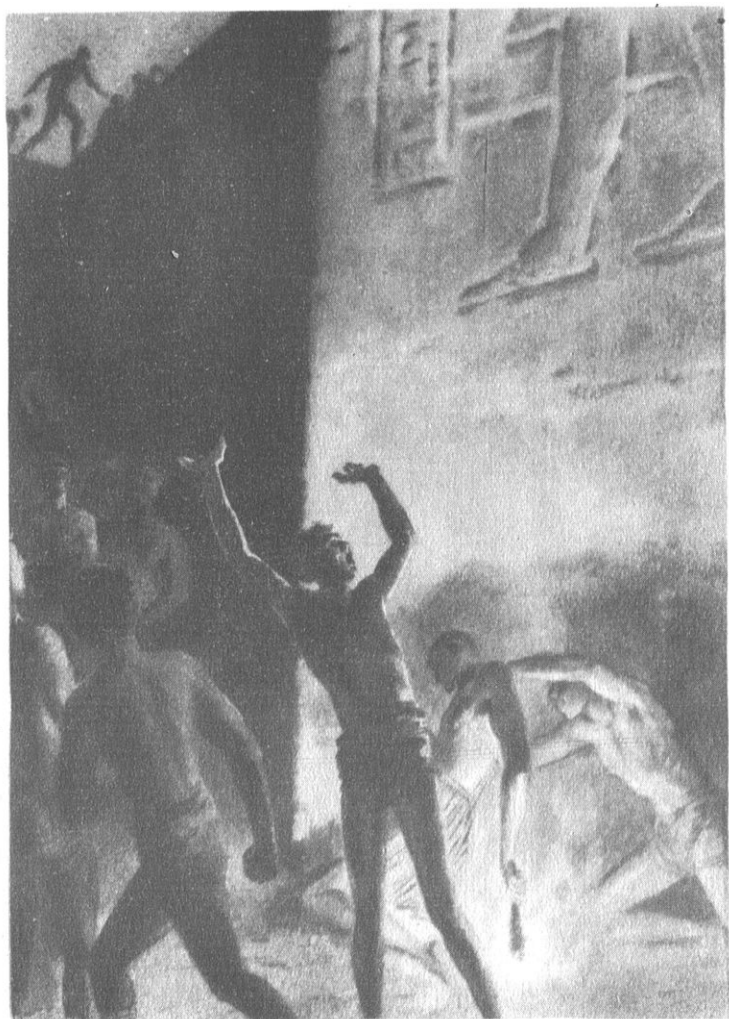
Со стены раздался голос воина, спросившего у пришедших, что им надо. Ливиец, хорошо владевший языком Та-Кемта, потребовал начальника шене, сославшись на письмо управляющего царскими работами. За дверью заговорило несколько голосов, вспыхнул факел, и раскрытая дверь показала пришельцам такой же точно междустенный двор, какой был голько что покинут мятежниками. Из группы воинов выступил начальник стражи и потребовал письмо.

С яростным ревом Кави бросился на него и вонзил ему в грудь кинжал Яхмоса, а Пандион с ливийцами устремились на воинов. За ними, пользуясь смятением, с оглушительными криками ворвались стоявшие наготове вооруженные рабы. Факелы потухли, в темноте раздавались стоны, вопли, воинственные крики. Пандиону удалось быстро справиться с двумя противниками, и он отомкнул внутреннюю дверь. В проснувшемся от шума битвы шене раздался призыв к восстанию, рабы разных племен забегали по двору, созывая своих ошеломленных собратьев криками на родном языке. Рабочий дом загудел, как растревоженный улей; гул, все нарастая, перешел в низкий рев. Воины наверху на стенах метались, боясь спуститься, выкрикивая угрозы и посылая время от времени стрелы наугад в темноту. Но битва между стенами утихла, снизу со двора полетели меткие стрелы и копья в воинов, отчетливо видимых на стене, и второй шене был освобожден.

Недоумевающая, опьяненная свободой толпа выливалась из дверей, разбредаясь в разные стороны и не слушая призывов своих освободителей. Скоро иступленные вопли послышались со стороны селения, в ночи заалели пятна пожаров. Кави посоветовал другим вожакам поскорее собрать уже знакомых с дисциплиной товарищей по шене. Этрусск задумчиво теребил свою бороду. В его устремленных вперед, на запад, глазах бегали красные огоньки — отблеск пожаров.

Кави думал о том, что, пожалуй, освобождение рабов из второго шене без всякой подготовки, проведенной среди рабов, оказалось ошибкой. Присоединение к восставшим, усвоившим понятие о совместной целеустремленной борьбе, неподготовленной, действовавшей вразброд, опьяненной возможностью мщения и свободой массы людей повредит, а не поможет успеху.

Так и оказалось. Значительная часть рабов из первого шене тоже увлеклась грабежом и разрушением. Кроме того, было потеряно время, каждая минута которого имела значение. Поредевшая колонна двинулась к третьему шене, располагавшемуся в восьми

К стр. 118.

тысячах локтей от второго, совсем рядом с храмом Зешер-Зешеру.

Менять план восстания не было времени, и Кави предвидел серьезные затруднения. Действительно, этруск заметил при подходе к шене силуэты выстроившихся на стенах воинов, услышал крики «аату, аату!»* и свист стрел, которыми египтяне еще изда- лека встречали приближавшуюся колонну восставших.

Мятежники остановились для обсуждения плана атаки. Шене, подготовленное к обороне, было хорошей крепостью, и на взятие его требовалось время. Восставшие подняли страшный шум, чтобы спавшие рабы проснулись и напали на охрану изнутри. Но те медлили, очевидно не решаясь или же не догадываясь, как напасть на расположившуюся на стене стражу.

Кави, надрывая охрипшее горло, созывал вожakov, чтобы убедить их отказаться от нападения на шене. Те не соглашались, легко доставшаяся победа окрыляла их, им казалось возможным освободить всех рабов Та-Кемта и овладеть страной.

Вдруг ливиец Ахми испустил пронзительный вопль, и сотни голов повернулись в его сторону. Ливиец размахивал руками, указывая по направлению реки. С возвышенного берега, наклонно поднимавшегося к скалам, река, омывавшая множество пристаней столицы, была видна далеко. И всюду мелькали бесчисленные огоньки факелов, сливавшиеся в тускло мерцавшую полосу; светящиеся точки виднелись и на середине реки, скоплялись в двух местах на берегу, где находились мятежники.

Сомнения не было — отряды многочисленных воинов переправлялись через реку, спеша окружить место, где пылал огонь пожаров и где находились взбунтовавшиеся рабы.

А здесь восставшие все еще метались из стороны в сторону, изыскивая способ нападения; некоторые пытались подойти к врагам по дну оросительного канала, другие выпускали драгоценные стрелы.

* *Аату* — мятежники.

Кави обвел взглядом неопределенную по своим очертаниям темную массу людей. На его взгляд бое-способная колонна насчитывала не более трехсот человек, из которых меньше половины имели ножи и копья, а луков было добыто не более тридцати.

Пройдет немного времени, и сотни страшных лучников Черной Земли засыплют их издалека тучей длинных стрел, тысячи хорошо обученных воинов за-жмут в кольцо едва отведавшую свободы толпу.

Ахми, гневно сверкая глазами, кричал, что подо-шла уже середина ночи и, если они сейчас не уйдут, будет поздно.

Ливийцу, Кави и Пандиону пришлось потратить немало драгоценных минут, чтобы объяснить рас-паленным, жаждущим битвы людям бесполезность по-пытки противостоять войскам столицы. Вожаки на-станвали на немедленном уходе в пустыню и в случае необходимости готовы были сделать это, бросив всех остальных, увлекшихся поисками оружия, мщением и грабежом. Часть несогласных рабов отделилась от колонны и направилась вниз, вдоль реки, к богатой усадьбе какого-то вельможи, откуда доносился шум и мелькали огни факелов. Остальные — их было не-много больше двухсот человек — подчинились.

Скоро темная, извивающаяся длинной змеей толпа втянулась в узкое ущелье между кручами еще раска-ленных от дневного солнца скал и выбралась на пло-ский край долины. Бесконечная, усыпанная песком и щебнем равнина раскинулась перед беглецами. Пандион в последний раз оглянулся на слабо блестящую внизу огромную реку. Сколько дней тоски, отчаяния, надежд и гнева провел он перед ее спокойно струив-шимся ликом! Радость, горячая благодарность к вер-ным товарищам наполнили сердце молодого эллина. С торжеством он повернулся спиной к стране рабства и ускорил свои и без того быстрые шаги.

Отряд мятежников отошел уже на двадцать тысяч локтей от края долины, когда ливиец остановил ко-лонну. Позади, на востоке, небо начало светлеть.

В сером свинцовом полусвете едва обрисовывались контуры округленных песчаных бугров, достигавших

ста пятидесяти локтей высоты и смутно тянувшихся до хмурой полосы горизонта. В час рассвета пустыня молчала, воздух был неподвижен, шакалы и гиены утихли.

— Что хочешь ты, все время торопивший нас, чего ты медлишь? — с нетерпением спросили ливийца из задних рядов.

Ливиец объяснил, что начинается самая трудная часть пути: бесконечные гряды песчаных холмов. Дальше они становятся все выше, достигая трехсот локтей. Нужно построиться цепочкой, по два человека в ряд, и идти, не отставая, не обращая внимания на усталость. Кто отстанет, тот не дойдет. Ливиец будет идти впереди, выбирая путь между песчаными горами.

Выяснилось, что почти никто не успел напиться, и уже сейчас многие томились жаждой после горячки боя. Не у всех были плащи, тряпки или куски материи для того, чтобы закрыть от солнца голову и плечи. Но делать уже было нечего.

Цепочкой, в двести локтей длины, люди двинулись дальше, молча глядя себе под ноги, вязнувшие в рыхлом песке. Передние ряды заворачивали то вправо, то влево, обходя сыпучие склоны, — путь шел крутыми извивами.

На востоке загорелась широкая пурпуровая полоса.

Серповидные или остро зазубренные гребни песчаных холмов окрасились золотом. Освещенная пустыня показалась Пандиону морем застывших высоких волн с гладкими скатами, отливающими оранжево-желтым цветом. Ночное возбуждение медленно отступало, люди успокаивались. Свобода, простор пустыни, золотые дали утренней зари благотворно действовали на истомленных в плену людей. Взамен злобы и страха, тоски и отчаяния в сердцах поднималась радость.

Ярче становился окружающий свет, бездонней лазурь неба. Солнце поднималось выше, лучи его, сначала ласково гревшие, теперь палили и жгли. Замедленное, тяжелое продвижение в лабиринте глубоких душевных ущелий между огромными холмами песка становилось все тяжелее. Тени холмов сильно укоротились,

по нагретому песку уже было больно ступать, но люди продолжали путь, не останавливаясь, не оглядываясь. Впереди бесконечно повторялись совершенно похожие друг на друга песчаные холмы, не давая возможности ничего видеть.

Время шло, воздух, солнечный свет и песок слились вместе в сплошном море пламени, слепящего, удушающего и обжигающего, подобно расплавленному металлу.

Людям, происходившим из северных приморских стран, в том числе Пандиону и двум этрускам, было особенно тяжело.

В голове молодого эллина, словно стиснутой обручем, бешено стучала кровь, отдаваясь невыносимой болью.

Ослепленные глаза почти перестали видеть — в них плавали, струились или быстро вращались пятна и полосы удивительно ярких цветов, сменявшихся в причудливых сочетаниях. Неистовая мощь солнца превратила песок в массу золотой пыли, пропитанной светом.

Пандион бредил наяву: в обезумевшем мозгу мелькали видения. В багровых вспышках огня двигались колоссальные статуи Айгюптоса, топили в волнах фиолетового моря. Море, в свою очередь, расступалось, стада полужверей, полуптиц мчались куда-то, низвергаясь с отвесных обрывов удивительной высоты. И снова выстраивались в боевой порядок и шли на Пандиона гранитные фараоны Черной Земли.

Шатаясь, молодой эллин тер глаза, бил себя по щекам, стараясь видеть то, что было на самом деле — пышущие жаром откосы песка, заходящие друг на друга в слепящем золотисто-сером свете. Но снова крутились цветистые огненные вихри, и тяжелый бред овладевал Пандионом. Только страстное желание быть свободным заставляло его передвигать ноги в такт с черными ногами Кидого, и тысячи песчаных бугров огходили назад, к Айгюптосу. Новые цепи высоких песчаных гор встали перед беглецами, разделенные огромными гладкими воронками, в глубине которых выступали угольно-черные участки почвы.

Молящие хриплые стоны все чаще пробегали по длинной цепочке рабов; здесь и там обессиленные люди падали на колени или прямо лицом в раскаленный песок, упрямившаяся товарищей прикончить их.

Угрюмо отворачиваясь, люди продолжали идти, и просьбы затихали позади, за мягкими по своим очертаниям горами песка. Песок, песок, раскаленный, чудовищный в своей массе, необозримый, тихий и злоедающий, казалось, затопил всю вселенную морем душно-го, сыпучего пламени.

Впереди, в золотистом огне солнца, мелькнул далекий серебристый проблеск. Ливнец издал слабый ободряющий крик. Все яснее на буром фоне дали вырисовывались пятна, сверкавшие нестерпимо ярким голубым сиянием. Это были участки почвы, покрытой кристаллической солью.

Песчаные холмы мельчали, понижались и скоро превратились в небольшие кучи затвердевшего, слежавшегося песка, и ноги идущих стали двигаться легко, освобожденные от привязчивых объятий рыхлых песков. Желтая твердая глина, изборожденная темными трещинами, казалась гладкой плитой дворцовой аллеи.

Солнце еще на целую ладонь не дошло до полудня, а мятежные рабы уже достигли обрывистого невысокого уступа из коричневого слоистого камня и повернули под прямым углом налево, на юго-запад. В короткой расщелине, широким углом врезавшейся в уступ скалы и издали черневшей, подобно отверстию пещеры, располагался древний колодец — родник с прохладной и чистой водой.

Предотвращая свалку обезумевших от жажды людей, Кави поставил самых сильных у входа в ущелье. Сначала напоил наиболее ослабевших.

Солнце уже давно перешло за полдень, а люди все пили и пили, отползали в тень обрыва со вздувшимися животами и снова возвращались к воде. Постепенно беглецы оживали, послышалась быстрая речь выносивших негров, отрывистый смех, легкая перебранка... Но веселье не приходило к ободрившимся людям — много верных товарищей осталось умирать в лабиринте пес-

чанных гор, товарищей, только что ступивших на дорогу свободы, мужественно боровшихся, презирая смерть, сливших свои усилия в беззаветном порыве с усилиями тех, которые спаслись.

Пандион с удивлением смотрел, как преобразились рабы, с которыми он провел так много времени в шене. Исчезло тупое равнодушие к окружающему, лежавшее одинаковой печатью на усталых, изможденных лицах.

Глаза, прежде тусклые и безразличные, теперь внимательно и живо смотрели кругом, черты суровых лиц как бы выступали резче. Это были уже люди, а не рабы, и Пандион вспоминал, как прав был мудрый Кави, когда упрекнул его в презрении к своим товарищам. Жизненная неопытность Пандиона помешала ему понять людей. Молодой эллил принял тяжкую угнетенность от долгого плена за природные свойства.

Люди скучились у склона ущелья в небольших пятнах спасительной тени. Скоро непробудный сон овладел всеми — погони можно было не опасаться в этот день: кто, кроме людей, решившихся на смерть ради свободы, сможет днем пройти через пылающий ад песчаного моря?

Беглецы отдыхали до заката, и усталые ноги опять стали легкими. Небольшое количество пищи, которое сумели пронести через пески самые сильные, было тщательно разделено между всеми.

Предстоял большой переход до следующего родника: ливиец говорил, что придется идти всю ночь, зато на рассвете, еще до наступления жары, они будут у воды. За этими колодцами снова лежит область песчаных холмов — последняя перед большим оазисом. К счастью, она не широка — не больше, чем пройденная, и если мятежники выступят к вечеру, когда солнце придет на юго-запад, то ночью войдут в большой оазис, где достанут пищу. Таким образом, без еды придется быть всего сутки.

Все это казалось не страшным людям, испытавшим так много. Главное, окрыляющее и бодрящее, заключалось в том, что они, свободные, уходили все дальше и

дальше от проклятой страны Та-Кемт, все меньше становилось вероятности, что их настигнет погоня.

Закат потухал, на пламя горящих углей сыпался серый пепел. Последний раз вдоволь напившись, беглецы двинулись в путь.

Удручающая жара исчезла, развеянная черным крылом ночи темнота ласково и мягко обнимала сожженную пламенем пустыни кожу людей.

Они пошли по низкому ровному плоскогорью, усыпанному массой остроугольного щебня, резавшего ноги неосторожных путников.

К середине ночи беглецы спустились в широкую долину, усеянную серыми каменными шарами. Странные камни от одного до трех локтей в поперечнике лежали повсюду, точно рассыпанные неведомыми богами мячи. Люди, шедшие уже не цепочкой, а нестройной толпой, пересекали долину наискось, направляясь к подъему, видневшемуся далеко впереди.

После оглушающе тяжелого дня, когда с такой беспощадностью проявлялась слабость человека, тихий покой ночи был глубок и задумчив. Пандиону показалось, что бесконечная пустыня поднялась к небесному своду, звезды сделались совсем близкими в прозрачном воздухе, пронизанном каким-то темным сиянием. Взошла луна, и серебряный покров света лег на темную почву.

Отряд рабов достиг подъема. Пологий склон был выложен из плит крепкого известняка. Известняковые плиты, отполированные до блеска мельчайшим песком, движимым ветром, зеркально отражали свет луны и казались голубой стеклянной лестницей.

Пандион ступил на их скользкую холодящую поверхность, и ему показалось, что еще немного — и он достигнет темносинего свода неба.

Но подъем окончился, лестница потухла, начался длинный спуск в расползавшуюся вниз чернеющей плоскостью равнину, засыпанную крупным песком. Она замыкалась цепью зубчатых утесов, торчавших наклонно из песка, как обрубки испанских бревен. Отряд подошел к скалам уже на рассвете и долго двигался по лабиринту узких трещинообразных обры-

вов, пока проводник-ливиец не нашел источника. С утесов было видно полчище новых песчаных гор, враждебным кольцом обступивших скалы, в которых укрылись беглецы. Глубокие фиолетовые тени лежали между розовыми скатами песков. Пока, у воды, песчаное море не было страшно.

Кидого нашел защищенное от солнца место, где гигантский каменный куб склонялся над стенами песчаниковых слоев, обрезанных с севера глубокой промоиной. Между утесами было достаточно тени для всего отряда, и она должна была скрывать людей до захода солнца.

Усталые люди мгновенно заснули, — теперь оставалось только ждать, пока неистовствующее в высоте солнце, спускаясь, не начнет смиряться. Небо, такое близкое ночью, вновь вознеслось в недостижимую даль и оттуда слепило и жгло людей, как будто в отместку за ночную передышку. Время шло, мирно спавших людей окружил знойный океан солнечного огня, отделивший их от родных мест, где солнце не уничтожает всего живого.

Кави вдруг проснулся от слабых жалобных стонов. Этруск с недоумением поднял отяжелевшую голову и прислушался. Кругом изредка слышался сильный треск, сменявшийся протяжными, жалобными стонами, полными тоски. Звуки усилились, многие беглецы проснулись, в страхе оглядываясь кругом. Ни признака движения не было среди раскаленных скал, все товарищи были на прежних местах, продолжали спать или прислушивались. Кави разбудил безмятежно спавшего Ахми. Ливиец сел, широко зевнул и затем рассмеялся прямо в лицо удивленному и встревоженному этруску.

— Камни кричат от солнца, — пояснил ливиец, — это знак, что жара спадает.

От треска камней, полного какой-то безнадежности, беглецам стало не по себе. Ливиец влез на утес, посмотрел вокруг сквозь щель в сложенных ладонях и объявил, что скоро можно будет трогаться в последний переход до оазиса: нужно напиться в дорогу.

Хотя солнце уже сильно склонилось к западу, песчаные горы продолжали пылать. Казалось совершенно

невозможным покинуть тень и выйти в это море огня и света. Но люди без единого протеста построились попарно и направились вслед за ливийцем — так силен был зов свободы.

Пандион шел теперь в третьем ряду от ливийца Ахми и попрежнему рядом с Кидого.

Неистощимая выносливость и добродушная веселость негра часто ободряли молодого эллина, чувствовавшего себя неуверенно перед страшной мощью пустыни.

Враждебное палящее дыхание опять заставляло людей низко опускать головы перед свирепым лицом пустыни. Они прошли уже не меньше пятнадцати тысяч локтей, когда Пандион заметил легкое беспокойство проводника-ливийца. Ахми два раза останавливал колонну, забираясь, уткаясь по колену в песок, на верхушки песчаных холмов, осматривал горизонт. На вопросы ливиец не отвечал.

Высота холмов уменьшилась, и Пандион обрадованно спросил Ахми, не кончаются ли пески.

— Еще далеко, много песка, — хмуро отрезал проводник и повернул голову на северо-запад.

Посмотрев туда же, Пандион и Кидого увидели, что горящее небо там закрыто свинцовым туманом. Сумрачная стена, подымавшаяся ввысь, побеждала исполинскую мощь солнца и сияние неба.

Вдруг послышались звонкие и приятные звуки — высокие, певучие, чистого металлического тона. Как будто серебряные трубы начали за буграми песков чарующую мелодию.

Они повторялись, нарастая, все более громкие и частые, и сердца людей забились сильнее под влиянием бессознательного страха, который несли эти серебряные звучания, ни на что не похожие, далекие от всего живого.

Ливиец остановился и с жалобным криком упал на колени. Подняв руки к небу, он молился богам, просил защитить от ужасного бедствия. Испуганные беглецы тесно сбились вместе в узком пространстве между тремя песчаными холмами. Пандион вопросительно посмотрел на Кидого и изумился — черная кожа негра

стала серой. Молодой эллин впервые видел своего друга испуганным и не знал, что так бледнеют чернокожие. Кави схватил за плечо проводника и, без усилия подняв его на ноги, злобно спросил, что случилось.

Ахми повернул к нему искаженное от страха лицо, покрывшееся крупными каплями пота.

— Песок пустыни поет, зовет ветер, а с ним прилетает и смерть, — хрипло проговорил ливнец. — Идет песчаная буря...

Гнетущее молчание повисло над отрядом, нарушаемое только звуками поющего песка.

Кави стоял в недоумении — он не знал, что делать, а те, кто знал, понимали силу грозящей опасности и тоже молчали.

Наконец Ахми опомнился.

— Вперед, скорее вперед! Я видел скалистую площадку, свободную от песка: нужно успеть дойти до нее. Здесь смерть неизбежна — всех засыплет песком, а там... может быть, часть спасется...

Испуганные люди устремились за бежавшим ливнем.

Свинцовый туман превратился в багровую мглу, затянувшую все небо. Вершины песчаных холмов злоеюще задымились, дыхание ветра коснулось воспаленных лиц роем мельчайших песчинок. Стало нечем дышать, воздух точно пропитался жгучим ядом. Но вот расступились песчаные бугры, и беглецы оказались на небольшом клочке каменистой почвы, почерневшей и сглаженной. Вокруг нарастал грохот и гул несущегося издалека ветра, багряное облако быстро потемнело снизу, будто черная завеса задернула небо. Она вверху осталась темнокрасной, бледный диск солнца скрылся в страшной туче. Подражая более опытным, люди поспешно срывали с себя набедренные повязки, тряпки, прикрывающие голову и плечи, укутывали лица и падали на неровную поверхность горячего камня, прижимаясь друг к другу.

Пандион немного замешкался. Последнее, что он увидел, наполнило его ужасом. Все вокруг пришло в движение. По черной почве покатались камни в кулак величиной, точно сухие листья, гонимые осенним вет-

ром. Холмы выбросили по направлению к беглецам толстые извивающиеся щупальцы, песок задвигался и быстро понесся, растекаясь кругом, точно вода, выброшенная бурей на отлогий берег. Клубящаяся масса налетела на Пандиона — юноша упал и больше ничего не видел. Сердце колотилось, и каждый его удар отдавался в голове. Участившееся дыхание с трудом прорывалось сквозь горло и рот, казалось покрывшиися твердой коркой.

Свист ветра звучал высокими нотами, заглушенный глухим шумом несущегося песка, пустыня грохотала и редела вокруг. В голове Пандиона помутилось, он боролся с бесчувствием, куда погружала его душившая, иссушающая буря. Отчаянно кашляя, молодой эллин освобождал горло от песчаной пыли и вновь начинал учащенно дышать. Вспышки сопротивления Пандиона повторялись все реже, наконец он потерял сознание.

А гром бури становился все увереннее и грознее, его раскаты перекачивались по пустыне, как гигантские медные колеса. Каменистая почва содрогалась ответным гулом, как металлический лист, а над ней неслись тучи песка. Песчинки, насыщенные электричеством, вспыхивали голубыми искорками, и вся масса движущегося песка катилась, полная синеватых сверканий. Казалось, с минуты на минуту польется дождь и свежая вода спасет иссушенных знойным воздухом, впавших в беспамятство людей. Но дождя не было, а буря продолжала грохотать. Темная груда человеческих тел покрывалась все более толстым слоем песка, скрывавшим слабые движения, заглушавшим редкие стоны...

Пандион открыл глаза и увидел на фоне звезд силуэт черной головы Кидого. Как потом узнал Пандион, пегр долго хлопотал над безжизненными телами друзей — молодого эллина и этрусков.

В темноте возились люди, раскапывая занесенных песком товарищей, прислушиваясь к слабому трепету жизни в груди бесчувственных, отодвигая в сторону погибших.

Ливиец Ахми со своими привычными к пустыне соплеменниками и несколько негров ушли назад, к источнику в скалах. Кидого остался с Пандионом, не в силах покинуть едва дышавшего друга.

Наконец полуживые, почти не различавшие дороги, пятьдесят пять человек пошли, держась друг за друга, с Кидого во главе, по следам ушедших. Никто не думал о том, что им пришлось повернуть назад, может быть навстречу возможной погоне, — в мыслях каждого была только мечта о воде. Вода, оттеснившая волю к борьбе, погасившая все стремления, — вода была маяком в смутной горячке распаленного мозга.

Пандион потерял всякое представление о времени, забыл о том, что они отошли от источника не более чем на двадцать тысяч локтей, забыл обо всем, кроме того, что надо держаться за плечи переднего товарища и вяло ступать в такт с двигавшимися впереди товарищами. Примерно на середине пути они услышали впереди голоса, показавшиеся необыкновенно громкими: Ахми и двадцать семь человек, ушедших с ним, спешили навстречу, бережно неся пропитанные водой тряпки и две старые тыквенные бутылки, найденные у источника.

Люди нашли в себе силы отказаться от воды, предложив Ахми дойти до оставшихся на месте катастрофы.

Сверхчеловеческие усилия требовались для того, чтобы вернуться к колодцу, силы убывали с каждым десятком шагов, тем не менее люди молча пропустили группу водоносов и поплелись дальше.

Зыблющийся черный туман застилал взоры спотыкавшихся людей, некоторые падали, но, подбодренные уговорами, поддерживаемые более выносливыми товарищами, продолжали путь. Пятьдесят пять человек не могли вспомнить последнего часа пути — люди шли почти бессознательно, ноги их продолжали свои неверные, замедленные движения. И все же путники дошли, вода вернула сознание, наплатала их тела, позволила сгустившейся крови вновь размягчить высохшие мышцы.

И как только путники пришли в себя, они вспомнили о товарищеском долге. Едва оправившись, они пошли назад по примеру первых, неся навстречу бредущим где-то в песках источник жизни — воду, капавшую с мокрых кусков ткани. И эта помощь была неоценимой, потому что пришла как раз вовремя. Солнце уже всходило. Последнюю группу оставшихся в живых поддержала принесенная ливнями вода. Люди остановились посреди песков, будучи не в силах идти дальше, несмотря на уговоры, понукания и даже угрозы. Мокрые тряпки дали людям еще час отсрочки — время, оказавшееся достаточным для того, чтобы добраться до колодца.

Так вернулся к воде еще тридцать один человек, — всего спаслось сто четырнадцать — меньше половины вошедших в пустыню два дня назад. Самые слабые погибли еще при первом переходе через пески, теперь страшная катастрофа погубила множество отличных, мощных бойцов. Будущее казалось гораздо менее определенным. Вынужденное бездействие угнетало, сил для продолжения намеченного пути еще не было, оружие было брошено там, где застигла людей песчаная буря. Если бы у мятежников была пища, то они скорее восстановили бы силы, но остатки еды были разделены еще в начале прошлой ночи.

Солнце пламенело в чистом, ничем не затуманенном небе, и те из оставшихся на месте катастрофы, в которых еще теплилась угасавшая жизнь, теперь наверняка погибли.

Спасшиеся укрывались в щели между скалами, где лежали сутки назад вместе с теми, которых уже не было. Как и вчера, люди ждали вечера, но уже не только убыви дневного жара, а наступления ночи, надеясь, что ее прохлада даст возможность ослабевшим продолжать борьбу с пустыней, стоявшей на пути к родине.

Этой последней надежде не суждено было осуществиться.

С наступлением ночи беглецы почувствовали, что могут потихоньку двигаться дальше, как вдруг услышали вдалеке хриплый рев осла и лай собак. Несколько

времени мятежники надеялись, что это торговый караван или отряд сборщика податей, но вскоре на су- меречной равнине показались всадники. Знакомые уже крики «аату!» огласили пустыню. Бежать было не- куда, сражаться нечем, прятаться бесполезно — злые остроухие собаки разыскали бы беглецов. Несколько мятежников опустилось на землю — последние силы оставили их, другие растерянно заметались среди кам- ней. Некоторые в отчаянии рвали на себе волосы. Один из ливийцев, совсем молодой, жалобно застонал, и крупные слезы покатались из испуганных глаз. Аму и хериуша стояли, понутив головы и скрежеща зубам. Несколько человек бессознательно бросились бе- жать, но были сейчас же остановлены собаками.

Более выдержанные оставались на месте, словно оцепеневшие, напрягая ум в поисках спасения. Воинам Черной Земли без сомнения повезло: они настигли беглецов, когда они были совсем без сил. Если бы хоть половина былой энергии оставалась у мятежников, большинство их предпочло бы смерть в неравном бою вторичному плену. Но сейчас силы восставших были исчерпаны — беглецы не оказали сопротивления подъ- езжавшим с луками наготове воинам. Борьба за сво- боду окончилась, — теперь в тысячу раз счастливее были те, которые спали вечным сном среди разбро- санного оружия.

Измученные, потерявшие надежду на свободу, ра- бы стали покорными и безучастными.

Вскоре все сто четырнадцать человек со связанны- ми назад руками, скованные за шеи цепочками по де- сятку, побрели на восток под ударами бичей. Несколь- ко воинов поехало на место катастрофы, чтобы удо- стовериться в гибели остальных.

Преследователи рассчитывали получить награду за каждого приведенного назад человека. Только это спасло беглецов от жестокой смерти. Ни один не погиб в этом ужасном обратном походе, когда они шли нагие и связанные, исхлестанные бичами, не получая пищи. Караван медленно двигался, обходя пески по дороге.

Пандион брел, не смея взглянуть на товарищей, не воспринимая внешних впечатлений. Даже удары бича

не выводили молодого эллина из оцепенения. Единственным воспоминанием, сохранившимся у Пандиона от обратного пути в рабство, был момент, когда они достигли долины Иила, недалеко от города Абидоса. Начальник отряда задержал караван, высматривая пристань, где пойманных должна была ждать барка. Пленники сгрудились на краю спуска в долину, некоторые опустились на землю. Утренний ветер доносил запах свежей воды.

Пандион, оставшийся на ногах, вдруг увидел на краю пустыни веселые нежно-голубые цветы. Качаясь на своих высоких стебельках, они распространяли тонкий аромат, и у Пандиона мелькнула мысль, что утраченная воля посылает ему свой последний дар.

Губы молодого эллина, растрескавшиеся и кровоточившие, зашевелились, неуверенные, слабые звуки вырвались из горла. Кидого, с тревогой присматривавшийся к другу на остановках — негр оказался в другой цепочке, — прислушался.

— Голубые... — донеслось до него последнее слово. Пандион погрузился в прежнее оцепенение.

Беглецов освободили от пут и загнали в баржу, доставившую их к окрестностям столицы. Там их, как особо опасных и стойких мятежников, бросили в тюрьму, в которой они должны были ожидать неизбежной ссылки на золотые рудники.

Тюрьма представляла собою огромную яму, вырытую в сухой и плотной земле, облицованную кирпичом и перекрытую несколькими крутыми сводами. Вместо окон были пробиты вверху четыре узенькие щели, вместо двери — наклонный люк в потолке, через который спускали воду и бросали пищу.

Полумрак, всегда царивший в яме, оказался благодеянием для беглецов: у многих из них от страшного света пустыни болели воспаленные глаза, и пленники, оставаясь на солнце, неминуемо бы ослепли.

Как мучительно было после нескольких дней свободы пребывание в темной, вонючей яме!

Заключенные были наглухо отрезаны от мира, до их чувств и переживаний никому не было дела.

И все же, несмотря на безвыходность положения, едва только люди оправились от последствий трудного похода, они снова начали на что-то надеяться.

Опять заговорил Кави, как всегда несколько грубовато излагая понятные всем мысли. Опять раздался смех Кидого, зазвучали резкие выкрики ливийца Ахми. Пандион, тяжело переживавший крушение надежд, приходил в себя медленнее.

Не раз молодой эллин нащупывал в своей набедренной повязке камень — чудесный подарок Яхмоса, но ему казалось кощунством достать прекрасную вещь здесь, в мерзкой, темной яме. К тому же камень обманул его, он не оказался волшебным, не помог добиться свободы и достигнуть моря.

Все-таки Пандион однажды украдкой извлек зелено-синий кристалл и поднес его к бледному лучу, опускавшемуся из щели, но не достигавшему пола подземелья. При первом же взгляде, брошенном на радостную прозрачность камня, желание жить и бороться снова заговорило в Пандионе. Он лишился всего — он даже не смеет подумать о Тессе, не смеет вызвать образы родины. Все, что у него осталось, — это камень, как мечта о море, о когда-то бывшей, иной, настоящей жизни. И Пандион стал часто любоваться камнем, находя в его прозрачной глубине отраду, без которой ему невозможно было жить.

Не более десяти дней провел Пандион с товарищами в подземелье. Без допросов, без всякого суда участь беглых рабов была решена властвующими людьми там, наверху. Неожиданно открылся люк, в отверстие упала деревянная лестница. Рабов выводили наверх и, ослепленных дневным светом, связывали и сковывали цепочкой по шести. Затем мятежников повели к Нилу и немедленно погрузили на большую баржу, вскоре отплывшую вверх по реке. Бунтовщиков отправляли на южную границу Черной Земли, к Вратам Юга*, откуда им предстоял последний

* *Врата Юга* — города Неб и Севене, ныне Сиенна и Асуан, на островах Элефантина и Филэ.

и безвозвратный путь в страшные золотые рудники страны Нуб *.

Через две недели, после того как беглецы сменили подземную тюрьму на пловучую, в пягистах тысячах локтей вверх по реке, к югу от столицы Та-Кемта, в роскошном дворце начальника Врат Юга на острове Неб происходило следующее.

Начальник Врат Юга, он же начальник провинции Неб, жестокий и властный Кабуефта, почитавший себя вторым человеком после фараона в Черной Земле, вызвал командующего своими войсками, начальника охот и главного каравановожа Юга.

Кабуефта принял вызванных на балконе дворца за обильным угощением, в присутствии главного писца. Крупный и мускулистый, Кабуефта надменно возвышался над собеседниками, сидя, в подражание фараону, на высоком кресле из черного дерева и слоновых клыков.

Он несколько раз перехватывал вопросительные взгляды, которыми обменивались созванные им сановники, и усмехался про себя.

С балкона дворца, стоявшего на возвышенной части острова, открывался вид на широкие рукава реки, обтекавшие группу храмов из белого известняка и красного гранита. По берегам шла густая поросль высоких пальм, листва которых темной перистой полосой тянулась вдоль подошвы крутого скалистого берега. С юга подходила отвесная стена гранитного плоскогорья, в восточном конце которой располагался первый порог Нила. Там долина реки сразу сужалась, простор возделанной спокойной равнины обрывался у неизмеримого пустынного пространства страны золотого Нуб. С уступов скал смотрели на дворец могилы знаменитых предков — владык Врат Юга, бесстрашных исследователей страны черных, начиная с самого великого Хирхуфа **.

* *Нуб* (золото по-египетски) — собирательное название всех стран по Нилу от первого порога, позже Нубия.

** *Хирхуф* — начальник провинции Неб, путешественник в глубь Африки при VI династии (2625—2475 гг. до н. э.).

Даль тонула в сероватой дымке зноя, но на острове было прохладно — северный ветер боролся с наступающей с юга жарой, отгоняя ее назад, в пустынные, сожженные степи.

Начальник Юга долго смотрел вдаль на гробницы предков, потом жестом приказал присутствовавшему рабу налить по последнему бокалу вина. Угощение было окончено, гости поднялись и последовали за хозяином во внутренние покои дворца. Они очутились в квадратной, не очень высокой комнате, отделанной с изяществом и вкусом великих времен Менхеперры *. Гладкие белые стены были у пола украшены широким светлосиним бордюром со сложным прямолинейным орнаментом из белых линий, у потолка шла узкая полоса из цветов лотоса и символических фигур, изображенных синей, зеленой, черной и белой красками на фоне матового золота.

Потолок, очерченный узкой полоской черных и золотых клеток, пересекался четырьмя параллельными брусками из дерева глубокого вишневого цвета. В промежутках между брусками вся поверхность потолка была покрыта пестрым узором золотых спиралей и белых розеток на меняющихся в шахматном порядке красных и голубых квадратах.

Широкие косяки дверей из гладких полированных досок кедра окаймлялись узкими черными полосками, прерванными множеством двойных поперечных голубых черточек.

Ковер, несколько складных стульев из слоновой кости с верхом из леопардовой шкуры, два кресла черного дерева с золотой инкрустацией и несколько ящиков на ножках, служивших одновременно столиками, составляли все убранство просторной и светлой, наполненной чистым воздухом комнаты.

Кабуефта не спеша уселся в кресло, и его резкий профиль четко обрисовался на белоснежной стене. Савновники придвинули стулья поближе, главный писец

* *Менхеперра* — тронное имя Тутмоса III, фараона-завоевателя, крупного государственного деятеля (1501—1447 гг. до н. э.)

встал у высокого столика черного дерева, инкрустированного золотом и слоновой костью.

На блестящей доске стола лежал свиток папируса с красно-белой печатью. По знаку начальника Юга писец развернул свиток и застыл в почтительном молчании.

Командующий войсками, тощий, с лысой головой, без парика, подмигнул маленькому плотному каравановождатому, давая понять, что сейчас начнется разговор, для которого они созданы.

Действительно, Кабуефта склонил голову и заговорил, обращаясь ко всем присутствующим:

— Их величество, владыка обеих стран Черной Земли, жизнь, здоровье, сила, прислал мне поспешное письмо. В нем повелел его величество совершить неслыханное — доставить в город живого носорогового зверя, какие обитают за страной Вават*, отличающегося чудовищной силой и свирепостью. Много зверей из дальних стран Юга доставлялось живыми в Великий Дом в прошлые времена. Люди Города и люди Та-мери-хеб видели больших обезьян, жираф, зверей Сетха и земляных свиней**, свирепые львы и леопарды толпой сопровождали великого Усермар-Сотепенру*** и даже сражались с врагами Та-Кемта****, но никогда не было поймано ни одного из носорогов.

— С незапамятных времен владыки Юга доставляли Черной Земле все потребное из стран черных, для них не было невозможного в свершении. Я хочу продолжить этот славный обычай: Та-Кемт должен уви-

* Страна Вават — часть современной Нубии, отрезок долины Нила между современным Ассуаном и Хартумом.

** Зверь Сетха (окапи) — своеобразное жирафоподобное животное из древней родоначальной для жираф группы. Ныне уцелело только в дремучих лесах Конго, ранее водилось во всей Африке и было многочисленно в дельте Нила. Древние египтяне взяли с него образ своего грозного бога Сетха. Земляная свинья (та-рири по-египетски — трубказуб) — своеобразное роющее африканское млекопитающее.

*** Усермар-Сотепенра — тронное имя Рамзеса II (1229—1225 гг. до н. э.), великого завоевателя.

**** Прирученные львы участвовали в сражениях Рамзеса II с хеттами.

деть живого носорога. Я призвал вас, чтобы посоветоваться, каким наиболее легким способом мы сможем доставить в Та-Кемт хотя бы одного из этих страшных зверей. Что скажешь ты, Нэзи, выдавший столько славных охот? — он обратился к начальнику охот, хмурому, тучному человеку, выющиеся волосы, темная кожа и горбатый нос которого выдавали его происхождение от гиксосов.

— Неописуемо страшен зверь южных степей, кожа его непроницаема для копий, сила подобна силе слона, — заговорил Нэзи с важностью. — Нападает он первый, круша и давя все, что станет на его пути. В яму его не поймать: грузный зверь неминуемо покалечится. Но если сделать большую охоту и разыскать матку с детенышем, то можно, убив мать, захватить в плен детеныша и доставить его в Та-Кемт...

Кабуефта сердито стукнул по подлокотнику кресла.

— Семь и семь раз к ногам Великого Дома, моего владыки, припадаю я. Тыфу на тебя, — палец владыки Юга ткнул в оторопевшего начальника охот, — который грешит против их величества. Мы должны доставить им не полуживого малыша, а зверя — нефер-неферу*, в цвете сил, внушающего полную меру страха. И нельзя ждать, пока детеныш подрастет у нас в плену... Повеление надо выполнить с быстрой готовностью, тем более, что зверь этот водится далеко от Врат Юга.

Каравановожатый Пехени посоветовал отправить сотни три наиболее отважных воинов без оружия, с веревками и сетями, которые смогут поймать чудовище.

Командующий войсками Сенофри недовольно поморщился, нахмурился и Кабуефта.

Тогда каравановожатый поспешил добавить, что можно и не отправлять воинов, а заставить нубийцев самих поймать зверя.

Кабуефта покачал головой, искривив рот презрительной усмешкой:

— Времена Менхеперры и Сотепенры давно миновали — презренные жители страны Нуб уже не согну-

* *Нефер-неферу* — наилучший.

ты в покорности. Сенофри знает, с какими усилиями и хитростями мы сдерживаем вожделения их голодных ртов... Нет, это не годится, нам придется самим выполнить повеление...

— Если вместо воинов пожертвовать рабами, — осторожно вставил Сенофри.

Задумавшийся Кабуефта оживился:

— Клянусь Маат*, ты прав, мудрый начальник войска! Я возьму из тюрем мятежников и беглецов, этих наиболее смелых рабов. Они поймают чудовище.

Начальник охоты недоверчиво улыбнулся.

— Ты мудр, владыка Юга, но, осмелюсь спросить, чем заставишь ты итти рабов на верную смерть от страшного чудовища? Угрозы не помогут — ты сможешь поставить против смерти только смерть. Какая им будет разница?

— Ты знаешь зверей лучше, чем людей, Нэзи, поэтому оставь мне людей. Я обещаю им свободу. Те, кто уже шел на смерть ради нее, пойдут еще раз. Вот почему я хочу взять мятежных рабов.

— И исполнишь обещание? — снова спросил Нэзи.

Кабуефта надменно выпятил нижнюю губу:

— Величие владык Юга не позволит мне унижаться до лжи перед рабами, но назад они не вернуться. Оставим это. Лучше скажи мне, сколько людей понадобится для того, чтобы схватить зверя, и далек ли путь до мест, где он обитает.

— Нужно не меньше двух сотен людей. Зверь растопчет половину, остальные задавят его кучей и свяжут. Через две луны начнется время наводнения, в стране Нуб пойдут дожди, травы степи оживут. Тогда звери пойдут на север за травой и их можно будет найти у самой реки в области шестой ступени. Самое главное, чтобы поймать зверя недалеко от реки, иначе воины не доставят чудовище весом в семь быков живым. А по реке мы сплавим его в большой клетке до самого Города...

Начальник Юга соображал, что-то подсчитывая, губы его шевелились.

* Маат — видящая, богиня Истины.

— Хет! * — сказал он наконец. — Полтора ста рабов достаточно, если люди будут хорошо биться. Сотню воинов, двадцать охотников и проводников. Ты примешь начальство над всеми, Нэзи! Приступай к делу безотлагательно. Сенофри отберет надежных воинов и мирных негров **.

Начальник охоты поклонился.

Сановники покинули комнату, посмеиваясь над новым поручением Нэзи.

Кабуефта усадил писца и стал диктовать письмо начальнику тюрем обоих городов, расположенных у Врат, — Неб и Севене.

* *Хет!* — Да будет!

** *Мирные негры* — так назывались в Египте негры, служившие в войсках и полиции.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗОЛОТАЯ СТЕПЬ

У подножья лестницы, спускавшейся с холма к южной оконечности острова Неб, стояла толпа рабов, прикованных к большим бронзовым кольцам столбов из красного гранита, возвышавшихся на нижней площадке. Здесь были все сто четырнадцать уцелевших беглецов и еще сорок негров и нубийцев со свирепыми лицами, с телами, испещренными рубцами заживших ран. Долго томились люди на палящем солнце, ожидая решения своей участи.

Наконец на верхней площадке лестницы показался высокий человек в белом одеянии, с золотом, свер-

кавшим на лбу, на груди и на черном посохе. Он медленно шел под сенью двух опахал. Их несли нубийские воины. Несколько человек, судя по одеянию — знатные сановники, окружало властителя. Это был Кабуефта — начальник Врат Юга.

Воины поспешно выстроились вокруг рабов; сопровождавший пленников тюремный писец выступил вперед и согнулся до земли.

Кабуефта спокойно, не меняя выражения застывшего лица, сошел вниз и вплотную приблизился к рабам. Кабуефта обвел скольльзящим, презрительным взглядом всех присутствующих. Он небрежно что-то сказал, обратившись к чиновнику. В голосе его звучало легкое одобрение. Начальник Врат Юга стукнул посохом — медный конец его звякнул о каменную плиту.

— Смотрите все на меня и слушайте! Кто не понимает языка Та-Кемта, тех пусть отведут налево — им объяснят потом.

Воины поспешно исполнили приказание, уведя в сторону пятнадцать чернокожих, не знавших языка.

Кабуефта громко и медленно заговорил на простонародном языке, подбирая выражения. Видно было, что властителю Юга приходилось часто встречаться с иноземцами.

Вельможа объяснил рабам предстоящее дело, не скрыв того, что многих ждет гибель, но всем спасшимся обещал свободу. Большинство мятежников изъявило свое согласие одобрительными восклицаниями, меньшая часть хранила упорное молчание, — никто не отказался.

— Хет! — продолжал Кабуефта, и снова взгляд его скользнул по худым и грязным телам. — Я прикажу сытно кормить вас и давать мыться. Путь через пять ступеней Хапи труден, быстрее идти на легких лодках. Я прикажу вас освободить, если вы поклянетесь не бежать... — Радостные вопли перебили его речь. Он выждал, пока они утихнут, и продолжал: — Но, кроме клятвы, вот мой приказ: за каждого сбежавшего десять его лучших товарищей будут брошены связанными, с содранной кожей, посыпанные солью, на пески берегов страны Нуб. Те, которые

струсят при поимке зверя и убегут, будут преданы жесточайшим пыткам, ибо жители страны Нуб предупреждены мною и под угрозой кары должны выследить их и схватить.

Окончание речи начальника Юга рабы встретили мрачным молчанием. Кабуефта, не обратив на это внимания, вновь принялся разглядывать людей. Его опыт помог ему сделать безошибочный выбор.

— Выйди сюда ты, — владыка указал на Кави. — Ты будешь начальником над ловцами, посредником между моими охотниками и своими товарищами.

Кави не спеша поклонился вельможе, — в бороде этруска промелькнула угрюмая усмешка.

— Ты продаешь нам свободу дорогой ценой, высокий человек, но мы ее покупаем, — сказал этруск и повернулся к товарищам: — Свирепый зверь не страшной золотых рудников, а надежды больше...

Кабуефта удалился, пленники вновь были водворены в тюрьму. Начальник Юга сдержал свое обещание — мятежников стали сытно кормить, освободили от цепей и ошейников и два раза в день водили купаться к Нилу, в отгороженный от крокодилов залив. Через два дня сто пятьдесят четыре раба присоединились к отряду воинов и охотников, выступивших вверх по реке на тридцати легких лодках, связанных из стеблей тростника.

Путь был далек. Жители Черной Земли считали до шестой ступени Нила от Врат Юга четыре миллиона локтей. Река, протекавшая почти прямо через страны Вават и Иэртет, в располагавшейся выше стране Куш* образовала две исполинские петли — одну на запад, другую на восток.

Начальник охот очень спешил: путь должен был отнять два месяца, а через девять недель начиналась прибыль воды. Борьба с ускорившимся течением должна была замедлить передвижение. Сплавить через

* Страна Куш — область долины Нила и Нубии, между вторым и пятым порогами, включавшая древние страны Иам и Карой. Страна Иэртет располагалась ниже по течению от второго порога, страна Вават — между Вратами Юга и страной Иэртет.

пороги большую и тяжелую лодку с пойманным чудовищем было возможно только в полую воду. Таким образом, в распоряжении начальника охоты оставалось мало времени на обратный путь.

Рабов всю долгую дорогу хорошо кормили, и они чувствовали себя здоровыми и крепкими, несмотря на тяжелую ежедневную работу. Они вели нагруженные лодки против течения, особенно быстрого на ступенях-порогах.

Предстоявшая охота пока не смущала их, в каждом жила уверенность, что именно он спасется и получит свободу. Контраст между дикими просторами неизвестной страны и ожиданием в яме-тюрьме жестокой кары был слишком велик. И люди работали изо всех сил, бодрые, окрепшие телом и духом. Довольный начальник охоты не скупился на пищу — ее доставляли все встречные поселения и города.

Сразу после отъезда из города Неб Пандион и его товарищи увидели первую ступень Нила. Быстрое течение сдавленной скалами реки разбивалось на отдельные потоки бушующей побелевшей воды, с ревом катившиеся по уклону, между лабиринтами черных скалистых островков. Многие сотни лет назад десять тысяч рабов под наблюдением искусных инженеров Та-Кемта проложили среди гранита каналы, и по ним даже большие военные суда легко проходили пороги. Для лодок охотничьей экспедиции первая ступень Нила, как и все последующие, не представляла серьезного препятствия. Рабы становились цепочкой по пояс в воде, подталкивая лодки от одного островка к другому. Иногда им приходилось переносить лодки на плечах по удобным береговым выступам, вырезанным половодьем. С каждым днем охотники продвигались все дальше на юг.

Они миновали пещерный храм* на левом берегу реки. Внимание Пандиона привлекли четыре гигантские фигуры, до тридцати локтей каждая, стоявшие в нише. Исполинские статуи фараона-завоевателя Сотепенры как бы охраняли вход в храм.

* Пещерный храм Рамзеса II в Ибсамбуле.

Экспедиция одолела вторую ступень Нила, протянувшуюся на день пути.

Выше находился остров Уронарту с перекатом Семне, на изрытых скалистых берегах которого находилась огромная крепость.

Крепость называлась «Отражение дикарей» и была сооружена еще девять веков назад, во времена фараона — покорителя страны Нуб*.

Толстые стены в двадцать локтей высоты, сооруженные из сырцового кирпича, стояли в полной сохранности; каждые тридцать лет их приводили в порядок. На скалах виднелись древние каменные доски с надписями, запрещающими неграм вход в страну Та-Кемт.

Угрюмая серая крепость с квадратными башнями по углам и с несколькими обращенными к реке, с узкой лестницей, проложенной от реки через утесы, высилась как олицетворение надменного могущества страны Та-Кемт. Но никто из рабов не подозревал, что времена великой силы Та-Кемта миновали, что построенную на труде бесчисленных угнетенных страну потрясают до основания частые мятежи и что ей угрожает возросшая сила новых народов.

На пути встретилось еще четыре крепости, стоявшие на скалистых островах или береговых утесах. Лодки прошли крутую излучину, в центре которой располагался маленький город Гем-Атон. Его построил тот самый проклятый фараон, в развалинах столицы которого Пандион отыскал статую загадочной девушки. Здесь жили египтяне, в старые времена изгнанные или бежавшие из Черной Земли. В конце излучины река, ударяясь о крутые утесы темного песчаника, переламявалась под прямым углом. Здесь начиналась третья, длинная стремнина, почти в сто тысяч локтей длины, на прохождение которой охотники потратили четыре дня.

Четвертая ступень, выше большого города Напата — столицы царей страны Нуб, была еще длиннее

* Сенусерт III (легендарный Сезострис) — 1887—1849 гг. до н. э., XII династии (2000—1788), прославившийся огромными строительными работами.

и задержала путников на пять дней. Вдобавок два дня лодки простояли, пока начальник охоты вел переговоры с властителями Куша. На четвертом пороге экспедицию обогнали три лодки с нубийцами, посланными вперед для поисков зверя.

Селения по долине реки встречались гораздо реже, чем в Та-Кемте. Сама долина сделалась значительно уже, и скалы пустынных плоскогорий, прорезанных рекой, были отчетливо видны сквозь легкую дымку зноя. Сотни крокодилов, достигавших подчас исполинских размеров, прятались в тростниковых зарослях или неподвижно лежали на песчаных отмелях, представляя гребнистые черно-зеленые спины знойному солнцу. Несколько неосторожных рабов и воинов сделалось жертвой вкрадчивого нападения безмолвных пресмыкающихся прямо на глазах у товарищей.

Здесь было много бегемотов. Пандион, этруски и другие рабы из северных стран еще раньше познакомились с безобразным обитателем реки, носившим у египтян имя «хте». Бегемоты не вызывали страха перед людьми, но и не нападали на них без причины, поэтому рабы близко подплывали к ним. Множество больших голубых пятен виднелось вдали перед зеленой стеной тростников, показывая место отдыха бегемотов в широких участках долины, где река разливалась гладким сверкающим озером. Мокрая кожа животных была голубого цвета. Грузные жирные звери наблюдали за лодками, выставив над водой громадные, словно обрубленные головы. Нередко животные погружали в воду и квадратные морды, тогда на блестящей и струившейся желтой мути чернели только лбы, увенчанные маленькими круглыми, торчавшими вперед ушами. Глаза бегемотов, сидевшие в возвышениях черепа — это придавало им особенно свирепое выражение, — упорно и тупо смотрели на людей.

В тех местах, где гранитные скалы поднимались со дна реки, образуя пороги и перекаты, встречались глубокие ямы между утесами, с прозрачной и спокойной водой. Однажды, волоча лодку по краю гранитной глыбы, рабы увидели на дне такой ямы громадного бегемота, неторопливо двигавшегося по дну на своих

коротких ногах. Под водой животное приняло совсем темносиний цвет. Бывалые негры объясняли товарищам, что хте часто ходит по дну реки, разыскивая корни водяных растений.

Долина резко переломилась в последний раз. От большого острова, плодородного и густо заселенного, она вела почти прямо на юг — до цели оставалась небольшая часть пути.

Скалистые края долины понизились, их прорезали многочисленные и широкие сухие овраги, в которых встречались густые рощицы колючих деревьев. При прохождении пятой ступени две лодки перевернулись; утонули одиннадцать человек, мало искусных в плавании.

Выше пятой ступени люди, наконец, увидели первый приток великой реки. Широкое устье притока, называвшегося рекой Ароматов* и впадавшего в Нил с правой стороны по течению, сливалось с основным руслом в обширной заросли тростников и папирусов. Непроницаемая зеленая стена до двенадцати локтей в высоту, изрезанная зигзагами заливов и протоками, заграждала вход в устье реки. А по берегам, разбившимся на отдельные гряды холмов, все чаще встречались рощи деревьев; их колючие стволы становились все выше, заросли длинными темными лентами отходили от реки в глубь неведомой и безлюдной страны. На склонах щетинились пучки жестких трав, тихо шелестевших под ветром. Приближался момент расплаты за свободное путешествие, без цепей и тюрьмы, и в сердцах рабов росла глухая тревога.

«Скоро начнется страшное испытание: одни спасутся ценою крови и мук товарищей, другие останутся навсегда в неведомой стране, пав искупительной жертвой». Так размышлял Кави, невольно оглядывая товарищей, пытаясь представить себе их будущее.

Страна выше по реке принимала все более равнинный вид. Болотистые берега окаймляли сверкающую гладь реки резкой темной линией высоких трав, простиравшихся, насколько хватал глаз. Звездчатые ме-

* Река Ароматов — Атбара, правый приток Нила.

телки папируса нависали над рекой, нарушая однообразие ровных берегов. Травянистые острова дробили течение на лабиринты узких проходов — глубокая вода была таинственна и темна между высокими стенами зелени. На местах, где берег был более тверд, путешественники видели большие пространства засохшей и растрескавшейся глины, истоптанные бесчисленными следами животных. Птицы, похожие на аистов, но почти достигавшие человеческого роста, удивляли мятежников своими чудовищными клювами. Казалось, что голова птицы оканчивается тяжелым костяным сундуком, с хищно загнутым краем верхней крышки. Изпод нависших глазниц чудовищ смотрели желтые злые глаза.

После впадения в Нил реки Ароматов, в конце второго дня пути, прямая, как копье, долина изогнулась к востоку, и люди увидели на выступе берега редкие дымки двух костров. Это был сигнал. Здесь ожидали посланные вперед охотники и нубийские проводники с известием, что зверь найден. Ночью сто сорок рабов под охраной девяноста воинов направились пешком на запад от реки. Теплый и обильный дождь пролился на разогретую землю. Влажные испарения одуряли людей, давно забывших о дождях под вечно ясным небом Та-Кемта.

Охотники шли по жесткой траве, выше пояса, и перед ними иногда вставали черные силуэты одиночных деревьев. Гиены и шакалы выли и вопили вокруг, пронзительно мяукали дикие кошки, зловещими металлическими голосами перекликались какие-то ночные птицы. Новая страна неопределенно и таинственно расплывалась в темноте, открывалась перед людьми Азии и северных берегов страна, изобилующая жизнью, независимой от человека и не покоренная им.

Впереди появилось исполинское дерево, заслонившее половину неба. Вокруг его ствола, более толстого, чем самые большие обелиски Черной Земли, люди расположились на ночлег, который для многих должен был оказаться последним. Пандион долго не мог заснуть. Возмущенный будущим боем, он прислушивался к голосам африканской степи.

Кави толковал у костра с охотниками, выясняя план завтрашних действий, потом улегся, с тяжелым вздохом посмотрев на беспокойно дремавших или лежавших без сна товарищей. Этруск удивился беспечности Кидого, мирно спавшего между Пандионом и Ремдом, — в пути четыре друга не разъединялись. Беспечность негра казалась этруску высшей мерой храбрости, недоступной даже ему, опытному воину, не раз видевшему смерть.

Наступило утро. Рабы были разделены на три группы, возглавляемые пятью охотниками и двумя местными проводниками. Каждому рабу вручили длинную веревку или ремень с затяжными петлями на концах. Четыре человека от каждой группы несли большую сетку из особенно прочных веревок с ячейками в локоть ширины. Чудовище надо было опутать веревками, замотать сетями и, свалив с ног, связать.

В полной тишине люди шли по степи, каждая группа на некотором расстоянии от другой. Воины рассыпались цепью и, не доверяя рабам, следовали позади со стрелами, вложенными в луки. Перед Пандионом и его товарищами раскинулась степь, поросшая травой в половину роста человека. На ее ровной поверхности были разбросаны деревья с зонтиковидными кронами*. Серые стволы почти у самого корня разделялись на толстые ветви, расходившиеся воронкой кверху, так что само дерево напоминало опрокинутый конус, над которым словно парила в воздухе прозрачная неяркая зелень.

Деревья перемежались с темными пятнами высоких мелколистных кустарников, то протягивавшихся цепью по слабо заметному углублению русла временного потока, то видневшихся вдалеке в виде неровных темных куч. Изредка попадались деревья с невысоким стволом чудовищной толщины, разветвлявшиеся на множество огромных искривленных и узловатых сучьев, покрытых недавно распустившимися маленькими листьями и пучками белых цветов **. Массивные де-

* Зонтичные акации, а также зонтичные формы мимоз.

** Баобабы — специфическое дерево африканских саванн.

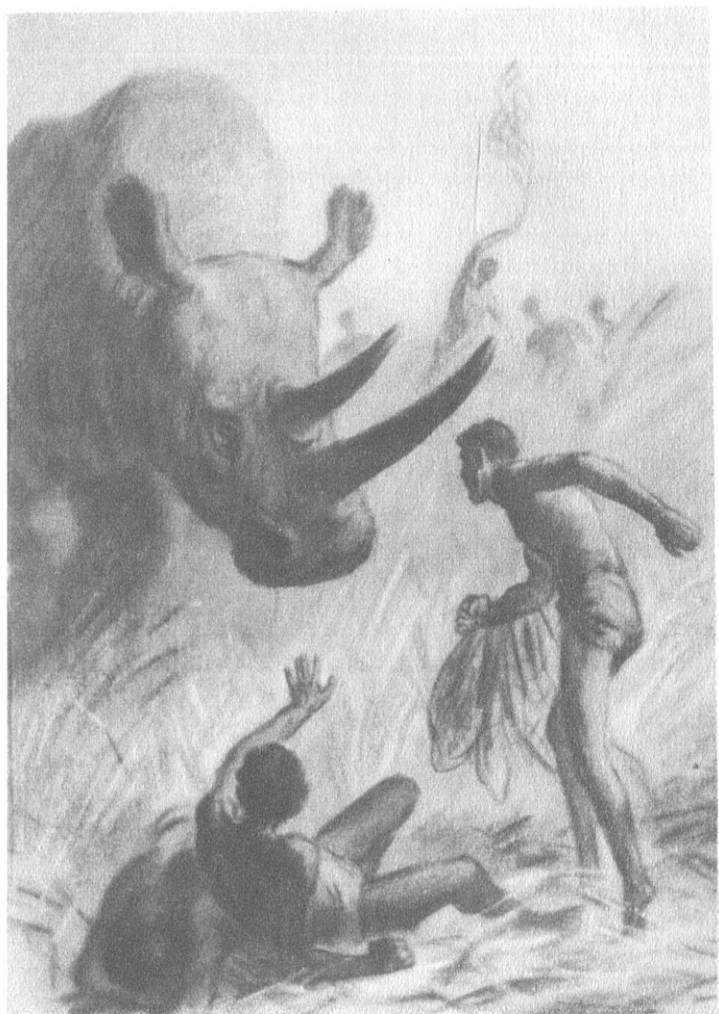
ревья резко выделялись на степи огромной шапкой низкой кроны, отбрасывавшей темные полосы удлинённых теней. Их волокнистая кора с металлическим отблеском походила на свинцовую, ветви казались выкованными из красной меди, а цветы распространяли вокруг тонкий аромат, похожий на запах миндаля.

Солнце золотило едва колыхавшуюся жесткую траву, а над ней как будто парили ажурными зелеными облачками вершины деревьев.

Ряд тонких черных копий возник из травы — несколько ориксов* показали свои длинные рога и скрылись за цепью кустарников. Трава была еще редкой; между ее отдельными пучками виднелась голая, расстрескавшаяся земля — период дождей начался недавно. Налево оказалась рошица деревьев, похожих на пальмы своей перистой листвой, но стволы их раздваивались вверху, напоминая два растопыренных пальца, которые выше еще несколько раз разветвлялись.

Здесь накануне охотники высмотрели носорогов, и сейчас, сделав знак рабам оставаться на месте, они осторожно подкрались к опушке и заглянули в темную после ярко освещенной степи рошу. Зверей там не оказалось, и охотники повели рабов к сухому ложу потока, заросшему густым кустарником. Там находился источник, превращенный носорогами в яму с грязью, в которой они валялись в жаркие часы дня. Охотники вышли на открытое место, окаймленное с востока тремя одинокими зонтичными акациями. До сухого русла оставалось еще около двух тысяч локтей, как вдруг шедший впереди нубиец застыл на месте и раскинул руки в стороны, давая сигнал остановки. Стало так тихо, что отчетливо было слышно слабое жужжание насекомых. Кидого тронул Пандиона за плечо — негр указывал в сторону от пути. Молодой эллин увидел около низких колючих деревьев что-то похожее на две сглаженные глыбы камня. Это и были страшные звери южных степей. Животные вначале не заметили людей и продолжали спокойно

* *Орикс*, или сернобык, — крупная антилопа, приручавшаяся в древнем Египте.

К стр. 155.

лежать спинами к охотникам. Оба носорога не показались Пандиону огромными, один был заметно меньше второго. Никто из рабов не подозревал, что охотники, желая заслужить хорошую награду, отыскивали очень крупного самца, из породы светлых носорогов*, которые отличались от своих черных южных сородичей большими размерами, большей высотой плеч, широкой квадратной мордой, серой кожей. Второй, меньший носорог была молодая самка. Охотники решили изменить план нападения, чтобы вмешательство самки не погубило дела.

Начальник охоты и начальник воинов быстро забрались на дерево, шепча проклятия длинным колючкам, рассеянным по стволу. Воины спрятались за кустами. Рабы соединились все вместе и, построившись в несколько рядов, вместе с охотниками с оглушительными криками ринулись по открытой поляне, размахивая веревками и подбадривая себя боевыми воплями. С поразительной быстротой оба зверя вскочили на ноги. Колоссальный самец на минуту остановился, уставившись на подбежавших людей, а самка, более испуганная, бросилась в сторону. Именно на это и рассчитывали охотники — они быстро метнулись направо, чтобы отвлечь и отрезать самку от самца.

Начальник охоты с дерева увидел необъятное туловище застывшего неподвижно носорога, черные изгибы его устремленных вперед ушей, раздвинутых широким промежутком темени, похожего на толстый валик. За ушами виднелся высокий бугор массивной холки, а впереди поблескивал острый конец рога. Маленькие глазки, как показалось египтянину, смотрели вниз с тупым и даже каким-то обиженным видом.

Через минуту носорог повернулся, и египтянин увидел его длинную, нелепо прогнутую посредине голову, крутую дугу холки, гребень проступающих на крупные кости, ноги, подобные стволам дерева, маленький воинственно поднятый вверх хвост.

Громадный рог, не меньше трех локтей длины, си-

* Белый носорог был распространен в древние времена значительно больше на севере Судана.

дел на носу, блестящий, очень толстый у корня, резко заострявшийся кверху. Позади него виднелся другой, более короткий и острый, с широким круглым основанием.

Сердца подбегавших людей отчаянно заколотились — зверь вблизи оказался страшным чудовищем. Восемь локтей длины было в его исполинском теле, крутая холка возвышалась на четыре локтя над землей. Носорог засопел так громко, что его отчетливо слышали все до единого человека, и стремительно кинулся на людей. С проворством, непостижимым для такого громадного и массивного зверя, носорог мгновенно оказался в середине толпы. Никто не успел даже поднять веревки. Пандион очутился в стороне от налетевшего, как буря, чудовища. Молодой эллин успел заметить только широко раздутые ноздри животного, окруженные кольцеобразными складками кожи, разорванное правое ухо и кожу на боку, покрытую бугорками, точно наростами лишайников. Дальше все спуталось в голове Пандиона. Пронзительный вопль разнесся по степи, нелепо искривленная человеческая фигура на мгновение взвилась в воздух. Носорог проложил широкую дорогу в толпе рабов, промчался дальше в степь, оставляя за собой несколько распростертых тел, повернулся и снова бросился на несчастных. На этот раз стремительно двигавшуюся массу облепили со всех сторон человеческие тела. Но чудовище состояло из сплошных мышц и толстых костей, одетых твердой, как панцырь, шкурой. Люди разлетелись в разные стороны, и опять носорог принялся топтать, давить и протыкать рогами поверженных рабов. Пандион, бросившийся вперед вместе с другими, был остановлен тупым страшным ударом и, оглушенный, оказался на четвереньках. Протяжные стоны и громкие крики неслись по поляне, в воздухе за клубилась пыль. Начальник охоты, неистово кричавший с дерева, подбадривая рабов, теперь замолк и растерянно смотрел на битву. Еще ни одна веревка не захватила гиганта, а не менее тридцати человек было ранено или убито. Воины, побледневшие и дрожавшие, укрывались за деревьями, моля богов

Та-Кемта о спасении. В третий раз повернулось чудовище, и хотя люди невольно расступились перед его стремительным телом, носорог успел пронзить рогом младшего из этрусков — Ремда. Животное с резким фырканием неистово металось среди людей, топча их и бодая. Из ноздрей зверя летела пена, маленькие глазки горели злобой.

Кави с яростным воплем бросился на чудовище, но его веревка скользнула по рогу; сам этруск отлетел в сторону, обливаясь кровью, — вся кожа с плеча и груди оказалась содранной жесткой шкурой носорога.

Кави с трудом поднялся, рыдая от бессильной ярости. Подавленные силой носорога, люди пятились от чудовища, наименее стойкие прятались за спины товарищей.

Казалось, еще немного — и все в страхе разбегутся куда попало, простясь с мыслью о свободе.

Опять носорог бросился на людей, снова слышались вопли. Кидого выступил вперед. Ноздри негра раздувались, в нем загорелся тот боевой огонь, который рождается при смертельной опасности, когда человек забывает обо всем, кроме необходимости сражаться, сражаться во имя жизни. Отскочив от страшного рога, грозившего неминуемой гибелью, Кидого метнулся вслед за проскочившим мимо чудовищем и, не помня себя, вцепился ему в хвост. Пандион, очнувшийся от тяжкого потрясения, поднял с земли валявшуюся сеть. В этот момент он почувствовал, что должен быть впереди товарищей, которые телами заслонили его, оглушенного. Смутное воспоминание мелькнуло в голове эллина — поляна на Крите, опасная игра с быком. Носорог был мало похож на быка, но Пандион решил использовать прием. Перебросив через плечо свернутую сеть, Пандион бросился к носорогу. Зверь в это время остановился, брыкнув задними ногами, поднял тучу пыли и далеко отбросил Кидого. Поняв план Пандиона, два ливийца сбоку отвлекли внимание зверя, а молодой эллин прыжком настиг чудовище и прижался к его боку. Носорог молниеносно повернулся, кожа Пандиона разорвалась о твердую шкуру. Пандион почувствовал страшную

боль, но, забыв обо всем, вцепился в ухо чудовища. Виденным на Крите приемом Пандион перебросил тело через туловище зверя и очутился на его широкой спине. Носорог заметался. Пандион цеплялся изо всех сил. «Только бы удержаться, удержаться», — вертелось в мозгу молодого эллина.

И Пандион удержался ровно столько мгновений, чтобы успеть набросить край сети на морду чудовища. Рога прошли между петлями, буйная радость обожгла Пандиона, но в это же мгновение он перестал видеть окружающее и потерял сознание. Что-то хрустнуло, страшная тяжесть навалилась на него, в глазах потемнело.

Увлеченный боем, Пандион не видел, что Кидого, рыча, как лев, опять вцепился в хвост носорога, что десять ливийцев и шесть аму ухватились за сеть, облепившую голову зверя. Стараясь отряхнуть людей, носорог повалился на бок — сломал руку и ключицу тяжело ударившемуся о землю молодому эллину. Падение чудовища было немедленно использовано людьми. Рабы с криками навалились на носорога, вторая сеть опутала голову, две петли охватили заднюю ногу, одна переднюю. Фыркание носорога перешло в утробный рев, зверь перекатился на левый бок, потом на спину, своей тяжестью ломая кости людям. Сила чудовища казалась безграничной. Шесть раз зверь вскакивал, путаясь в веревках, и опять опрокидывался на спину, уничтожив более пятидесяти человек.

Но веревки и ремни все гуще опутывали его ноги, люди стягивали крепкие петли. Три сети обхватили носорога сверху и снизу. Скоро кучка окровавленных людей в поту и грязи лежала на чудовище, придавливая к земле бешено брыкавшегося носорога. Шкура чудовища, залитая человеческой кровью, стала скользкой, скрюченные пальцы скользили по ней, но веревки стягивались все крепче. Даже те, на которых рухнула в последний раз тяжелая туша зверя, в предсмертных усилиях цепко держались за петли.

Охотники приблизились к поверженному носорогу, неся новые связки ремней, скрутили наперекрест все

четыре столбообразные ноги, а голову за рог припутали к передним ногам.

Страшная битва была кончена.

Обезумевшие люди медленно приходили в себя, мускулы израненных тел дрожали, словно в лихорадке, и в невидящих глазах плавали черные пятна.

Наконец биение отчаянно колотившихся сердец замедлилось, там и сям послышались вздохи облегчения, — люди начинали понимать, что смерть миновала их. Встал, шатаясь, покрытый кровавой грязью Кави; подошел, весь дрожа, но уже улыбаясь, Кидого. Улыбка негра сразу слетела с посеревшего лица, когда он не увидел среди живых своего друга Пандиона.

Уцелело семьдесят три человека, остальные были убиты или получили смертельные увечья. Этрусск и Кидого отыскали Пандиона среди мертвых тел в истоптанной траве и отнесли его в тень. Кави исследовал молодого эллина и не нашел на нем смертельных повреждений. Ремд был мертв, погиб и пылкий вождь аму, а храбрый ливиец Ахми тяжело стонал, умирая с раздавленной грудью.

Пока рабы считали свои потери и перетаскивали умиравших в тень деревьев, воины принесли от реки громадную платформу из дерева — дно от приготовленной для носорога клетки, взвалили на нее связанное чудовище и поволокли на катках к реке.

Кави подошел к начальнику охоты.

— Прикажи им, — этрусск показал на воинов, — помочь нам отнести раненых.

— Что хочешь с ними делать? — спросил начальник, с невольным уважением оглядывая мощного этруска, измазанного в крови и пыли, лицо которого было полно суровой печали.

— Мы повезем их вниз: может быть, некоторые доживут до Та-Кемта и его искусных врачей, — хмуро ответил Кави.

— Кто сказал тебе, что вы вернетесь в Та-Кемт? — перебил начальник.

Этрусск вздрогнул и отступил на шаг.

— Как, разве слова владыки Юга были ложью? Разве мы не свободны?! — закричал Кави.

— Нет, великий не солгал тебе, презренному, — вы свободны! — и с этими словами начальник охоты протянул этруску маленький свиток папируса. — Вот его указ.

Кави бережно взял драгоценный листок, превращавший рабов в свободных людей.

— Если так, то почему... — заговорил он.

— Замолчи, — надменно перебил начальник, — и слушай. Вы свободны здесь, — начальник охоты налег на последнее слово, — и можете идти, куда хотите: туда или туда, — рука начальника указала на запад, на юг и на восток, — но не в Та-Кемт и не в подвластную ему страну Нуб. Если ослушаетесь — опять станете рабами. Я полагаю, — жестко закончил он, — что, подумав на свободе, вы все вернетесь к ногам нашего господина исполнять начертанное вам судьбой служение избранному народу Черной Земли.

Кави сделал два шага вперед, глаза его загорелись. Он протянул руку к одному из воинов, растерянно взглянувшему на начальника охоты, и смелым движением вырвал у него из-за пояса короткий меч. Этрусск поднял блестящее оружие лезвием кверху, поцеловал его и быстро заговорил на своем непонятном никому языке:

— Клянусь верховным богом молнии, богом смерти, чье имя я ношу, что наперекор злодействам проклятого народа я вернусь живым на родину. Клянусь, что с этого часа я не успокоюсь, пока с сильным отрядом не приду на берега Та-Кемта и не воздам сполна за все это.

Кави обвел рукой поляну с разбросанными на ней телами и с силой швырнул меч себе под ноги. Оружие глубоко воткнулось в землю. Этрусск резко повернулся и направился к товарищам, но вдруг вернулся обратно.

— Я больше ни о чем не прошу тебя, — снова обратился он к начальнику охоты, удалявшемуся с последней группой воинов, — только прикажи оставить нам несколько копий, ножей и луков. Мы должны охранять своих раненых.

Начальник охоты молча кивнул головой и скрылся за кустами, направившись к реке по широкому следу примятой травы, проложенному увезенной платформой с носорогом.

Кави передал товарищам весь разговор. Крики гнева, сдержанные проклятия и бессильные угрозы смешались с тихими, жалобными стонами умиравших.

— О том, что нам делать, подумаем после! — крикнул Кави. — Сейчас нужно решить, как поступить с ранеными. До реки далеко, мы устали и не донесем товарищей. Отдохнем немного, и пусть пятьдесят человек пойдут к реке, а двадцать останутся на страже — кругом много хищных зверей. — Кави указал на мелькавшие поодаль в траве покатые пятнистые спины гиен, привлеченных запахом пролитой крови. Огромные птицы с голыми шеями кружили над поляной, спускались и снова взлетали.

Пылала накаленная солнцем сухая земля, едва заметно дрожала сетка солнечных пятен под деревьями, грустно звучали в знойной тишине крики дикого голубя. У людей прошел азарт боя, заболели полученные ушибы, горела и саднила содранная кожа.

Смерть Ремда повергла Кави в уныние — юноша являлся единственной нитью, связывавшей этруска с далекой родиной. Теперь эта тонкая нить оборвалась.

Кидого, забыв о своих ранах, сидел над Пандионом. Молодой эллин, видимо, получил еще какое-то внутреннее повреждение и не приходил в сознание. Сквозь запекшиеся губы чуть слышным, свистящим звуком прорывалось дыхание. Негр несколько раз посматривал на молча лежавших в тени товарищей и, наконец, вскочил, призывая итти к реке за водой для раненых.

С невольными столами люди начали подниматься. Сразу подступила нестерпимая жажда, жала и разъедала горло. Если так захотели пить уцелевшие, то что же терпели раненые, немые от потери сил! А до реки напрямик было не меньше двух часов быстрой ходьбы.

Неожиданно за кустами послышались голоса — отряд воинов, численностью до полусотни, нагруженный сосудами с водой и пищей, показался на поляне.

В составе отряда не было египтян — пришли только нубийцы и негры под предводительством двух проводников.

Подошедшие воины сразу умолкли, едва только они увидели место побоища. Они направились к дереву, под которым стоял Кави, и, не проговорив ни слова, составили к его ногам глиняные и деревянные сосуды, положили с десятков копий, шесть луков с колчанами, полными стрел, четыре тяжелых ножа и четыре маленьких щита из бегемотовой шкуры, усаженных медными бляшками. Люди с жадностью бросились к кувшинам. Кидого схватил нож и, злобно вращая глазами, заявил, что убьет первого, кто возьмет воду. Воду из двух сосудов поспешно стали вливать в раскрытые пересохшие рты раненых, потом папились остальные. Воины ушли, так и не сказав ничего.

Среди рабов нашлось двое умевших лечить раны, они принялись вместе с Кави перевязывать товарищей. Сломанные кости Пандиона были заключены в лубки из твердой коры, замотаны полосками ткани из его же набедренной повязки. При этом Кидого увидел сверкающий голубовато-зеленый камень, который был крепко завязан в материю. Негр бережно спрятал его, считая волшебным амулетом товарища.

Лубки пришлось наложить еще двум раненым: одному ливийцу с переломом руки и сухому мускулисту негру, беспомощно лежавшему с переломленной ниже колена ногой. Состояние остальных было, по видимому, безнадежно — страшный рог чудовища проник глубоко, повредив внутренности. Некоторые были разможены под тяжестью громадного тела носорога и его колоннообразных ног.

Не успел Кави оказать помощь всем раненым товарищам, как среди желтой травы показался темный силуэт спешившего к месту сражения человека. Это был один из местных жителей; он приводил воинов с водой и теперь снова возвращался.

Задышавшись от быстрой ходьбы, нубиец подошел к Кави и протянул ему обе руки ладонями вверх. Эту руск понял этот жест дружбы и ответил тем же. Тогда проводник присел на корточках в тени дерева,

опираясь на свое длинное копьё, и быстро заговорил, показывая в сторону реки и на юг. Произошла заминка: нубиец знал не больше десяти слов на языке Та-Кемта, а Кави вовсе не понимал нубийца, однако в числе рабов нашлись переводчики.

Оказалось, что проводник отстал от отряда воинов и спешно вернулся, чтобы помочь рабам найти дорогу. Нубиец уверял, что освобожденных рабов изгнали из области, подвластной Та-Кемту, и поэтому возвращаться к реке для них опасно — они могут опять очутиться в рабстве. Проводник посоветовал Кави идти на запад, где скоро им попадется огромная сухая долина. По ней нужно направиться на юг, там, в четырех днях пути, они встретят мирных кочевников-скотоводов.

— Ты отдашь им вот это, — нубиец извлек из перекинутого через плечо куска ткани какой-то знак, составленный из особым образом переплетенных и изломанных красных веточек, — тогда они примут вас хорошо и дадут ослов для перевозки раненых. Еще дальше на юг будут владения богатого и мирного народа, который ненавидит Та-Кемт. Там раненые смогут вылечиться. Чем дальше к югу, тем больше будет воды, тем чаще будут литься дожди. В сухом русле, по которому пройдет путь вначале, вы всегда найдете воду, если выкопаете яму в два локтя глубины...

Нубиец встал, торопясь уйти, и Кави хотел поблагодарить его, как вдруг к проводнику подскочил один из рабов-азиатов с длинной, всклокоченной и грязной бородой, с шапкой лохматых волос на голове.

— Почему ты советуешь идти на запад и на юг? Наш дом там, — азиат указал на восток, в сторону реки.

Нубиец пристально посмотрел на говорившего и медленно ответил, разделяя слова:

— Если ты переберешься через реку, на востоке будет каменистая безводная пустыня. Если ты перейдешь ее и перевалишь через высокие горы, придешь к берегу моря, где владеет Та-Кемт. Если ты сумеешь переплыть море, там, говорят, пустыни еще страшнее. А в горах и по реке Ароматов живут пле-

мена, поставляющие Та-Кемту рабов в обмен на оружие. Думай сам!

— А на север нет пути? — вкрадчиво спросил один из ливийцев.

— На севере в двух днях пути отсюда тянется необъятная пустыня: сначала сухие камни и глина, затем пески. Куда же ты пойдешь туда и зачем? Может быть, там есть какие-нибудь дороги и источники, но я их не знаю. Говорю про путь самый легкий и тот, который знаю хорошо... — И, жестом показав, что разговор окончен, проводник вышел из-под дерева.

Кави последовал за ним, обнял за плечи и принял-ся благодарить, мешая египетские и этрусские слова, потом подозвал переводчика.

— Мне нечего дать тебе, у меня самого нет ничего, кроме... — этруск дотронулся до измазанной набедренной повязки, — но в сердце я сохраню тебя.

— Я тоже делаю не для платы, а повинуюсь сердцу, — ответил, улыбнувшись, нубиец. — Кто из нас, изведавших гнет Черной Земли, откажется помочь вам, храбрецам, освободившимся такой страшной ценой?! Смотри же, послушайся моего совета и сохрани знак, данный тебе... Еще скажу: источник воды от вас направо, в двух тысячах локтей — вон там, где купались носороги, но лучше всего сегодня же, до наступления ночи, уйти отсюда. Прощай, смелый чужеземец, привет твоим храбрым товарищам. Я спешу.

Проводник скрылся, а Кави, задумавшись, смотрел ему вслед.

Нет, сегодня они не смогут уйти отсюда и бросить умирающих товарищей на растерзание гиенам. Если вода близко, то тем более нужно оставаться на месте.

Кави вернулся к товарищам, которые обсуждали, что делать дальше. Утолив жажду и подкрепившись пищей, люди стали рассудительнее и осторожно взвешивали последующие действия.

Для всех было ясно, что на север идти невозможно, — нужно скорее удаляться от реки, но в вопросе о том, идти ли на юг или на восток, мнения разделились.

Азиаты, составлявшие почти половину уцелевших рабов, не хотели углубляться в страну черных и от-

стаивали путь на восток. По уверениям нубийцев, за три недели можно было добраться до берегов узкого моря, разделявшего Нубию и Азию, и жители этой страны готовы были решиться снова на путь через пустыню, чтобы поскорее вернуться домой.

Кави был захвачен в рабство во время военного похода. У него в родных местах была семья, и он колебался: такой заманчивой казалась ему возможность быстрого возвращения. Проще всего ему было вернуться через Та-Кемт, спустившись в лодке по реке вниз до моря. Но опытный, много скитавшийся воин понимал, что кучка людей, затерянная во враждебной стране и в особенности в пустынях, где все колодцы наперечет, сможет просуществовать разве лишь чудом. А чудес в судьбе этруска еще не встречалось, и он не очень в них верил.

Вмешался Кидого, оставивший своего друга для того, чтобы принять участие в совете.

В первый раз негр рассказал о себе. Оказалось, что Кидого был сыном гончара и происходил из богатого и многочисленного народа, обитавшего у морского побережья на западной окраине страны черных. Там в сушу глубоко вдавался огромный залив, называемый Южным Рогом *. Кидого не знал отсюда дороги в родные места, попав в плен на краю великой пустыни, когда держал путь в Та-Кемт, обуреваемый желанием посмотреть чудеса искусного мастерства этого народа. Однако негр рассчитывал, что его страна должна была находиться недалеко на юго-запад от места сражения. Кидого уверял, что сможет узнать и правильный путь от того племени, к которому направлял их проводник-нубиец. Кидого обещал всем товарищам гостеприимство, если только они сумеют дойти до той области, где обитает его народ, а этруску заявил, что по рассказам, слышанным в детстве, корабли людей, похожих на него и на Пандиона, приплывали в его страну из северного моря. Кави, взвесив все, посоветовал товарищам послушаться проводника и уходить на юг. После слов Кидого

* Южный Рог — древнее название Гвинейского залива.

неведомая страна черных ему не казалась более враждебной. Море, свободное, не подчиненное ненавистному Та-Кемту, давало возможность достигнуть родины. Этруск больше верил морю, чем пустыне.

Азиаты протестовали, не соглашались, ливийцы поддерживали этруска, а про негров нечего было и говорить: все они готовы были идти на юг и на запад — там была их дорога в родные страны.

Азиаты уверяли, что совершенно неизвестно, как отнесутся к ним кочевники и особенно тот многочисленный и богатый народ, о котором говорил проводник-нубиец, что знак, данный им этруску, может быть ловушкой и все они снова попадут в плен.

Тогда негр, лежавший со сломанной ногой, криками и жестами обратил на себя внимание. Торопливо проглатывая слова и брызжа слюной, он говорил что-то, силясь улыбнуться и часто ударяя себя в грудь. Из всей бурной речи, с целым потоком незнакомых слов, Кави понял, что негр принадлежит к тому народу, до которого советовал добраться с помощью кочевников проводник, и что он клянется в миролюбивости своих соплеменников. Тогда этруск решился и стал на сторону негров и ливийцев, против азиатов, продолжавших отстаивать свой план. Но солнце уже склонилось к закату, нужно было подумать о воде и о ночлеге. Этруск предложил каждому подождать до утра. Как ни хотелось всем уйти от ужасного, усеянного трупами места, пришлось остаться на поляне, чтобы не мучить напрасно умиравших, перетаскивая их. Десять человек отправились к указанному нубийцем роднику и принесли полные кувшины мутной теплой воды с запахом глины. По совету негров, между деревьями был сооружен вал из колючих веток для защиты от нападения гиен. Со стороны, обращенной к поляне, запылали три костра. Три человека остались дежурить у раненых, десять с копьями уселись у костра. Ночь в этих местах наступала быстро. Еще светились на западе облака, а с севера и востока уже катился черный вал наступающей темноты, затопляя вершины деревьев и зажигая над ними бесчисленные огоньки звезд. Скоро незнакомый с южными странами

Кави понял, почему проводник советовал им поскорее уйти отсюда. Вопли шакалов хором поднялись к небу, отрывистый истерический хохот гиен раздавался во круг. Казалось, сотни зверей сбежались отовсюду, чтобы пожрать не только трупы, но и оставшихся в живых. С поляны доносились возня, рычание, хруст и громкое чавканье. Сладковатый запах быстро разложившихся на жаре трупов распространялся повсюду.

Люди кричали, бросали комья земли и камни, выступали вперед с горящими головнями, но напрасно — хищников становилось все больше.

Вдруг за колючей загородкой послышалось глухое хрипенье, громовый рев словно растекся по земле, сотрясая почву. Звери, грызшиеся на поляне, утихли, люди, проснувшись, вскочили, в наступившей тишине громче застонали раненые. Рев приближался — низкий звук невероятной силы, казалось, исходил из огромной трубы. Смутный большеголовый силуэт промелькнул у крайнего дерева — к испуганным людям подходил большой густогривый лев, а позади него неслышно скользила гибкая тонкая львица. Копья повернулись в сторону зверей, слабо отблескивая медными наконечниками в пламени неярко горевших костров. Люди с криками швыряли головни в львов, рискуя поджечь траву. Ошеломленные хищники остановились, потом отошли на поляну. Долго стояли люди с копьями наготове, до боли сжимая в руках древки, но нападения не последовало.

Не успели отдохавшие задремать, как опять гром львиного рева потряс воздух, за ним последовал другой, третий. Не меньше трех львов бродило вокруг, с появившейся ранее львицей было четыре. Люди поняли, какой непростительной беспечностью с их стороны была небрежно построенная низкая загородка. Четыре человека с копьями стояли наготове, чтобы отразить возможное нападение сзади, шесть копеечников оставались стоять за кострами. Никто не спал. Вооружась кто чем мог, люди зорко вглядывались в темноту. Новый рев потряс воздух, и у крайнего костра появился огромный лев со светлой гривой. Колеблющееся пламя увеличивало размеры хищника, глаза его,

устремленные на людей, излучали зеленое сияние. На несчастье, поблизости стоял один из неопытных в охоте северных азиатов с луком. Устрашенный левиным ревом, он послал меткую стрелу прямо в морду хищника. Рев оборвался протяжным стоном, перешел в хриплый кашель и умолк.

— Берегись! — отчаянно крикнул один из нубийцев.

Тело льва взвилось в воздух, хищник прыжком пересек линию костров и очутился среди людей. Победителей носорога не легко было привести в смятение: копья остановили льва, впившись ему в бока и грудь, четыре стрелы пронзили гибкое туловище. Два копья с сухим треском сломались под ударами тяжелой лапы, и в этот же момент три великана-негра, прикрываясь щитами, вонзили хищнику в грудь длинные ножи... Лев протяжно и жалобно заревел, люди, обогранные кровью, отскочили, и вдруг наступило молчание.

Оглушительный вопль победы прокатился по степи. Тело убитого льва было выброшено перед кострами, а товарищи взялись за перевязку двух новых раненых, еще дрожавших от боевой лихорадки.

Хищники бродили вокруг до рассвета, время от времени издавая потрясающий рев. Ни один из львов не решился повторить нападение.

С рождением нового дня, встававшего в ослепительном блеске, умерли пять тяжелораненых. Еще семь человек оказались мертвыми, — ночью в суматохе со львом никто не заметил, когда это произошло. Ахми еще дышал, изредка шевеля серыми губами.

Пандион лежал с открытыми глазами, грудь его поднималась в спокойном и ровном дыхании. Наклонившийся над ним Кидого с ужасом понял, что друг не видит его. Однако принесенную воду Пандион сразу выпил и медленно опустил веки.

После завтрака из остатков вчерашней пищи Кави предложил выступать. Азиаты, сговорившиеся еще ночью, взбунтовались. Они кричали, что в этой стране, населенной таким множеством страшных зверей, они неминуемо погибнут, что нужно спастись из этой роковой степи, что пустыня привычнее и безопаснее. Как

ни уговаривали их Кави и чернокожие, азиаты остались непреклонными.

— Хорошо, пусть будет так, — сказал этруск, решившись. — Я иду на юг с Кидого. Кто с нами — пойдите сюда, кто на восток — отойдите налево.

Немедленно вокруг этруска образовалась толпа черных и светлобронзовых тел — негры, пубийцы и ливийцы. К Кави присоединились тридцать семь человек, не считая Пандиона и лежавшего на земле негра со сломанной ногой, который напряженно следил за происходившим, приподнявшись на локте.

Тридцать два человека перешли налево и стояли, упрямо опустив головы.

Оружие и сосуды для воды были разделены пополам между обеими партиями, чтобы азиаты не связывали свою возможную неудачу с тем, что их обделили товарищи.

Их длиннобородый вождь, едва только дележ был окончен, повел людей на восток, к реке, как будто опасаясь, что привязанность к товарищам поколеблет их решимость. Остающиеся долго смотрели вслед храбрым друзьям, отделившимся от них на пороге свободы, затем с грустными вздохами вернулись к своим делам.

Этруск и Кидого, осмотрев Пандиона и раненого негра, перенесли их к другому дереву, с тонкими ветками. Когда попробовали приподнять Ахми, из горла ливийца вырвался вопль, и жизнь покинула мужественного борца за свободу.

Кави посоветовал ливийцам поднять мертвого на дерево и крепко привязать его веревками. Это было тотчас же выполнено, хотя люди знали, что труп будет растерзан хищными птицами; но это казалось менее отвратительным, чем дать пищу вонючим гиенам.

Молча, не сговариваясь, Кави и Кидого срубили несколько ветвей.

— Что ты делаешь? — спросил, подойдя к этруску, один из высоких негров.

— Носилки. Мы с Кидого понесем его, — Кави указал на Пандиона, — а вы понесете этого, — этруск

кивнул в сторону негра с ногой в лубке. — Ливиец пойдет без нашей помощи, с рукой на перевязи...

— Мы все понесем того, кто первый вскочил на носорога, — ответил негр, обратившись к товарищам. — Храбрец спас всех. Разве мы можем забыть это? Подожди, мы лучше умеем делать носилки.

Четыре негра ловко принялись за работу. Скоро они были готовы — длинные палки, переплетенные веревками, — на месте битвы их осталось много. Между палками негры устроили двойные поперечные распорки, в середине укрепили круглые подушки из твердой коры, обмотанные кусками львиной шкуры. Негр со сломанной ногой следил за работой, радостно улыбаясь; темные глаза его с преданностью смотрели в лица товарищей.

Раненых положили на носилки. Все было готово. Чернокожие попарно встали у носилок и разом подняли их на вытянутых руках, старательно уместив в головах подушки. Затем носильщики двинулись вперед, размеренно и легко шагая.

Так, не приходя в сознание, Пандион двинулся в неведомый путь. Два нубийца и негр, вооруженные копьями и луком, взяв на себя обязанность проводников, шли впереди, остальные тридцать человек потянулись гуськом вслед за носилками. В самом хвосте шествия еще трое несли два копья и лук. Путники пошли краем поляны на запад, стараясь не смотреть на останки товарищей и унося щемящее чувство вины, что не смогли сберечь тела погибших от ночных пожирателей падали.

После полдневного отдыха отряд скоро достиг широкого высохшего русла, еще издали выделявшегося на желтой степи двумя полосками окаймлявших его берега кустарников.

По руслу повернули прямо на юг и, не останавливаясь, шли до заката. В этот день не пришлось копать яму для воды — небольшой источник выбивался на поверхность из щели между двумя плитами грубозернистого сыпкого камня; но людям пришлось основательно потрудиться над местом для ночлега, обнеся его валом из колючих ветвей. Ночью все мирно спа-

ли, не пугаясь отдаленного рычания льва и сновавших в темноте гиен.

Второй и третий день пути прошли спокойно. Только раз видели издалека черную глыбу пробиравшегося в траве носорога с опущенной головой. Люди в смятении остановились, — пережитое вновь ожило в их памяти, грозное и незабываемое. Путники прилегли к траве. Носорог поднял голову; опять, как и в тот страшный час, люди увидели изогнутые, широко расставленные уши и торчащий между ними конец рога. Складки толстой кожи обрамляли плечи животного и нависали валиками у начала расставленных передних ног, утопавших в траве. Массивное чудовище неподвижно стояло и, повернувшись, двинулось в прежнем направлении.

Небольшие стада маленьких желто-серых антилоп попадались часто; убитые стрелами животные служили вкусной пищей.

На четвертый день сухое русло расширилось и исчезло, желтая глинистая почва уступила место странной яркокрасной земле*, тонким слоем покрывавшей раздробленный гранит. Округлые холмы гранита выступали темными пятнами на красной унылой равнине. Трава исчезла, вместо нее из земли торчали жесткие листья, похожие на воткнутые прямо в рыхлую почву связки острых и узких мечей**. Проводники тщательно обходили заросли этих странных растений с острыми, режущими, как бритва, краями.

Красная долина расстилалась впереди, ровные клубы пыли вихрились, поднимаясь столбами и рассеивая блеск солнечных лучей. Жара истомила идущих, но люди продолжали путь, тревожась, что эта безводная равнина окажется очень большой. Русло с его подземным потоком воды осталось позади. Кто знает, когда удастся найти воду, необходимую человеку в этой жаркой стране!

* Латерит — красная железистая почва, образующаяся в южных странах при выветривании изверженных пород.

** Сансеверия — оригинальное растение сухих латеритовых степей.

С вершины одного из гранитных холмов заметили, что вдали протекает золотистая черта, — там, видимо, кончалась красная почва и вновь шла травянистая степь. Действительно, тени удлиннились только наполовину от полудня, а путники уже шагали по шелестящей траве, более низкой, чем раньше, но зато и более густой. В стороне виднелось широкое зеленое облако, казалось, парившее в воздухе над синевато-черным пятном собственной тени, — могучее «дерево гостей» приглашало под свой кров. Проводники повернули к нему. Утомленные люди прибавили шагу, и скоро носилки с ранеными стояли в тени у ствола, глубоко разделенного продольными желобами на отдельные закругленные ребра.

Несколько негров составило живую лестницу и взобралось на могучие ветви. Восторженные вопли слышались сверху — чернокожие не ошиблись в своих расчетах: внутреннее дупло толстого ствола, не менее пятнадцати локтей в поперечнике, содержало воду недавних дождей. Сосуды наполнились прохладной темной водой. Негры сбросили сверху несколько длинных, заостренных с обоих концов плодов громадного дерева. Каждый плод, в человеческую голову величиной, содержал под своей тонкой твердой скорлупой желтоватое мучнистое вещество, кисло-сладкое, замечательно охлаждавшее горячие, пересохшие рты путников. Кидого разбил два плода, отделил множество мелких косточек, растер содержимое с небольшим количеством воды и принялся кормить Пандиона.

К радости негра, молодой эллин ел с большой охотой и сегодня в первый раз приподнял голову, стараясь оглядеться кругом (на носилках во время перехода лицо Пандиона обычно покрывали большими листьями, сорванными вблизи источников). Руки Пандиона с усилием дотянулись до Кидого, слабые пальцы пожали кисть негра. В широко раскрытых глазах эллина стояло что-то мутное и жалкое.

Кидого взволнованно спросил друга, как он себя чувствует, но не добился ответа. Глаза раненого опять закрылись, будто слабая вспышка воскресающей жизни утомила его без меры. Кидого оставил друга в по-

кое и поспешил передать этруску радостную весть. Кави, еще более посуровевший со страшного дня битвы, подошел к носилкам и долго сидел, вглядываясь в лицо товарища. Этрусск старался, положив руку на грудь Пандиона, определить силу биения сердца юноши.

В это время раздался голос нубийца, забравшегося на верхушку дерева, чтобы осмотреть дорогу. Он кричал, что далеко впереди, почти у самого горизонта, видны темные рамки колючих изгородей, какие делают скотоводы-кочевники для защиты своих стад от хищных зверей.

Было решено заночевать под деревом и, выступив на рассвете, пораньше дойти до становища кочевников. К закату густые облака затянули небо, беззвездная ночь была необычайно тиха и темна, бархатно-черная тьма не давала возможности разглядеть руку, поднесенную близко к глазам.

Вскоре извивающиеся молнии опоясали кольцом небо, рокот грома непрерывно раскатывался вдали. Количество вспышек молнии все возрастало, небо зазмеилось сотнями слепящих огней, похожих на гигантские сухие ветви. Гром сотрясал все кругом, голубой огонь ослеплял людей, желавших покинуть свое убежище. Вдали слышался шум, быстро усиливавшийся и превратившийся в рев. Это подходила стена неистового дождя. Дерево заколебалось — целое море рухнуло с неба. Каскады прохладного дождя со страшным шумом разбивались о землю, вокруг дерева сразу образовался глубокий слой воды, покрывший выступы толстых корней. В чередующейся быстрой смене тьмы и сплошного огня казалось, что вся степь неминуемо будет затоплена — настолько велика была масса дождя, низвергавшаяся кругом. Однако скоро сверканье молний прекратилось, дождь стих, и звездное небо раскинулось над напившейся степью; слабый ветерок донес запахи невидимых трав и цветов. Ливийцы и этрусск опешили при виде грозы, показавшейся им страшной катастрофой, но негры, весело смеясь, заявили, что это самый обыкновенный в дождливое время ливень, и даже не очень сильный. Кави только пока-

чал головой, говоря себе, что если такой дождь здесь считается обыкновенным, то, без сомнения, им придется испытать в стране черных совершенно необычайные приключения. Догадка не обманула этруска.

На следующий день пути внезапно послышался лай собаки. Из дымки испарений, скрывавшей даль, проступили длинные изгороди, за которыми прятались низкие шалаши кочевников.

Толпа людей, одетых в фартуки из кожи, окружила путников. Скуластые лица были непроницаемы, узкие темные глаза недоброжелательно смотрели на египетское вооружение в руках бывших рабов. Однако знак, данный нубийцем, произвел самое благоприятное впечатление. Из толпы выделились пять человек, украшенных черными и белыми перьями, в высоких прическах, поддерживаемых круглыми плетенками из черенков листьев.

Язык кочевников был понятен нубийцам — скоро пришельцы сидели в тесном кругу слушателей, попивая кислое молоко. Рабы-нубийцы рассказывали свою историю. Перебивая друг друга, они вскакивали в воодушевлении, сопровождаемые хором удивленных восклицаний. Украшенные перьями вожди только хлопали себя по бедрам.

Кочевники отрядили шесть человек с десятью ослами для облегчения пути чужеземцев. Посланные должны были проводить путников до большого селения оседлого народа, находившегося еще в семи днях пути к юго-западу, на берегу непересыхающей реки.

Носилки были переделаны и укреплены на четырех ослах, другие животные повезли воду, кислое молоко и жесткий сыр в крепких кожаных мешках. Люди, не неся тяжести, могли делать теперь большие переходы и проходить в день не меньше ста двадцати тысяч локтей.

День проходил за днем. Под знойным ослепительным солнцем лежала беспредельная степь, то истомленная жарким безмолвием, то катившая широкие

волны трав под ветром. Всё дальше углублялись бывшие рабы в дикие просторы юга, наполненные неисчислимыми стадами животных. Сначала непривычные глаза не разбирались в проносившихся мимо или полускрытых травой скопищах — виднелись спины, торчали рога, короткие и изогнутые или длинные и прямые, как копья, или спирально закругленные. Потом путники научились различать их породы — длиннорогих ориксов, громадных и кротких красных оленебыков, косматых, с безобразной горбоносой мордой гну, антилоп величиной с маленького теленка, странных, большеухих, танцовавших на задних ногах под деревьями*.

Желтая трава в рост человека с жесткими стеблями шелестела вокруг, как необозримое хлебное поле. Ее золотящееся под солнцем пространство испещрялось пятнами свежей зелени вдоль сухих русел и луж, теперь наполнившихся водой. Вдали в поверхность степи вонзались голубые и фиолетовые отроги гор, валами вздымавшихся на горизонте.

Деревья то становились чаще, скопляясь в высокие острова, темневшие над травой, то снова разбегались в разные стороны далеко друг от друга, как стая испуганных птиц. Чаще всего это были такие же зонтикообразные деревья, какие поразили Кави в момент первого знакомства с золотой степью, — колючие стволы разветвлялись от корня широкой воронкой, напоминая опрокинутые вершиной вниз конуса. Иногда у деревьев были более толстые и короткие стволы, также разветвлявшиеся массой ветвей, и тогда их кроны, густые и темные, походили на широкие зеленые куполы или опрокинутые чаши. Пальмы издалика выделялись своими парными развилинами ветвей, посаженными на концах растрепанными ножевидными перьями темных листьев.

Кави замечал, как с каждым днем негры и нубийцы, неловкие и недогадливые в Та-Кемте или на воде большой реки, здесь становились все более сильными,

* Антилопа Уэллера (геренук) с длинной шеей, встающая на задние ноги, чтобы достать листья деревьев.

решительными и уверенными. Угрюмый этруск замечал, что хотя его авторитет предводителя и остается непоколебимым, но сам он теряет уверенность в себе на этой чужой земле, с неведомыми ему законами жизни.

Ливийцы, так хорошо проявившие себя в пустыне, казались беспомощными. Они боялись степи, населенной тысячами зверей, в траве им чудилось множество опасностей, невиданные угрозы сопровождали каждый шаг.

Путь и в самом деле был нелегким. Встречались заросли травы *, шишки которой источали миллионы мелких колючек, впивавшихся в кожу, вызывая нестерпимый зуд и нагноение. Множество хищников укрывалось в жаркие часы дня под деревьями. Иногда в тени, казавшейся черной пещерой, между пучками ярко освещенной травы возникала гибкая пятнистая фигура леопарда.

Негры с изумительной ловкостью подкрадывались к красным антилопам, и сочное вкусное мясо всегда было в изобилии у бывших рабов, все более крепнувших от сытной пищи. Когда вдали появлялась масса серо-черных тел огромных быков ** с широкими, опущенными вниз рогами, негры подавали тревожный сигнал, и отряд поспешно отступал к ближайшим деревьям, спасаясь от этих страшных обитателей африканских степей.

Проводники, должно быть, неточно оценили расстояние: путники двигались уже девять дней, а признаков близости человеческого жилья все еще не встречалось. Рука ливийца зажила, негр со сломанной ногой уже сидел на носилках и вечером на привалах весело подпрыгивал и смешно ковылял около костра, радуя товарищей своим выздоровлением. Только Пандион по-прежнему лежал немой и безучастный, хотя теперь Кидого и Кави заставляли его больше есть.

А буйная жизнь степи все больше расцветала вокруг от дождей.

* Колючие шишки травы асканита.

** Буйволы африканские.

Миллионы насекомых гулко звенели и жужжали над травой, яркие птицы мелькали синими, желтыми, изумрудно-зелеными и бархатно-черными видениями среди переплета серых корявых ветвей. В знойном воздухе все чаще раздавались звучные крики маленьких дроф: «мак-хар! мак-хар!»

Кави ближе увидел исполинов Африки.

Бесшумные и спокойные серые глыбы слонов нередко проплывали над травой, гигантские кожистые уши топырились в сторону людей, блестящая белизна бивней резко выделялась около извивающихся темных хоботов. Мощные животные правились этруску — их мудрое поведение так сильно отличалось от беспокойства антилоп, злобы носорогов, напряженной гибкости хищников. Иногда людям удавалось подглядеть отдых величественных гигантов: стадо, укрываясь в тени деревьев, неподвижно стояло, тесно скучившись. Громадные старые самцы низко склоняли свои лобастые, отягченные изогнутыми бивнями головы, самки, с более плоскими лбами, держали во сне головы выше. Один раз шедшие впереди наткнулись на одинокого старого слона. Гигант спал, стоя прямо на жаре. Он заснул, очевидно, в тени, потом солнце передвинулось, а слон, разоспавшись, не чувствовал зноя. Кави долго любовался мощным великаном.

Слон стоял, как изваяние, слегка расставив задние ноги. Опушенный хобот был согнут в кольцо, маленькие глаза закрыты, тонкий хвост свисал с покатога зада. Толстые, изогнутые бивни грозно торчали вперед, концами широко расходясь в стороны.

Там, где деревья были более редкими, часто встречались животные необычайного вида. Их длинные ноги несли короткое тело с крутой, покатою назад спиной. Передние ноги были гораздо длиннее задних. Спина от массивных плеч и широкой груди переходила в необычайно длинную, наклоненную вперед шею, на которой сидела небольшая голова с короткими рожками и большими трубчатыми ушами. Это были жирафы. Животные встречались стадами от пяти до сотни штук. Незабываемое зрелище представляло собою большое стадо жираф на открытом месте: казалось,

лес, склоняемый ветром, перемещался в ярком свете, отбрасывая пятна причудливых теней. Жирафы двигались то рысью, то странными скачками, подгибая передние ноги и далеко вытягивая задние. Их пестрая шкура из светложелтой сетки узких полосок, разделенных большими черными неправильными пятнами, удивительно походила на тень от деревьев, под которыми животные были совершенно невидимы. Они осторожно срывали губами листья с высоких ветвей, насыщаясь без жадности; их большие чуткие уши поворачивались по сторонам.

Часто над волнующимся морем травы возникал ряд шей, — медленно двигались эти странные животные, неся на высоте десяти локтей от земли гордые головы с блестящими черными глазами.

Сдержанные движения жираф были красивы, безвредные животные вызывали невольную симпатию.

Не раз путешественники слышали сквозь стену травы злобное фырканье носорога, но они уже научились избегать плохо видящих свирепых чудовищ, и возможная встреча более не повергала бывших рабов в ужас.

Путники двигались гуськом, ступая след в след по тесным коридорам высокой травы, — только копыта да головы, обмотанные тряпьем и листьями, раскачивались над примятыми стеблями. По сторонам без конца тянулась однообразная колеблющаяся стена. Трава и пылающее небо преследовали путников днем, травяные стены снились им по ночам, им казалось, что они навсегда затерялись в душной шелестящей бесконечности. Только на десятый день перед отрядом показалась задернутая голубой дымкой низкая гряда утесов. Поднявшись на них, путники оказались на щебнистом плоскогорье, поросшем кустарником и безлиственными деревьями, ветви которых, как множество растопыренных рук, угрюмо тянулись к небу*. Ядовитый зеленый цвет был одинаков у низких стволов и

* Канделябровый молочай, из группы молочайных, внешне похожий на кактусы (характерные африканские растения пустыни).

ветвей, деревья напоминали округлые щетки, ровно постриженные сверху и поставленные на коротких палках. В зарослях этих деревьев господствовал герпкий, резкий запах, хрупкие ветви легко ломались от ветра, и в местах излома выделялся обильный сок. Он был похож на густое молоко и застывал длинными серыми каплями. Проводники спешили пересечь этот необычайный лес, уверяя, что если ветер окрепнет, то хрупкие деревья начнут валиться вокруг и могут передавить людей.

За деревьями опять расстилалась степь, всхолмленная и поросшая зеленой свежей травой. С вершины холма перед путниками неожиданно открылись возделанные поля, примыкавшие к полосе густого и высокого леса. В глубине леса был виден просвет, там на возвышенности расположилось множество конических хижин. Холм был обнесен массивным частоколом. Тяжелые, из неровных бревен ворота смотрели прямо на путников, украшенные вверху гирляндой побелевших на солнце львиных черепов.

Высокие суровые воины вышли из ворот навстречу медленно поднимавшемуся в гору отряду бывших рабов. Местные жители походили на нубийцев, только их кожа была несколько более светлого бронзового оттенка.

В руках воины сжимали большие копья с огромными наконечниками, похожими на узкие мечи. Воины опирались на большие щиты, разрисованные черно-белым орнаментом. Дубины из черного дерева, очень твердого и тяжелого, висели на поясах из шкуры жирафа.

Со склона холма открывалась живописная местность. На золотой степной траве четко выделялась свежая изумрудная зелень речных берегов, обрамлявшая узкую голубоватую ленту блестящей реки. Слабо трепетали кустарники, увенчанные розовыми пушистыми клубами. С деревьев свисали гроздья желтых и белых цветов.

Долго тянулись предварительные переговоры. Переводчиком выступил негр со сломанной ногой, уверявший, что происходит из этого народа. Опираясь на

палку, он поскакал на одной ноге к воинам, сделав знак своим товарищам остановиться.

Кави, раб со сломанной ногой, Кидого, один нубиец и один из кочевников были впущены в ворота и отведены в хижину вождя.

Нетерпеливо ждали возвращения товарищей оставшиеся перед воротами, неизвестность томила их. Только Пандион, неподвижный и безучастный, лежал на снятых с ослов носилках. Казалось, что прошло очень много времени. Наконец в воротах появился этруск, сопровождаемый целой толпой мужчин, женщин и детей. Жители селения приветливо улыбались, размахивали широкими листьями и говорили непонятные, но звучащие дружелюбно слова.

Ворота раскрылись, бывшие рабы пошли между большими хижинами, сооруженными в виде правильных глинобитных колец, покрытых коническими шапками из длинных стеблей жесткой травы.

На полянке под двумя деревьями стояла очень большая хижина с навесом перед входом. Здесь собрались вожди для осмотра прибывших. Вокруг теснились почти все жители деревни, взволнованные необыкновенным происшествием. По просьбе главного вождя негр со сломанной ногой повторил рассказ о страшной охоте на носорога, часто показывая на спокойно лежавшего Пандиона.

Жители селения выражали криками восторга, удивления и ужаса свои впечатления о неслыханном деле, совершенном по повелению грозного фараона Та-Кемта.

Главный вождь поднялся и обратился к своему народу с короткой речью, непонятной для прибывших. Одобрительные крики были ответом. Тогда вождь подошел к выжидательно стоявшим путникам и, обведя рукой вокруг деревни, наклонил голову.

Кави через переводчика-негра поблагодарил вождя и народ за гостеприимство. Путники приглашались вечером на пир в честь их прибытия.

Толпа жителей окружила носилки Пандиона. Мужчины смотрели на раненого с уважением, женщины — с состраданием. Девушка в синем плаще смело вышла

из толпы и склонилась над молодым эллином. Кажется, Пандион, загоревший за долгое время пребывания под солнцем Черной Земли и страны Нуб, отличался от других обитателей южных степей лишь более светлым, золотистым тоном кожи. Однако спутавшиеся и сбившиеся кудри его отросших волос, правильные черты похудевшего лица при более близком рассмотрении выдавали происхождение чужеземца.

Движимая жалостью к красивому, беспомощно распростертому молодому герою, девушка осторожно протянула руку и ласково отодвинула со лба Пандиона прядь волос, упавших на лицо.

Медленно поднялись отяжелевшие веки, широко раскрылись глаза невиданного золотого цвета, и девушка слегка вздрогнула. Но глаза незнакомца не видели ее, потускневший взор был безучастно устремлен на качавшиеся вверх ветви.

— Ирума! — окликнули девушку подруги.

К носилкам подошли Кидого и Кави, подняли и унесли раненого друга, а девушка осталась на месте, потупив взгляд и вдруг сделавшись такой же неподвижной и безучастной, как привлечший ее внимание молодой эллин.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТЕМНАЯ ДОРОГА

Заботливый уход Кидого и Кави сделал свое дело—сломанные кости Пандиона срослись. Но прежняя сила не возвращалась к молодому эллину. Апатичный и безвольный, он целыми днями лежал в полутьме просторной хижины, вяло и односложно отвечал на вопросы друзей, нехотя ел и не делал попыток подняться. Он сильно исхудал, лицо его с запавшими, обычно закрытыми глазами обросло мягкой бородкой.

Пора уже было двигаться в далекую дорогу к морю и родине. Кидого давно во всех подробностях расспросил у местных жителей путь к берегам Южного Рога.

Из тридцати девяти бывших рабов, нашедших убежище в селении, двенадцать людей ушли в разные стороны — они жили когда-то в этой же стране и могли без особенных трудов и опасностей скоро попасть на родину.

Оставшиеся торопили Кидого с выступлением. Теперь, когда они стали свободными и сильными, далекая родина влекла их все сильнее; каждый день, проведенный на отдыхе, казался преступлением. И поскольку их возвращение зависело от Кидого, они одолевали негра просьбами и напоминаниями.

Кидого отделялся неопределенными обещаниями — он не мог покинуть Пандиона. После этих разговоров негр часами просиживал около постели друга, терзаясь сомнениями и задавая себе один и тот же вопрос: когда же в состоянии больного наступит перелом? По совету Кави, Пандиона выносили из хижины и укладывали около входа в часы, когда начинала спадать жара. Однако и это не принесло заметного улучшения. Пандион оживлялся только во время дождя — грохот грома и рев потоков заставляли больного приподниматься на локте и прислушиваться, как будто в этих звуках он улавливал неведомые остальным зовы. Кави позвал двух местных знахарей. Они окурили больного едким дымом трав, закопали в землю горшок с какими-то кореньями, но состояние молодого эллина не улучшалось.

Однажды, когда Пандион лежал около хижины и Кави, вооружась маленькой веточкой, лениво отгонял от него жужжащих мух, к ним приблизилась девушка в синем плаще. Это была Ирума, дочь лучшего охотника селения, та, которая обратила внимание на Пандиона еще в первый день прихода путников.

Девушка вынула из-под плаща тонкую, зазвеневшую браслетами руку — в ней был небольшой плетеный мешочек. Ирума сунула его Кави, — этруск уже научился немного понимать туземцев, — и объяснила, что это волшебные орехи из западных лесов, которые должны излечить больного. Девушка пыталась растолковать этруску, как приготовить из них лекарство, но

Кави ничего не понял. В смущении Ирума поникла головой, но сейчас же вновь оживилась, попросила этруска дать ей плоский камень, которым дробили зерна, и принести чашку с водой. Этрусск, ворча что-то себе под нос, направился в хижину. Девушка оглянулась по сторонам и опустилась на колени у изголовья больного, вглядываясь в его лицо. Маленькая рука легла на лоб Пандиона. Послышались тяжелые шаги Кави, и девушка поспешно отдернула руку.

Она высыпала из мешочка орехи, похожие на каштаны, разбила их, растерла ядрышки на камне и превратила в жидкую кашу, смешав с молоком, принесенным только что пришедшим Кидого. Негр, едва увидев орехи, испустил радостный вопль и весело запрыгал вокруг хмурого этруска.

Кидого объяснил недоумевающему Кави, что в западных лесах и в лесах его родины растет небольшое дерево со стройным стволом. Ветки дерева постепенно укорачиваются к вершине, так что оно кажется заостренным кверху *. На нем растет множество орехов, обладающих чудесным свойством исцелять больных, возвращать силы изнуренным, уничтожать усталость и давать веселье и радость здоровым.

Девушка накормила больного кашей из волшебных орехов, затем все трое уселись у постели и стали терпеливо ожидать. Прошло несколько минут. Слабое дыхание Пандиона сделалось сильным и мерным, кожа на запавших щеках порозовела. С этруска слетела его угрюмость. Он, как зачарованный, следил за действием таинственного лекарства. Вот молодой эллин громко вздохнул и вдруг, широко раскрыв глаза, поднялся и сел.

Солнечные глаза Пандиона скользнули с этруска на Кидого и замерли, обращенные в упор на девушку. Молодой эллин с удивлением смотрел на лицо цвета темной бронзы с поразительно гладкой, какой-то очень живой кожей.

* Дерево из семейства стеркулиевых, дающее орехи кола, ныне известные во всем мире как великолепное тонизирующее средство.

Приспущенные внутренние уголки длинных глаз пересekaliлись у переносицы маленькими складочками, полными лукавства. Сквозь прищуренные веки поблескивали белые и чистые белки, ноздри широкого, но правильного носа нервно раздувались, утолщенные яркие губы в открытой и застенчивой улыбке обнажали жемчужный ряд крупных зубов. Все ее круглое лицо было так полно задорного и нежного лукавства, веселой игры юной жизни, что Пандион невольно улыбнулся. И тотчас золотистые глаза молодого эллина, за минуту до этого тусклые и равнодушные, засияли и заискрились. Смущенная Ирума опустила веки и отвернулась.

Пораженные друзья пришли в восторг — первый раз после рокового дня битвы с носорогом их друг улыбнулся. Волшебное действие диковинных орехов было совершенно бесспорным. Пандион сидел и жадно расспрашивал товарищей о всех происшествиях со дня его ранения, перебивая их объяснения быстрыми вопросами, похожий на опьяненного чем-то человека.

Ирума поспешно удалилась, пообещав к вечеру прийти узнать о здоровье юноши. Пандион много и с удовольствием ел и продолжал расспросы. К вечеру, однако, действие лекарства прекратилось, прилив жизни угас, и снова дремотное безразличие охватило молодого эллина.

Пандион лежал в хижине. Этрусск и негр советовались, нужно ли снова дать ему волшебные орехи, и решили спросить об этом у Ирумы.

Девушка пришла в сопровождении отца — высокого атлета с рубцами от львиных когтей на плечах и груди. Отец и дочь долго совещались, несколько раз охотник пренебрежительно отмахивался от девушки, сердито трясая головой, потом шумно расхохотался и слегка ударил ее по спине. Ирума досадливо передернула плечами и подошла к друзьям.

— Отец сказал — много орехов давать нельзя, — объявила она негру, видимо считая его более близким другом больного. — Орехи нужно давать один раз в середине дня, чтобы больной хорошо ел...

Кидого ответил, что знает действие этих орехов и будет делать, как ему сказано.

В это время отец девушки посмотрел на больного, покачал головой и сказал дочери несколько слов, непонятных ни Кави, ни Кидого. Ирума вдруг сделалась чем-то похожей на большую рассерженную кошку — так заблестели ее глаза. Верхняя губа чуть приподнялась, показав край зубов. Охотник добродушно усмехнулся, махнул рукой и вышел из хижины. Девушка склонилась над Пандионом и долго всматривалась в его лицо, потом, словно спохватившись, тоже пошла к выходу.

— Завтра вечером я буду лечить его сама по обычаю нашего народа, — решительно объявила она перед уходом. — Издавна женщины лечат у нас так больных или раненых. У твоего друга ушла душа радости — без нее ни один человек не захочет жить. Нужно вернуть ее!

Кидого, подумав над словами девушки, решил, что Ирума права. Пандион после всех испытанных потрясений действительно утратил интерес к жизни. Что-то в нем надломилось. Но способ лечения, о котором говорила Ирума, негр так и не смог себе представить, как ни ломал голову. Ничего не придумав, он улегся спать.

На следующий день Кидого снова накормил друга кашцей из орехов. Пандион опять сидел, разговаривал и, к радости друзей, ел с большим аппетитом. Молодой эллин все время посматривал по сторонам и, наконец, спросил о вчерашней девушке. Кидого скорчил веселую гримасу, подмигнул этруску и предупредил Пандиона, что сегодня вечером эта девушка будет его лечить таинственным и никому неизвестным образом. Пандион сначала заинтересовался, а потом, видимо, когда окончился срок действия орехов, опять впал в обычную апатию. Тем не менее и Кави и Кидого нашли, что вид больного за эти два дня значительно изменился к лучшему. Их молодой друг ворочался чаще и дышал громче, чем обычно.

Едва солнце склонилось к западу, селение, как обычно, наполнилось едким запахом горящего хворос-

ста и монотонным глухим стуком больших ступок, в которых женщины дробили для еды мелкие зерна какого-то возделываемого здесь растения*.

Черной кашей из этих зерен с приправой из молока и масла питались здесь все жители.

Сумерки быстро превратились в ночь. Внезапно по затихшему селению пронесся глухой рокот барабана. Шумная толпа молодежи приблизилась к хижине трех друзей. Впереди шли четыре девушки с факелами, окружая двух согбенных старух в широких темных плащах. Юноши подхватили больного и, сопровождаемые громкими криками толпы, понесли его на другой край селения, примыкавший к расчищенной опушке леса.

Кави и Кидого последовали за толпой. Этруск недовольно поглядывал по сторонам, с видом, говорившим, что он не ждет ничего хорошего от всей этой затеи.

Пандиона принесли в огромную пустую хижину, не менее тридцати локтей в поперечнике, и уложили у центрального столба, спиной к широкому входу. Несколько факелов из рыхлого дерева, пропитанного пальмовым маслом, укрепленных на столбе, ярко освещало центр хижины. Стены под низко опускавшимися краями крыши скрывались в полумраке. Хижина была полна женщин — юные девушки и старухи сидели вдоль стен, оживленно переговариваясь. Какая-то старуха дала Пандиону темного питья, сразу подбодрившего юношу.

Из выдолбленного слонового бивня раздался резкий дрожащий звук — в хижине наступила тишина, и все мужчины поспешно покинули помещение. Этруск и Кидого, пытавшиеся остаться, были бесцеремонно вытолкнуты в темноту. Группа безобразных старух столпилась у входа, заслоняя происходившее в хижине от глаз любопытных. Кави уселся поблизости от хижины, решив ни за что не уходить до конца таинственного дела. К нему, скаля зубы и посмеиваясь, присоединился Кидого — он верил в способы лечения, существующие у южных народов.

* Просо элевзина — африканское просо с шишками, усаженными множеством мелких черных зерен.

Две девушки осторожно приподняли больного и усадили, прислонив спиною к столбу. Пандион удивленно оглядывался по сторонам, встречая в полумраке блестящие белки глаз и зубы смеющихся женщин. Хижи́на была увешана изнутри пучками какого-то душистого растения *. Широкая гирлянда шла кольцом вокруг хижины по внутреннему карнизу крыши, тонкие веточки этого же кустарника оплетали столб, к которому прислонился Пандион. Все было наполнено терпким бодрящим ароматом растения, — этот запах дразнил и тревожил Пандиона, напоминая что-то бесконечно близкое и манящее, но безвозвратно забытое.

Прямо перед эллином расположилось несколько женщин. При свете факелов белели две длинные изогнутые трубы из слоновых клыков, круглыми боками выделялись темные барабаны — отрезки выдолбленных толстых стволов дерева.

Снова прозвучал дрожащий звук трубы. Старухи поставили перед Пандионом деревянную статуэтку женщины, почерневшую, с грубо выделенными мощными формами.

Высокие женские голоса начали тихую песню — полились медленные переливы гортанных звуков и тоскливых вздохов, убыстрявшиеся и нараставшие, ширясь и поднимаясь все выше в порывистой стремительности. Внезапно тяжелый и гулкий удар барабана сотряс воздух. Пандион невольно вздрогнул. Песня умолкла, на грани света и тени показалась девушка в синем плаще, уже знакомая Пандиону. Она вступила в освещенный факелами круг и как бы в нерешительности остановилась. Опять зазвучала труба, ее стон был подхвачен неистовым воплем нескольких старух. Девушка отбросила назад плащ и осталась в пояске из плетеной гирлянды душистых ветвей.

Свет факелов переливался туманными бликами на блестящей темнобронзовой коже. Глаза Ирумы были сильно подкрашены синевато-черной краской, на руках и ногах сверкали начищенные медные кольца, недлин-

* Элелешо — душистое растение Судана, родственное с нашим тархуном.

ные, круто выющиеся черные волосы разметались по гладким плечам.

Мерно и глухо зарокотали барабаны. В такт их медленным ударам девушка, тихо переступая голыми ногами, приблизилась к Пандиону и гибким, звериным движением склонилась перед статуэткой неведомой богини, простирая вперед руки в томительном и страстном ожидании. Восхищенный Пандион следил за каждым жестом Ирумы. Сейчас и тени лукавства не было в лице девушки, — серьезная, строгая, с нахмуренными бровями, она, казалось, прислушивалась к голосам своего сердца. Она, то замирая, то выпрямляясь, широко раскидывала руки и поднималась на пальцах, как будто каждая частица ее тела стремилась вверх. Молодой эллин никогда не видел ничего подобного — таинственная жизнь рук сливалась с вдохновенным порывом поднятого вверх лица девушки.

Ненстово затрубили рога из слоновой кости. Внезапный звенящий удар остановил дыхание Пандиона — медные листы, ударяемые друг о друга, загремели и зазвенели победно и радостно, заглушая отрывистое звучание барабанов.

Девушка откинулась назад крутой блестящей дугой. Потом маленькие ноги медленно пошли по гладко утрамбованному полу, — танцовщица двигалась по кругу робко и нерешительно, исполненная застенчивого смущения.

Озаренная ярким светом факелов, девушка казалась вылитой из темного металла. Отступая в полумрак, она двигалась там легкой, почти невидимой тенью.

Тревожный рокот барабанов становился все стремительнее, дико гремели медные листы, и, повинаясь этим яростным звукам, медленный танец все ускорялся.

В такт низкому дрожащему звону меди быстро понеслись крепкие стройные ноги, сплетались вместе, замирали и вновь плавно скользили, едва касаясь пола.

Плечи и высоко поднявшаяся грудь оставались неподвижными, а напряженные руки Ирумы, с мольбой

протянутые к изображению богини, изгибались медленно и плавно.

Оборвался настойчивый стук барабанов, смолкла гремющая медь, и только тоскливые вскрики труб изредка нарушали наступившую тишину, в которой звенели и бряцали браслеты Ирумы.

Странное движение мышц под гладкой кожей девушки поразило Пандиона. Нигде не выступая отчетливо, они переливались и струились, как вода на поверхности ручья, и линии тела Ирумы бежали перед глазами молодого скульптора чередой неповторимых изменений. В них были плавный ритм морского простора и широкий, порывистый разлив ветра по золотой степи.

Мольба, в начале танца отраженная в каждом движении девушки, теперь уступила место властному стремлению. Пандиону казалось, что перед ним струится сам огонь жизни в бронзовых отблесках света и мощном громе музыки.

В душе молодого эллина вновь вспыхнула жажда жизни, ожили бывшие мечты, раскрылся широкий и таинственный мир.

Умолкли трубы. Низкий и грозный рокот барабанов слился с пронзительными воплями женщин, медные листы гремели, как близкий гром, и вдруг наступила тишина. Пандион услышал стук собственного сердца.

Девушка бросилась вперед и вдруг беспомощно опустила руки вдоль тела, дрожащая и истомленная. Колени ее подогнулись, блеск глаз потух. Печально вскрикнув, Ирума упала перед статуей богини. Упав, девушка осталась неподвижной, только грудь вздымалась от учащенных вздохов.

Ошеломленный Пандион вздрогнул. Стремительный танец оборвался криком печали.

Гул восторженных голосов наполнил хижину.

Четыре женщины, шепча невнятные слова, подняли и унесли Ируму в глубь хижины. Древняя деревянная статуя была мгновенно убрана. Женщины поднялись, возбужденные, с горящими глазами. Они громко переговаривались, показывая на чужеземца.

Старухи у входа расступились, пропустив Кидого и Кави, которые кинулись к другу с расспросами. Но молодой эллин не мог и не хотел говорить сейчас. Оба друга унесли его домой, и Пандион долго лежал без сна, под впечатлением необычайного танца.

Пандион стал поправляться. Его молодое тело с поразительной быстротой восстанавливало былую силу.

Через три дня молодой эллин дошел без чужой помощи до дома охотника — ему хотелось увидеть Ируму. Девушки не оказалось дома, зато ее отец принял чужеземца ласково и приветливо, угостил вкусным пивом и долго старался что-то объяснить, жестикулируя и хлопая Пандиона по плечам и груди. Молодой эллин ничего не понял и покинул дом охотника со смутным чувством досады.

Возрождение Пандиона было еще неполным: у него, свободного и выздоравливающего, не проходило странное душевное оцепенение.

Молодой эллин и сам сознавал, что тяжкие испытания, выпавшие на его долю, надломили его. Потрясение при борьбе с носорогом оказалось выше его сил. Он ослабел и долго не мог вернуться к жизни. Но он должен поправиться, должен быть способным к дальнейшей борьбе в пути на родину. И Пандион, пересиливая себя, занялся физическими упражнениями, чтобы попрежнему быть равным своим товарищам.

Успокоившись за Пандиона, Кидого и Кави со всеми бывшими рабами и большинством местных жителей отправились на продолжительную большую охоту за жирафами, надеясь немного разведать предстоящий путь и добыть побольше мяса для своих гостеприимных хозяев.

Под смех и добродушные шутки соседей Пандион, укрепляя ослабевшие мускулы, помогал растирать зерна для приготовления пива, несмотря на насмешки мужчин, видевших его за женской работой. Скоро Пандион стал удаляться за пределы деревни, вооруженный тонким египетским копьем. Там, в степи, он

упражнялся в метании копья и в беге, с каждым днем радостно ощущая, как крепнут его мышцы и как легко несут его тело вновь ставшие неутомимыми ноги.

Вместе с тем, ни на миг не забывая о Ируме, Пандион принялся за изучение языка туземцев. Он без конца твердил незнакомые певучие слова. Через неделю благодаря своей хорошей памяти Пандион уже мог понимать собеседников.

Четырнадцать дней Пандион не видел Ируму и не решался пойти к ней в отсутствие отца, так как не знал еще обычаев этого народа. Однажды, возвращаясь из степи, Пандион увидел фигуру в синем плаще, и сердце его учащенно забилося. Молодой эллин ускорил шаги, догнал девушку и остановился перед ней, радостно улыбаясь. Он не ошибся — это была Ирума. При первом же взгляде на лицо девушки Пандиона охватило волнение. С трудом выговаривая непривычные слова, молодой эллин стал благодарить потупившуюся и смущенную Ируму. Запас слов у Пандиона скоро иссяк, он в увлечении перешел на свой язык, спохватился и умолк, растерянно глядя на край пестрой головной повязки, приходившейся ему на уровень ключиц. Ирума искоса и лукаво посматривала на него и вдруг рассмеялась. Улыбнулся и Пандион, потом осторожно произнес давно выученную фразу:

— Можно мне прийти к тебе?

— Приходи, — просто ответила девушка, — завтра на опушку, когда солнце станет против леса.

Обрадованный Пандион, не зная, что еще сказать, протянул Ируме обе руки. Синий плащ распахнулся, две маленькие твердые руки доверчиво улеглись в ладонях Пандиона. Он нежно и крепко сжал их. Он не думал в этот момент о далекой Тессе. Руки девушки вздрогнули, широкие ноздри раздулись; она нежным, но сильным движением освободилась, прикрыла лицо плащом и быстро пошла по склону холма. Пандион сообразил, что не следует идти за ней, и остался на месте, глядя девушке вслед, пока она не скры-

лась за хижинами. Безотчетно улыбаясь, Пандион шел по улице, размахивая копьем.

Впервые Пандион заметил, в каком живописном месте расположено это селение. Хижины были удобно и красиво построены, улицы просторны.

Пандион невольно обратил внимание, что здешний народ резко отличался от виденных им жителей страны Нуб и бедняков «избранного» Та-Кемта, — там на лицах лежала печать угрюмости и равнодушия. В истощенных от голода и чрезмерной работы телах была какая-то приниженность. Здесь же жители ходили легкой, свободной поступью; даже старики сохранили красивую осанку.

Мысли Пандиона прервал выросший перед ним юноша, мускулистый и широкоплечий, в маленькой шапочке из леопардовой шкуры. Он недружелюбно посмотрел на чужеземца и властным жестом вытянул руку перед собой, коснувшись груди Пандиона. Эллин остановился в недоумении, а юноша замер перед ним, опустив руку на пояс с широким ножом и меряя пришельца вызывающим взглядом.

— Я видел, ты хорошо бегаешь, — наконец произнес юноша. — Хочешь состязаться со мной? Я Фульбо, прозванный Леопардом, — добавил он, как будто это имя могло все объяснить Пандиону.

Пандион, дружелюбно улыбнувшись, ответил, что он раньше бегал лучше и сейчас еще не достиг прежнего умения. Тогда Фульбо осыпал его злобными насмешками, и кровь закипела в молодом эллине. Не понимая, что является причиной ненависти юноши, Пандион, презрительно подбоченившись, согласился. Противники порешили состязаться сегодня же вечером, когда станет прохладнее.

У подножия холма, на котором стояло селение, собрались юноши и несколько пожилых людей полюбоваться на состязание Фульбо с чужеземцем.

Фульбо указал на видневшееся вдалеке одинокое дерево — до него было не меньше десяти тысяч локтей. Победителем считается тот, кто первым

придет обратно к намеченной черте с веткой от дерева.

Удар в ладоши был сигналом — Пандион и Фульбо пустились бежать. Фульбо, весь дрожавший от нетерпения, сразу помчался большими прыжками. Казалось, что юноша, распластавшись, летит над землей. Молодежь разразилась криками одобрения.

Молодой эллин, еще не вполне оправившийся, понимая, что ему грозит опасность быть побежденным. Но он решил не уступать. Пандион пустился бежать, как учил его дед в холодные часы рассвета на узкой полосе морского берега. Он бежал, слегка раскачиваясь, не делая резких скачков и соразмеря дыхание. Фульбо оказался далеко впереди, но молодой эллин двигался спокойно и быстро, не пытаясь догнать соперника. Постепенно грудь его расширялась, набирая все больше воздуха, ноги летели все стремительнее, и зрители, вначале смотревшие на него с сожалением, увидели, как расстояние между соперниками стало сокращаться. Африканец оглянулся, испустил злобный крик и понесся еще скорее. К дереву он подбежал на четыре сотни локтей впереди Пандиона, высоко подпрыгнул, сорвал ветку и мгновенно повернул обратно. Пандион разминутся с ним недалеко от дерева и отметил про себя бурное дыхание Фульбо. Хотя сердце самого Пандиона колотилось гораздо сильнее, чем следовало бы, молодой эллин решил, что он может рассчитывать на победу над слишком горячим, незнакомым с правилами бега соперником. Пандион продолжал бежать с прежней выдержкой и, только когда до зрителей оставалось не больше трех тысяч локтей, вдруг рванулся вперед. Он скоро настиг Фульбо, но тот, ловя воздух широко раскрытым ртом, удлинил свои прыжки и опять оставил позади чужеземца. Пандион не сдавался. Хотя у него темнело в глазах и сердце вырывалось из груди, он вновь нагнал противника. Тот бежал, уже ничего не видя перед собою, не разбирая дороги, и вдруг, споткнувшись, упал. Пандион пронесся на несколько локтей вперед, остановился и подскочил к упавшему, чтобы помочь ему встать. Фульбо гневно оттолкнул

его, поднялся, шатаясь, и с трудом выговорил, глядя прямо в лицо Пандиону:

— Ты... победил... но берегись!.. Ирума...

Мгновенно все стало понятным молодому эллину и к торжеству победы примешалось ощущение неловкости, как будто он вторгся в чужое и запретное.

Фульбо уныло понурил голову и пошел тяжелым шагом, более не делая попыток бежать. Пандион не спеша вернулся к черте, встреченный приветствиями зрителей. Чувство неловкости не покидало его.

Едва молодой эллин очутился в своей пустой хижине, как уже начал тосковать по Ируме. Назначенная на завтра встреча казалась такой далекой.

В тот же вечер вернулись охотники. Товарищи Пандиона пришли усталые, нагруженные добычей, полные переживаний. Этруск и негр ликовали, увидев поздоровевшего Пандиона. Кидого шутя предложил бороться, и через мгновение Пандион и негр катались в пыли, сжимая друг друга в железных объятиях, а Кави пинал их ногами и бранил, пытаясь разнять.

Друзья приняли участие в общей пирушке, устроенной в честь возвратившихся охотников. Опыаненные пивом, участники охоты хвалились друг перед другом своими успехами. Молодой эллин сидел в стороне, бросая незаметно взгляд в сторону лужайки, где танцевала молодежь, и стараясь рассмотреть Ируму среди вереницы юношей и девушек.

Слегка пошатываясь, поднялся один из вождей и начал говорить приветственную речь, сопровождая ее плавной, красивой жестикуляцией. Пандион смог уловить только общий смысл, заключающийся в том, что вождь хвалил пришельцев, сожалел об их скором уходе и предлагал чужеземцам остаться, обещая принять их в число соплеменников.

Пир окончился уже ночью, когда охотники вдоволь насытились нежным мясом молодых жираф и прикончили весь запас пива. По дороге в хижину Кидого заявил, что завтра все бывшие рабы, которых осталось двадцать семь человек, будут держать совет о дальнейшем пути. Кидого удалось поговорить с бродячими охотниками, которых он встретил в лесу.

Они хорошо знали местность к западу от селения и рассказали, куда идти. Расстояние, отделяющее их от моря и родины Кидого, очень велико, но он знает теперь, что за три месяца даже медленной ходьбы они будут там. Что теперь может остановить их, испытанных в борьбе, крепких дружкой? Каждый из двадцати семи стоит пяти воинов! Негр гордо расправил плечи, поднял к звездам веселое хмельное лицо, обнял Пандиона и с волнением закончил:

— Теперь мое сердце спокойно. Ты здоров — в дорогу! В дорогу, хоть завтра!

Пандион молчал, в первый раз чувствуя, что его желания не совпадают со стремлением друзей. Молодой элли не умел лицемерить.

После сегодняшнего свидания Пандион понял, что тоска, все время остро бередившая его душу, вызвана любовью к Ируме. Девушка в расцвете юной красоты встретила ему после жестокой жизни раба, на пороге свободы!

Неужели этого мало ему, так недавно цеплявшемуся за самую маленькую надежду на свободу на дне темной ямы-тюрьмы? Что нужно, наконец, ему в мире и жизни, когда любовь властно зовет его остаться здесь, среди золотой степи? И тайное, скрывавшееся от себя самого стремление навсегда остаться с Ирумой стало крепнуть в душе Пандиона. Он боролся с собой, пытаясь проверить свою любовь к ней. Доверчивая молодость эллина незаметно уводила его в страну грез, где все было так легко и просто.

Завтра он увидится с Ирумой, все скажет ей... а она — она тоже любит его!

Бывшие рабы должны были встретиться на другом конце селения. Там, в двух больших хижинах, они и жили. Кави, Кидого и Пандион занимали отдельную маленькую хижину, отданную им из-за болезни эллина.

Пандион, точивший копье в углу хижины, встал и направился к выходу.

— Куда ты идешь? — спросил его удивленный этруск. — Разве ты не будешь на совете?

— Я приду потом, — отворачиваясь, ответил Пандион и поспешно вышел из хижины.

Этруск внимательно посмотрел ему вслед и недоуменно переглянулся с Кидого, усердно трудившимся около входа над большим куском толстой кожи, изготавливая щит.

Молодой эллин не сказал друзьям, что Ирума ждала его сегодня на опушке леса. И Пандион, чувствуя, как с приходом товарищей выросла внезапная угроза его только что родившейся любви, не в силах был отказаться от свидания. Он оправдывал себя тем, что все равно узнает решение совета от друзей.

Приблизившись к лесу, Пандион долго искал глазами Ируму, как вдруг улыбающаяся девушка отделилась от ствола дерева и сама предстала перед эллином. Ирума накинула отцовский охотничий плащ из мягкой серой коры и в нем, на фоне деревьев, была совершенно незаметна. Девушка сделала знак Пандиону следовать за собой и быстро пошла вдоль опушки к полукруглому выступу леса, вдававшемуся в степь в трех тысячах локтей от селения. Там она вошла под деревья. Пандион с любопытством смотрел по сторонам — впервые он находился в африканском лесу. Эллин представлял его совсем другим, — лес тянулся длинной узкой лентой по долине речки, омывавшей селение, и в ширину был не больше двух тысяч локтей.

Это был громадный свод высоких деревьев, темная галлерея над глубокой, вечно сумрачной лесной речки.

Деревья дальше становились все выше, а у берега, круто спускавшегося к самой воде, клонились к земле, скрещивая в высоте свои ветви. Стройные и прямые стволы с белесой, черной и коричневой корой уходили ввысь на целую сотню локтей, как густая колоннада высокого здания. Ветви густо переплетались в сплошной свод, непроницаемый для солнца. Сумрачный серый свет струился сверху, уга-

сая в глубоких впадинах между странными корнями, похожих на невысокие стены. Тишина, не нарушаемая никакими звуками, кроме едва слышного журчания воды, полумрак, исполинская высота лесной колоннады подавили Пандиона. Он показался себе незваным пришельцем, вторгнувшимся в запретное, полное тайны сердце чужой природы.

Над самой водой в зеленом своде были узкие просветы — там с высоты обрушивался сплошной каскад золотого огня. Он, одевая деревья сияющим туманом, дробился в промежутках между стволами на вертикальные полосы света, постепенно угасавшие в глубине леса. Темные, таинственные храмы Айгюптоса пришли на память Пандиону. Канаты ползучих растений перекидывались от ствола к стволу свободными петлями или опускались вниз, образуя волнистые занавеси. Почва, усыпанная листьями, трухой гнилых плодов и ветвей, была пушистой и мягкой, кое-где по ней были разбросаны мелкие звезды пестрых цветов.

Со стволов свисали длинные ленты шелушившейся коры, как содранные куски кожи.

Большие бабочки бесшумно летали над землей; их трепещущие крылья привлекали внимание молодого эллина причудливыми сочетаниями красок — ярких бархатисто-черных, металлически-синих, красных, золотых и серебристых.

Ирума уверенно шла между корнями, спускаясь к реке, и пришла Пандиона на ровную площадку у самого водотока, покрытую нежным ковром пушистых мхов. Здесь стояло дерево, разбитое молнией. В отщепе твердой желтой древесины выступали грубые очертания человеческой фигуры. Дерево, очевидно, служило предметом почитания — кругом его были развешаны цветные тряпки, зубы хищников. В земле торчали три почерневших слоновых клыка.

Ирума, почтительно склонив голову, приблизилась к старому дереву и поманила Пандиона к себе.

— Это предок нашего рода, рожденный от громового удара, — тихо произнесла девушка. — Дай ему что-нибудь, чтобы древние были добры к нам.

Пандион оглядел себя — у него не было ничего, что он мог бы отдать этому грубому богу, мнимому предку Ирумы. Юноша, улыбаясь, развел руками, но девушка была неумолима.

— Дай это, — тут она дотронулась до пояса, сплетенного из жирафьих хвостов, только что сделанного Кидого на память об охоте для Пандиона.

Молодой эллин послушно развязал и отдал девушке полоску кожи. Ирума сбросила плащ. Она была без браслетов, без ожерелья, только в широком кожаном поясе, косо спадавшем на левое бедро.

Девушка поднялась на носках, потянулась к зубрине у головы идола и прикрепила там дар Пандиона. Ниже Ирума прицепила лоскуток пестрой шкуры леопарда и связку похожих на бусы темно-красных зерен. Потом девушка высыпала к подножию идола горсть проса и, довольная, отступила.

Теперь она пристально смотрела на Пандиона, прислонившись спиной к стволу невысокого дерева с сотнями красных цветов между листьями*.казалось, что алые лампы светились над головой девушки. Лучи солнца играли на бронзовой коже Ирумы.

Пандион стоял, безмолвно любясь девушкой. Ее красота казалась ему священной в тишине исполинского леса — храма неведомых богов, так резко отличавшихся от радостных небожителей его детства.

Светлая, спокойная радость вдруг наполнила душу Пандиона — он снова становился художником, и прежние стремления проснулись в нем.

Но внезапно встало из глубины памяти необычайно отчетливое видение. Там, на бесконечно далекой родине, под шум сосен и моря, так же стояла, прижавшись к дереву, Тесса в ушедшие, невозвратные дни...

Ирума закинула руки за голову, слегка перегнулась в тонкой талии и слабо вздохнула. Смятенный Пандион отступил на шаг — Ирума приняла ту же позу, в какой он хотел изобразить Тессу.

* Тюльпанное дерево из семейства бигониевых.

Перед эллином воскресло прошлое, с новой силой вспыхнуло стремление в Энннаду. В путь, на встречу новой борьбе, прочь от Ирумы!..

Пандиона мучило раздвоение прежде всегда ясных его стремлений. Он обнаружил в себе неведомое ранее противоречие, и это испугало его.

Здесь с неудержимой силой звала его жаркая, как само солнце Африки, юная, как цветущая после дождей степь, мощная, как широкий поток, власть жизни. Там были все самые светлые его мечты о великом творчестве. Но разве не сама красота стояла перед ним, близкая и радостная? Так не похожи были Ирума и Тесса, — они совсем разные, и все же в обоих жила одна и та же достоверность прекрасного.

Тревога Пандиона передалась девушке. Она приблизилась к нему, и певучие слова чужого языка нарушили тишину леса.

— Ты наш, золотоглазый, я танцевала танец великой богини, предок принял дары... — голос Ирумы замер, длинные ресницы прикрыли глаза. Девушка крепко обняла Пандиона за шею и прильнула к нему.

У молодого эллина потемнело в глазах, отчаянным усилием он отстранился от девушки. Она подняла голову. Рот ее по-детски приоткрылся.

— Ты не хочешь жить здесь? Ты уйдешь с товарищами? — удивленно спросила Ирума, и Пандиону стало стыдно.

Пандион нежно привлек к себе Ируму и, подбирая подходящие слова, усвоенные из языка ее народа, пытался передать ей великую тоску о родине, о Тессе... Голова Ирумы запрокинулась вверх на широкой груди молодого эллина, ее глаза погрузились в золотистое сияние его глаз, зубы обнажились в слабой улыбке. Ирума заговорила, и в звуке ее слов была та же нежность, та же ласка любви, которая охватила Пандиона в устах Тессы.

— Да, если ты не можешь жить здесь, тебе нужно уйти. — Девушка запнулась на последнем слове. — Но если я и мой народ хороши для тебя, оставайся, золотоглазый. Подумай, реши, приходи, я буду ждать!

Девушка выпрямилась, горло закинув голову. Такой же серьезной и строгой видел ее Пандион во время танца.

С минуту молодой эллин стоял перед ней, затем, внезапно решившись, протянул к девушке руки. Но она исчезла за деревьями, растворившись во мраке лесной чаши...

Исчезновение Ирумы поразило Пандиона, как тяжкая утрата. Эллин долго стоял в мрачном лесу, потом медленно побрел наугад сквозь золотистый туман поляны, борясь с желанием броситься вслед за Ирумой, разыскать ее, сказать ей, что любит, что остается с ней.

Ирума, едва только скрылась от Пандиона за деревьями, пустилась бежать, легко перепрыгивая через корни, проскальзывая между лианами. Девушка мчалась все быстрее, пока совсем не выбилась из сил. Она, тяжело дыша, остановилась на берегу спокойного водоема — тихой заводи расширявшейся здесь речки. Яркий свет ослепил ее, тело обдало жаром после мрака и прохлады леса.

Ирума с тоской огляделась кругом, сквозь слезы увидела свое отражение на гладкой поверхности воды и невольно осмотрела себя всю в этом большом зеркале... Да, она красива! Но, значит, красота еще не все, если чужеземец, золотоглазый, храбрый, добрый и ласковый, хочет уйти от нее. Значит, ему нужно еще что-то... Но что?..

Солнце садилось за холмистой степью. Косая голубая тень лежала у порога хижины, где сидели Кидого и Кави.

По тому, как беспокойно зашевелились оба друга, Пандион понял, что этруск и негр давно уже ждали его. Потупившись, молодой эллин подошел к друзьям. Кави встал, торжественный и суровый, положил руку на плечо друга.

— Мы хотим говорить с тобой, он и я, — этруск кивнул в сторону ставшего рядом Кидого. — Ты не пришел на совет, но все решено — завтра мы уходим...

Пандион отшатнулся. Слишком много событий произошло за последние три дня. И все же молодой эллин не думал, что товарищи будут так торопиться. Он сам спешил бы не меньше, если бы... если бы не было Ирумы!

Во взглядах друзей молодой эллин прочитал осуждение. Необходимость на что-то решиться, давно точившая душу Пандиона и бессознательно отбрасывавшаяся им в наивной надежде, что все как-нибудь уладится, теперь приближалась. Как будто стена опять загородила доступ к радостному миру свободы, той свободы, которая на самом деле жила лишь в мечтах Пандиона.

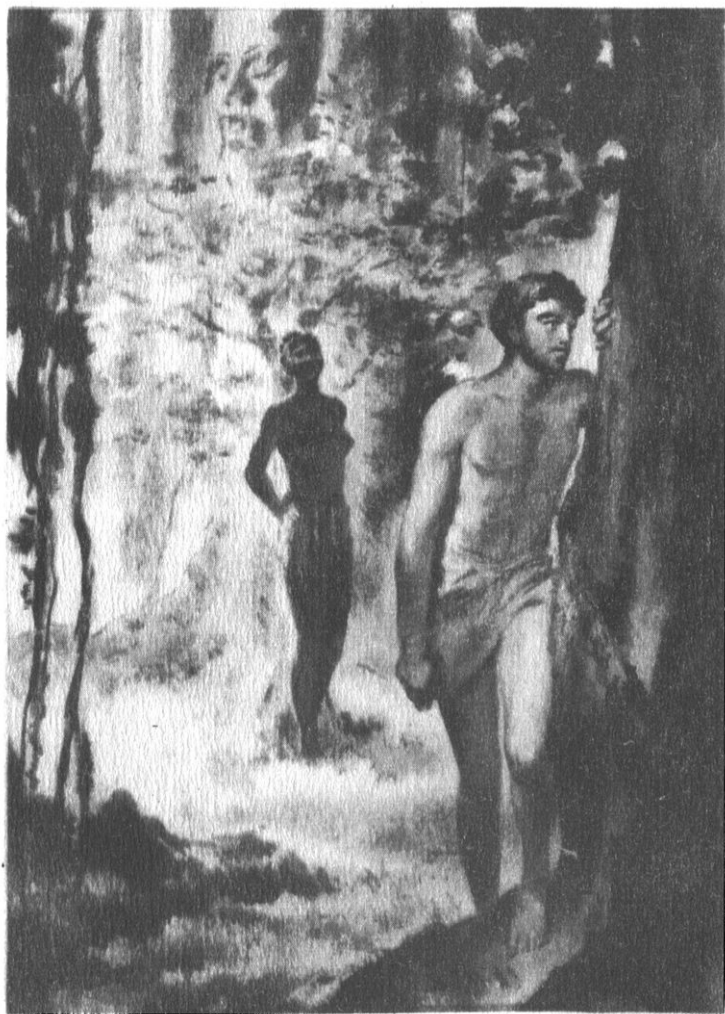
Он должен решить, остается ли он здесь с Ирумой или, навсегда потеряв ее, уходит с товарищами. Но если он останется здесь, то это будет тоже навсегда: только в соединенных усилиях двадцати семи человек, готовых на все, даже на верную гибель, ради возвращения на родину, была возможность одолеть пространство, держащее их в плену земли. Значит, если он останется, то навсегда потеряет родину, море, Тессу, — все то, что поддерживало его и помогло очутиться здесь.

Сможет ли он жить здесь, слиться с этой приветливой, но все-таки чужой жизнью, когда не будет с ним верных товарищей, испытанных в беде, на дружбу которых привычно и незаметно он опирался все время? И даже без раздумья, всем сердцем Пандион почувствовал ясный ответ.

А разве то, что он оставит друзей, спасенный и вновь ставший сильным благодаря им, не будет изменой?

Нет, он должен идти с ними, оставив здесь половину сердца!

И воля молодого эллина не выдержала испытания. Он схватил за руки товарищей, с тревогой наблюдавших душевную борьбу, отражавшуюся на открытом лице Пандиона, и принялся умолять их не уходить так скоро. Теперь, когда они свободны, что стоит им прожить здесь еще немного, лучше отдохнуть перед дорогой, лучше узнать незнакомую страну.

К стр. 197.

Кидого заколебался: негр очень любил молодого эллина. Этруск нахмурился еще сильнее.

— Пойдем туда, здесь чужие глаза и уши, — Кави втолкнул Пандиона в темноту хижины и, выйдя, вернулся вновь с угольком. Он зажег маленький факел. При свете, ему казалось, легче будет убедить смятенного друга. — На что ты надеешься, если мы останемся? — строго спросил этруск, и его слова врезались в душу Пандиона. — Если ты потом все равно уйдешь? Или ты хочешь взять ее с собой?

Нет, мысль о том, чтобы Ирума пошла с ними в далекую дорогу, даже не приходила на ум Пандиону, и он отрицательно покачал головой.

— Тогда ты непонятен мне, — жестко сказал этруск. — Разве другие наши товарищи не нашли себе здесь девушек по сердцу? На совете никто из них не колебался, что выбрать — женщину или родину, никто не подумал остаться. Отец Ирумы, охотник, думает, что ты не пойдешь с нами. Ты понравился ему, слава о твоей храбрости прошла в народе. Он сказал мне, что готов принять тебя в дом! Неужели ты покинешь нас, забудешь родину ради девчонки?!

Пандион опустил голову. Ему нечего было ответить, он не смог бы объяснить этруску то, в чем тот был неправ. Как сказать ему, что Пандион не просто поддался страсти? Как выразить то, что захватывало его в Ируме как художника? А с другой стороны, суровая правда жгла его в речи этруска, — он забыл, что у чужого народа были свои законы и обычаи. Оставшись здесь, он должен будет стать охотником, слить свою судьбу с судьбой этого народа. Такова была неизбежная плата за счастье с Ирумой... Но ведь одна Ирума здесь близка ему. Спокойный и жаркий простор золотой степи вовсе не походил на родной, шумный и подвижный простор моря. И девушка была частью этого мира, временным гостем которого он не переставал себя чувствовать... А там, вдали, маяком светила ему родина. А если этот маяк угаснет, разве он сможет жить без него?..

Этруск выдержал паузу, чтобы дать Пандиону время подумать, и начал снова:

— Хорошо, ты станешь ее мужем, чтобы вскоре покинуть ее и уйти. И ты думаешь, что ее народ отпустит нас с миром и поможет нам? Ты оскорбишь их гостеприимство. Наказание, следуемое тебе по заслугам, падет на нас всех... А потом, почему ты уверен, что остальные товарищи согласятся ждать? Они не согласятся, и в этом я буду с ними!

Этруск помолчал и, как бы устыдившись резкости своих слов, грустно добавил:

— Сердце мое болит, ибо когда достигну я моря, не будет у меня друга, искусного в корабельном деле. Мой Ремд погиб, и вся надежда была на тебя — ты плывал по морю, учился у финикийцев... — Кави опустил голову и замолчал.

Кидого бросился к Пандиону и надел на шею молодого эллина мешочек на длинном ремешке.

— Я хранил его, пока ты был болен, — сказал негр. — Это твой морской амулет... Он помог победить носорога, он поможет всем нам дойти до моря, если ты пойдешь с нами...

Пандион вспомнил про подаренный ему Яхмосом камень. Он совсем забыл об этом сверкающем символе моря, как забыл в эти дни еще и о многом другом. Он глубоко вздохнул. В эту минуту в хижину вошел высокий человек с большим копьем в руке. Это был отец Ирумы. Он непринужденно уселся на пол, поджав ноги, дружески улыбнулся Пандиону и обратился к этруску:

— Я пришел к тебе с делом, — неторопливо начал охотник. — Ты сказал, что через одно солнце мы решили уходить на родину.

Кави утвердительно кивнул головой и молчал, ожидая, что будет дальше. Пандион с беспокойством поглядывал на державшегося с простым и величавым достоинством отца Ирумы.

— Путь далек, много зверей стережет человека в степи и в лесу, — продолжал охотник. — У вас плохое оружие. Запомни, чужеземец: со зверями нельзя сражаться, как с людьми. Меч, стрела и нож

хороши против человека, но против зверя самое лучшее — это копье. Только копье может удержать сильного зверя, остановить его, достать издалека сердце зверя. Ваши негодны для нашей степи, — охотник пренебрежительно указал на прислоненное к стене хижины тонкое египетское копье с маленьким медным острием. — Вот какое здесь нужно!

Отец Ирумы положил Кави на колени прислоненное им оружие и снял с него длинный кожаный чехол.

Тяжелое копье было больше четырех локтей в длину. Его древко, в два пальца толщины, было сделано из твердого, плотного, блестящего, как кость, дерева. Посредине древко утолщалось, обшитое тонкой шероховатой кожей гиены. Вместо наконечника на нем было лезвие в локоть длиной и шириной в три пальца, сделанное из светлого твердого металла — редкого и дорогого железа.

Кави задумчиво потрогал острое лезвие, прикинул на руке тяжесть оружия и со вздохом вернул охотнику.

Тот улыбнулся, следя за впечатлением, произведенным копьем на этруска, и осторожно сказал:

— Изготовить такое копье — большой труд... Металл для него добывается соседним племенем, и они продают его дорого. Зато копье спасет тебя не раз в смертельном бою...

Не понимая, к чему клонит охотник, Кави молчал.

— Вы принесли с собой сильные луки из Та-Кемта, — продолжал охотник. — Мы не умеем делать такие и хотели бы променять их на копья. Вожди согласились дать вам по два копья за каждый лук, а копья, я сказал, будут вам нужнее.

Кави вопросительно посмотрел на Кидого, негр кивком головы подтвердил мнение охотника.

— В степи много дичи, и нам не понадобятся стрелы, — сказал Кидого, — но в лесах будет хуже. Однако лес далек, а шесть копий вместо трех луков надежнее при нападении зверей.

Кави подумал, согласился на обмен и принялся торговаться. Но охотник был непреклонен, доказывая, что предложенное им оружие — большая цен-

ность. Они никогда не отдали бы по два копыя за каждый лук, если бы не нужно было узнать, как изготавливаются луки Черной Земли.

— Хорошо, — сказал этруск. — Мы отдали бы вам свои луки в дар за приют и пищу, если бы не шли так далеко. Мы принимаем условия — завтра ты получишь луки.

Охотник просиял, хлопнул Кави по руке, поднял копьё, вглядываясь в красный отблеск факела на лезвии, и надел на него кожаный чехол, украшенный кусочками разноцветных шкур.

Этруск протянул руку, но охотник не отдал оружия.

— Ты получишь завтра шесть не хуже. А это... — отец Ирумы сделал паузу, — я дарю твоему золотоглазому другу. Чехол его сшила Ирума сама! Смотри, как он красив.

Охотник протянул копьё молодому эллину, нерешительно принявшему подарок.

— Ты не идёшь с ними, — отец Ирумы показал на этруска и негра, — но хорошее копьё — это первое имущество охотника, а я хочу, чтобы ты прославил наш род, став моим сыном!

Кидого и Кави впились взглядами в друга, негр с хрустом сжал пальцы. Решительный момент неожиданно наступил.

Пандион побледнел и внезапно резким, отстраняющим жестом протянул охотнику копьё обратно.

— Ты отказываешься, как мне понять это? — вскричал пораженный охотник.

— Я уйду с товарищами, — с трудом произнес молодой эллин.

Отец Ирумы неподвижно стоял, без слов глядя на Пандиона, потом с гневом швырнул копьё ему под ноги.

— Пусть будет так, но не смей больше даже смотреть на мою дочь. Я сегодня же отошлю её!

Пандион, не мигая, широко раскрытыми глазами вглядывался в охотника. Неподдельное горе исказило его мужественные черты, и это смягчило гнев отца Ирумы.

— У тебя хватило мужества решить, пока не поздно, это хорошо, — сказал он. — Но раз уходишь, уходи скорее...

Охотник еще раз угрюмо осмотрел Пандиона с головы до ног, издав какой-то неопределенный звук.

На пороге хижины отец Ирумы оглянулся на Кави.

— Что сказал, то и будет, — грубо отрезал он и исчез в темноте.

Негру стало не по себе от блеска глаз молодого эллина, и он почувствовал, что сейчас Пандиону не до друзей. Эллин постоял, вперившись взглядом в пространство, точно спрашивая даль, как ему поступить. Он медленно повернулся, бросился на постель, закрыв лицо руками.

Кави зажег новый факел: ему не хотелось оставлять Пандиона в темноте одного со своими мыслями. Этрусск и негр уселись в стороне и остались бодрствовать, не разговаривая. Время от времени они тревожно посматривали на друга, которому не могли ничем помочь.

Медленно шло время, наступила ночь. Пандион пошевелился, вскочил, прислушиваясь, и бросился вон из хижины. Но широкие плечи этруска заслонили вход. Молодой эллин натолкнулся на его скрещенные руки и остановился, гневно сдвинув брови.

— Пусти! — нетерпеливо сказал Пандион. — Я не могу, я должен проститься с Ирумой, если ее не отправили куда-то.

— Опомнись! — ответил Кави. — Ты погубишь ее, себя и всех нас! Ее отец на тебя зол.

Пандион молчал и пытался оттолкнуть этруска, но тот стоял крепко.

— Решил, тогда довольно, не гневи ее отца, — продолжал убеждать друга Кави. — Пойми, что может произойти.

Молодой эллин толкнул Кави еще сильнее, но сам получил толчок в грудь и отступил. Негр, увидев столкновение друзей, подбежал, растерянный, не зная, что предпринять. Молодой эллин стиснул зубы, глаза его загорелись недобрым огнем. Раздув ноздри, он кинулся на Кави. Этрусск быстро выхватил

нож и, повернув оружие рукояткой к Пандиону, гневно закричал:

— На, бери, бей!

Пандион опешил.

Этруск выпятил грудь, приложил к сердцу левую руку, а правой продолжал направлять рукоятку ножа в сторону Пандиона.

— Бей сразу, вот сюда! Все равно живой я не пущу тебя! Убей, тогда иди! — яростно кричал Кави.

В первый раз Пандион видел своего хмурого и мудрого друга в таком состоянии. Он отступил, беспомощно застонал и побрел к своей постели, опять упал на нее, повернулся к друзьям спиной.

Кави, тяжело дыша, вытер со лба пот и сунул нож за пояс.

— Мы должны стеречь его всю ночь и уходить скорес, — сказал он испуганному Кидого. — На расвете ты предупредишь товарищей, чтобы собирались.

Пандион ясно расслышал слова этруска, означавшие, что ему не удастся увидеть Ируму. Он задыхался, почти физически ощущая тесноту вокруг себя. Эллин боролся с собой, напрягая всю волю, и постепенно бурное отчаяние, почти бешенство сменилось тихой печалью.

И снова африканская степь раскрыла свой горячий простор перед двадцатью семью упрямыми, во что бы то ни стало решившими вернуться на родину.

Теперь, после дождей, грубая, с большими бурями колосьями трава * поднималась на высоту двенадцати локтей, и в ее душной чаше без следа скрывались даже гигантские серые тела слонов. Кидого объяснил Пандиону, почему нужно было спешить: скоро окончится время дождей и степь начнет гореть, превращаясь в безжизненную, засыпанную золой равнину, где трудно будет найти пищу.

Пандион молчаливо соглашался. Его печаль была еще слишком свежа. Но, очутившись среди своих то-

* Слоновая трава — огромный злак, до 6 метров высоты.

варищей, которым он был так многим обязан, молодой эллин чувствовал, как снова оплегают его узы мужской дружбы, как растут в нем самом стремление идти вперед, жажда борьбы и разгорается все сильнее желание скорее достичь Эпилады.

И, несмотря на острую тоску по Ируме, Пандион только теперь чувствовал себя прежним, ясным и прямым, без тревоги идущим по избранному пути. Снова оживило жадное внимание художника к формам и краскам природы, нарастало желание творить.

Двадцать семь сильных мужчин были вооружены копьями, метательными дротиками, ножами и несколькими щитами. Бывшие рабы, испытанные в бедствиях и сражениях, представляли собою значительную силу и могли не опасаться бесчисленных зверей.

В пути в высокой траве опасность была серьезной. Поневоле приходилось идти гуськом, пробираясь по узким коридорам звериных троп, в течение долгих часов видя перед собою только спину идущего впереди товарища. А из шуршащих высоких стен справа и слева ежеминутно грозила опасность — в любой момент стебли могли расступиться и пропустить подкрававшегося льва, разъяренного носорога или высокую необъятную тушу злобного одинокого слона. Трава разъединяла товарищей, и хуже всего приходилось идущим позади: на них мог обрушиться гнев зверя, встревоженного впереди идущими. По утрам трава была пропитана холодной росой, сверкающая пыль водяных брызг стояла над мокрыми, словно от дождя, телами людей. В знойное время дня роса исчезала бесследно, сухая пыль щекотала горло, сыпаясь с верхушек стеблей, в тесных проходах нечем было дышать.

На третий день пути на храброго ливийца Такела, шедшего позади, напал леопард, и только благодаря счастливой случайности юноша отделался незначительными царапинами. На следующий день на Пандиона и его соседа-негра прыгнул из травы огромный темногривый лев. Копье отца Ирумы сдержало хищника, и товарищ эллина, подхватив щит, который от неожиданности уронил Пандион, напал на льва сзади.

Зверь повернулся к новому врагу и пал, пронзенный тремя копьями. Кидого прибежал, запыхавшийся от волнения, когда все было кончено и воины, тяжело дыша, стирали с копий быстро побуревшую львиную кровь. Хишник лежал, почти незаметный в бурой измятой траве. Сбежались все участники похода, громкие крики поднялись над местом сражения. Все доказывали двум коренастым неграм — Дхломо и Мпафу, вместе с Кидого ведшим отряд, что в конце концов звери кого-нибудь убьют. Надо обойти эту равнину высокой травы. Проводники вовсе и не думали возражать. Отряд повернул круто к югу и еще до вечера приблизился к длинной ленте леса, протянувшейся как раз в нужном юго-западном направлении. Такой лес был знаком Пандиону — зеленый сводчатый коридор над узкой степной речкой. Лес-галереи пересекали степь в разных направлениях по руслам рек и ручьев.

Путникам повезло: под зеленым сводом не было колючих зарослей, лианы не сплели непроходимых завес, — отряд бодро двинулся по узкой лесной ленте, лавируя между гигантскими корнями. Глубокая тишина и прохладный полумрак сменили шелест травы в духоте ослепительного дня. Лес протянулся очень далеко, — день за днем шли по нему путники, изредка выходя в степь за дичью или влезая на низкие деревья опушки, чтобы проверить направление.

Хотя передвижение здесь было более легким и менее опасным, Пандиона угнетали сумрак и тишина таинственного леса. Молодой эллин здесь возвращался к воспоминаниям о встрече с Ирумой. Утрата казалась огромной, тоска окутывала для Пандиона весь мир серой дымкой, а неведомое будущее было таким же сумрачным, молчаливым и темным, как лес, по которому они шли.

Пандиону представлялось, что темная дорога в однообразном чередовании колоннад огромных древесных стволов, мрака и солнечных пятен, ям и бугров бесконечна.

Она вела в неизвестную даль, все глубже вонзаясь в сердце чужой и странной земли, где все было

незнакомо и только круг бдительных товарищей спасал от неизбежной смерти.

Море, к которому он так стремился, казавшееся легко достижимым, когда он был в плену, теперь отодвинулось безмерно далеко, загражденное тысячами препятствий, месяцами трудного пути... Море оторвало его от Ирумы, а само осталось недоступным...

В конце леса перед путниками предстало обширное болото. Оно пересекало путь от края до края горизонта, протянулось вперед, закрытое вдали зеленоватой мглой влажных испарений, по утрам опоясывалась низкой пеленой белесого тумана. Белые цапли летали небольшими стаями над морем тростников.

Кави, Пандион и ливийцы, озадаченные препятствием, в недоумении смотрели на яркозеленую чащу болотных зарослей с горящими на солнце окнами воды. Но вожатые удовлетворенно переглядывались и улыбались: путь был верен, две недели трудного похода не пропали даром.

На следующий день отряд связал плоты из особого, необычайно легкого и пористого тростника*, коленчатые стебли которого достигали десяти локтей. Путники поплыли вдоль высоких зарослей метельчатых папирусов, лавируя между красновато-бурыми нагромождениями засохших и поломанных стеблей тростника, пловучими островами травы. На каждом плоту было по два или по три человека, осторожно балансировавших длинными шестами, мерно вонзавшимися в илистое дно.

Темная вонючая вода казалась густым маслом, пузырьки болотного газа поднимались на поверхность из-под шестов, липкая плесень пенилась ржаво-бурыми оторочками вдоль зеленых стен. Ни одного сухого места не было на всем видимом пространстве, влажная жара томила обливавшихся потом людей, сверху жгло беспощадное солнце. К вечеру миллионы зловредных мошек густыми тучами нападали на людей. Счастьем было найти незатопленный бугорок,

* Амбаг — очень легкий и толстый тростник, до 7 метров высоты.

на котором разводился огромный дымящийся костер. Еще легче было при ветре, отгонявшем тучи насекомых и дававшем возможность выспаться после тяжелых дней и ночей. Ветер склонял тростник, волна за волной бежали по океану зелени.

Несметное количество гадов пряталось в прелой воде и гниющих зарослях. Гигантские крокодилы сконилились сотнями на буграх отмели или выглядывали из зеленых стен, наполовину скрытые стеблями. Почами чудовища ревели — их глухой низкий рев наполнял людей суеверным ужасом. В реве крокодилов не было ярости или угрозы, — что-то бездушное и бесстрастное чудилось в этих низких отрывистых звуках, раскатывавшихся над стоячей водой в темноте ночи.

Путникам встретился мелкий залив, усеянный полуразмытыми конусовидными холмиками из ила в полтора локтя высоты. Бурая вода издавала нестерпимую вонь, холмики были покрыты белой корой птичьего помета. Негры разъяснили, что это было место гнездовья больших длинноногих розовых птиц*, которые в другое время тучами покрывали бы болото.

От плохой воды и вредных испарений заболело несколько человек, главным образом ливийцев. Жесточая лихорадка изнуряла людей, безучастно лежавших на плотках под ногами товарищей.

На пятый день плавания среди болотных зарослей стали все чаще попадаться пространства свободной воды, из которой торчали вершины деревьев. Пандион с удивлением спросил Кидого, что это значит. Черный друг, улыбаясь во всю ширину своего большого рта, объяснил, что скоро конец мучениям.

— Здесь, — сказал негр, ткнув шестом в глубокую воду, — в сухое время земля горит от жары, а это разлив от дождей.

— Какая же это река? — снова спросил Пандион.

* Фламинго — болотная птица с длинной шеей, длинными ногами и большим, круто загнутым вниз клювом, красивой розовой окраски.

— Здесь не одна река, а две * и длинная цепь болот между ними, — ответил негр. — В сухое время реки эти почти не текут.

Кидого, как всегда за последнее время, оказался прав — скоро плоты стали задевать за илистое дно, а впереди земля, повышаясь, переходила в ровную степь. Там росла особая трава с серебристо-белыми колосьями, и, блестя под лучами солнца, поверхность степи издалека казалась продолжением водяной глади. С чувством глубокого облегчения путники по пояс в грязи, распугивая криками крокодилов, выбрались на твердую горячую землю. Ветер, свежий и сухой, приветствовал их, прогоняя тяжелую духоту болота. Отряд добрался до возвышенности, на которой росли кусты с большими голубовато-зелеными листьями, покрытые оранжевыми плодами величиной с яйцо.

Здесь путники нашли чистую воду и решили остановиться. Они устроили вокруг лагеря колючую стену в шесть локтей высоты. Негры собрали груды оранжевых плодов, оказавшихся удивительно вкусными и нежными, и принесли еще каких-то листьев, ссоком которых принялись лечить больных лихорадкой товарищей. Здоровые отсыпались вволю, болячки, образовавшиеся от укусов болотных мошек, быстро заживали. Несколько дней подряд не было дождя. По утрам было очень прохладно, и чернокожие участники похода зябли и страдали от холода.

Вскоре путешественники отправились дальше.

Двадцать пять дней шли они по степи. Теперь их осталось девятнадцать человек — восемь отделились после перехода через болото и ушли на север, к своим родным местам, до которых им осталось не более десяти переходов. Как ни звали они с собой остальных, упрямцы были верны себе в решении пробиваться к морю.

Серая дымка закрывала голубой небосвод, по-прежнему изливавший ослепительное сияние. По ночам небо нередко затягивалось тучами, страшный

* Две реки — подразумеваются Бахр-эль-Араб и Бахр-эль-Газаль, в древности более многоводные, чем в настоящее время.

гром неся без перерыва над степью, но ни единый проблеск молнии не рассекал бархатно-черную тьму ночи, ни капли дождя не падало на высохшую траву и трескавшуюся от жары землю.

В степи были разбросаны маленькие холмы — остроконечные конусы или башни с закругленными верхушками до десяти локтей высоты. Внутри этих холмов из твердой, как кирпич, глины жили бесчисленные крупные насекомые, похожие на муравьев, опасные своими сильными челюстями. Пандион уже привык к множеству зверей; его не удивляли более жирафы или скопища слонов по пятьсот голов в стаде. Теперь он увидел стада странных животных полосатой, белой с черным, окраски. Они были похожи на лошадей Энниады, но и отличались от них: при небольшом росте и тонких ногах у полосатых зверей были более широкие крупы, прогнутые в крестце спины, плавный изгиб верхней губы, короткие хвосты и гривы. Пандион с любопытством смотрел на их многочисленные табуны, появлявшиеся у водопоя. Он мечтал о том, чтобы поймать полосатых лошадей и приспособить их к езде. Однако, когда он поделился своими соображениями с Кидого и другими товарищами-неграми, те долго и громко хохотали. Негры объяснили молодому эллину, что полосатые животные сильны, злы и неукротимы, что если бы и удалось поймать несколько более смирных, то двух десятков, нужных им, не собрать и в десять лет.

Второе разочарование пережил Пандион при встрече с буйволами. Он увидел массивных темносерых быков с широкими, загнутыми на концах рогами и решил подкрасться к ближайшему, чтобы уложить его копьем, но Кидого, навалившись на юношу всем телом, придавил его к земле. Негр уверял друга, что эти быки чуть ли не самые опасные звери южной страны, что охотиться на них нужно, только имея луки или метательные копья, иначе гибель неминуема. Пандион послушался негра и укрылся в кустах, как и остальные, но страх Кидого перед этими быками остался ему непонятным, — с его точки зрения носорог или слон казались куда страшнее.

Дорогу нередко пересекали скалистые гряды, цепи холмов или группы торчащих разрушенных утесов. В таких местах часто встречались отвратительные собакоголовые обезьяны*. Эти животные, заметив приближение людей, скоплялись на скалах или под деревьями, без страха рассматривали пришельцев и нагло гримасничали. Пандион с отвращением смотрел на их голые собачьи морды с синими надутыми щеками, обрамленные густой, торчавшей дыбом шерстью, на их виляющие зады с красными мозолистыми проплешинами. Обезьяны были опасны. Однажды Кави не стерпел вызывающего поведения трех животных, загородивших ему дорогу, и ударил копьём одну из мерзких тварей. Завязалось серьезное сражение у подножья утесов. Скитальцы были счастливы, что унесли ноги, отступив без ущерб, но со всей возможной поспешностью.

На двадцать пятый день пути по незаметно повышавшейся местности на горизонте показалась темная полоса. Кидого радостно вскрикнул, указывая на нее, — там начинался большой лес — последнее препятствие, которое им осталось преодолеть. За покрытыми лесом горами лежало долгожданное море — верный путь к дому.

К полудню отряд достиг пальмовой рощи. Пандиона удивил странный вид рощи. Раньше в степи не попадались такие высокие и стройные растения, похожие на знакомые по Айгюптосу финиковые пальмы**. Каждый ствол поднимался точно из самого центра звездчатой иссиня-черной тени, отбрасываемой вершиной. Между черными звездами теней сухая почва казалась добела раскаленным металлом. По необычайному расположению теней Пандион увидел, что полуденное солнце стоит у него прямо над головой. Он сказал об этом Кави. Этруск недоуменно пожал плечами, а Кидого объяснил, что это так и есть на самом деле. Чем дальше к югу, тем выше поднимается солнце, и причину этого никто не знает. Старики говорят еще,

* Павианы.

** Пальмы дулеб.

что, по преданиям, далеко на юге солнце опять становится ниже.

Долго раздумывать над этой загадкой молодому эллину не пришлось — изнуренные жарой товарищи спешили к воде. На привале Кидого объявил, что к вечеру они достигнут леса и путь их пойдет по лесам и горам, далеко протянувшимся до края земли.

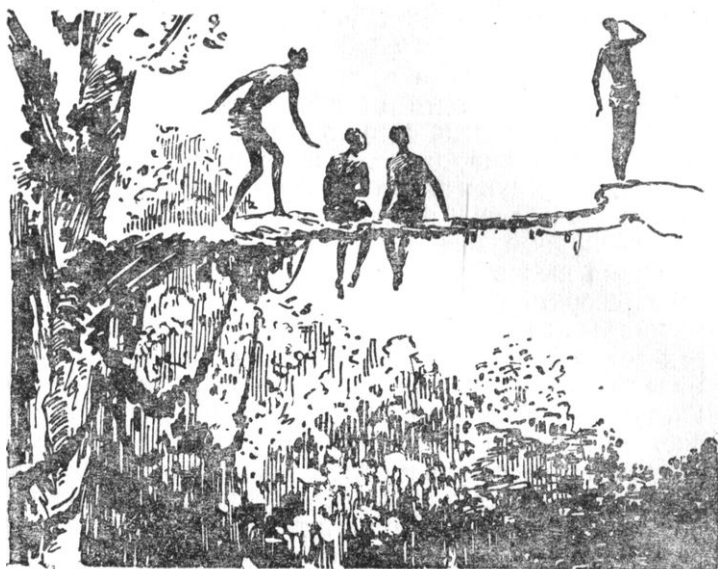
— Там, — негр показал направо, — и там, — рука Кидого повернулась налево, — есть большие реки, но мы не можем плыть по ним. Правая* заворачивает на север к большому пресному морю у края северных пустынь. Левая** берет круто на юг и уведет нас далеко от нужного места. Кроме того, вдоль рек живут сильные племена, они едят человеческое мясо и уничтожат всех нас. Мы должны пройти на юго-запад прямо, как по полету стрелы, между обеими реками. Темные леса пусты и безопасны, а на горах никто не живет, боясь сильных гроз и темноты чаш. Звери здесь редки, но нас мало, и мы можем прокормиться охотой и плодами.

Пандион, Кави и ливийцы с сомнением смотрели на темный лес, встававший перед ними, и их волновали неясные опасения.

* Правая река ныне называется Шари.

** Левая река ныне называется Убанги — главный приток Конго.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СИЛА ЛЕСОВ

Среди густого кустарника возвышались необычайные деревья. Их тонкие стволы с выпуклыми поперечными гранями заканчивались плоскими веерами укороченных ветвей с большими листьями, а еще выше торчали длинные и прямые отростки, похожие на зеленые огромные мечи, по десяти локтей в длину*.

Четыре таких дерева, по два с каждой стороны, стояли, как часовые, в преддверии леса, с угрозой поднимая мечи в бледное небо. Отряд прошел между

* Лобелии.

ними, пробираясь сквозь колючие кусты. Огромная свинья* с загнутыми клыками и безобразной бугристой головой вскочила из-под куста, негодуя хрюкнула в сторону людей и скрылась...

В первый же день пути по лесу Кави потерял свою палочку с сорока девятью зарубками — число дней похода, и путники перестали считать время. В памяти молодого эллина навсегда запечатлелся однообразный громадный лес.

Отряд шел в молчании. Голоса людей при попытке заговорить гулко раскатывались под непроницаемым зеленым сводом. Никогда на широких просторах золотой степи не чувствовали себя люди такими маленькими и затерянными в глубинах чужой земли. Гигантские канаты ползучих растений, достигавшие иногда толщины человеческого тела, обвивали спиралями гладкие стволы деревьев, сплелись вверху в исполинскую сеть, свисали завесами и отдельными широкими петлями. Ветви деревьев расходились на недостижимой высоте над головами идущих, стволы расплывались в сером сумраке. Луи гниющей, покрытой плесенью воды часто встречались на пути; иногда бесшумно струились маленькие темные ручьи. На редких полянах солнце слепило глаза, привыкшие к полумраку леса; необычайная густота растений заставляла путников огибать эти места. Невиданные папоротники в четыре человеческих роста простирали, как крылья, свои бледнозеленые огромные перистые листья**. Чеканная сероватая листва мимоз образовывала тончайшие узоры в столбах солнечного света. Масса цветов — кроваво-красных, оранжевых, фиолетовых, белых — с особенной яркостью и пестротой выделялась на светлой зелени листьев, громадных, широких, длинных и узких, ровных, разрезных или зазубренных. В дикой путанице переплетались извилистые спирали ползучих побегов, торчали грозные,

* Бородавочник — дикая свинья с огромными клыками для вырывания корней.

** Древовидные папоротники циатея и тодея высотой до 10 метров.

в палец длиной, колючки, беспощадно рвавшие тело. Неистовый гомон и щебет птиц раздавались на полянах, как будто вся жизнь леса сосредоточивалась здесь.

Люди свсрали направление с солнцем и снова уходили в лесной сумрак, ориентировались по направлению дождевых промоин, по течению ручьев, по косым столбикам солнечных лучей, изредка пробивавших листву. Проводники старались не приближаться к прогалинам еще потому, что вблизи от них на деревьях водились опасные насекомые — страшные черные осы и грозные муравьи. Крупные лишай, кожистые серые наросты и выступы покрывали стволы деревьев, мшистый зеленый покров одевал гребни высоких корней. Эти плоские корни, нередко высотой в пять-шесть локтей, отходили от ребер гигантских стволов, как наклонные подлорки. В глубоких ямах между ними мог бы поместиться весь отряд из девятнадцати путников. Корни деревьев заходили друг за друга и чрезвычайно затрудняли передвижение — приходилось перелезать через них или обходить, пробираясь по узким коридорам. Ноги тонули в массе полусгнивших веток, листьев и высохших побегов, устилавших почву толстым слоем. Кучками встречались белые грибы с тяжелым, трупным запахом. Только там, где деревья не были так высоки, корни не затрудняли путь и ноги отдыхали на покрове мягких мхов. Зато в этих местах рос колючий густой кустарник, принуждавший людей делать обходы или прорубаться сквозь него, теряя силы и время. Какие-то пятнистые слизняки падали с ветвей на голые плечи путников и обжигали ядовитой слизью. Изредка в сумраке мелькала и бесшумно исчезала тень зверя, — люди нередко даже не успевали определить породу животного. Ночью здесь господствовала та же глубокая тишина, нарушавшаяся жалобным воем неведомого ночного хищника или резкими криками неизвестной птицы.

Путешественники перевалили через множество невысоких горных гряд, ни разу не выходя на свободное от деревьев пространство. Между хребтами лес был еще гуще; сырой и душный, пахнущий прелой землей воздух долин стеснял дыхание людей.

Миновав долину, по дну которой катился среди больших камней быстрый поток прохладной воды, путники присели отдохнуть.

Начался долгий подъем.

Два дня поднимались в гору путники. Лес становился все гуще и непроницаемее. Исчезли поляны, на которых можно было найти пищу, поваленные гигантские деревья чаще заграждали дорогу. Отряд, избегая колючих завес из тонких упругих стеблей, свисавших сверху, или непроницаемых зарослей кустарников и мелких деревьев, пробирался на четвереньках в промоинах дождевых потоков, бороздивших склоны.

Жесткая сухая земля сыпалась из-под ладоней и колен. Люди ползли в этом лабиринте, держа направление только по водяным рывинам.

Постепенно становилось все прохладнее, точно в самом деле отряд попал в глубокое сырое подземелье.

Уже совсем стемнело, когда склон кончился, и, по-видимому, путники поднялись на плоскогорье. Больше не было промоин от дождевых потоков, и, чтобы не потерять направления, путешественники остановились на ночлег. Ни одной звезды не блеснуло сквозь зеленый свод. Сильный ветер бушевал где-то вверху. Пандион долго лежал без сна, прислушиваясь к гулу леса, очень похожему на шум близкого моря. Рокот, шелест и стук ветвей в порывах ветра сливались в могучие всплески, напоминавшие мерные раскаты прибоя.

Рассвет не наступал особенно долго — солнечный свет задерживался сплошным туманом. Наконец невидимое солнце одолело сумрак, и перед людьми предстало подавляющее угрюмое зрелище.

Стволы чудовищных деревьев, в полтора-два локтя высоты, с черной и белой гладкой корой, уходили своими вершинами в молочную густую мглу, совершенно скрывавшую обомшелые ветви. Пропитанные водой мхи и лишайники длинными темными космами или седыми бородами увешивали деревья, раскачиваясь подчас на страшной высоте. Вода хлюпала под ногами, выделяясь из губчатой сетки переплетенных корней, трав и мхов. Густые заросли кустов с большими листьями заграждали путь. Крупные бледные цветы в виде

ячеистых шаров тихо качались в тумане на длинных ножках.

Черные и белые колонны поперечником в четыре локтя громоздились несметной толпой, серый туман клубился вокруг них, по коре стекали мелкие струйки воды. Иногда стволы были одеты толстым одеялом из мокрого мха.

В этом страшном лесу дальше тридцати-сорока локтей ничего не было видно; нельзя было ступить, не прорубив себе дороги у подножья древесных гигантов.

Нагромождения исполинских поваленных стволов совершенно подавляли много испытавших путников. Хуже всего была невозможность ориентироваться, — ничто не давало возможности проверить взятое направление.

Негры зябли в холодном тумане, испуганные еще невиданной мощью леса; ливийцы были совсем угнетены. Путникам казалось, что они зашли в самое обиталище лесных богов, запретное для людей, откуда нет выхода.

Кави сделал знак Пандиону, — оба вооружились ножами и с бешенством принялись рубить мокрые ветви. Понемногу ободрились и другие товарищи — люди работали, сменяя друг друга, переползали через горы исполинских стволов, путались, ища выхода среди чудовищных корней, и снова утопали в непроходимой зелени. Часы шли и шли: все так же висела сверху белая мгла, все так же тяжело и медленно с деревьев капала вода, воздух не становился теплее, и только по серовато-красному оттенку тумана люди поняли, что наступает вечер...

— Нигде нет прохода! — с этим известием Кидого сел на корень, в отчаянии сжимая голову. Два проводника вернулись еще раньше с такими же результатами.

Узкая прогалина протянулась на тысячу локтей поперек прорубленного пути. Позади был мрачный гигантский лес, через который с нечеловеческими усилия-

ми отряд пробивался три дня. Впереди стояла сплошная заросль высокого бамбука. Блестящие коленчатые стволы поднимались на двадцать локтей, плавно нагибая вниз свои тонкоперистые верхушки. Бамбук рос так тесно, что не было никакой возможности проникнуть в глубь этой густой решетки из прямых, как копья, коленчатых труб. Перед путниками встала непроницаемая ограда. Полированная поверхность круглых стволов была так тверда, что бронзовые ножи путников притуплялись при первых же ударах. Для борьбы с этой стеной нужно было иметь топоры или тяжелые мечи. Обойти бамбуковую заросль было невозможно — прогалина смыкалась в том и другом конце густой чащи, а бамбуки, насколько было видно, протягивались широким поясом в обе стороны, в туманную даль плоскогорья.

Измученные холодом, недостатком пищи и борьбой со страшным лесом, люди потеряли свою обычную энергию — слишком тяжело досталась им последняя часть пути! Но они не могли смириться с необходимостью повернуть назад.

Чтобы пройти сквозь эти страшные леса, мало было соблюдать прежнее направление на юго-запад, мало было прорубаться и пробиваться изо всех сил сквозь могучую растительность, — нужно было еще знать, где можно пройти. Эти места могли указать только живущие в лесу люди, но они отряду не встретились. Поиски лесных людей скорее всего закончились бы гибелью путников на вертелах пиршественных костров.

«Не прошли, не пробились!» — одна и та же мысль отражалась на лицах всех девятнадцати человек, в складках суровости, гримасах отчаяния, маске застывшей покорности.

Кидого, оправившийся от первого приступа отчаяния, стоял, запрокинув голову вверх, к огромным ветвям, простертым над прогалиной на высоте ста локтей. Пандион быстро подошел к другу, поняв его мысли.

— Разве можно взлезть туда? — спросил молодой эллин, глядя на совершенно гладкие стволы непомерной высоты.

— Нужно, хотя и придется потратить целый день,— хмуро сказал Кидого. — Назад или вперед, но больше нельзя идти наугад — нет еды.

— Вот, — Пандион указал на лесного гиганта с белой корой, выдвинувшегося на поляну; его кривые сучья образовывали звезду на фоне неба: — с этого дерева будет хорошо видно.

Кидого отрицательно покачал головой.

— Нет, белокорое дерево не годится, не подходит и с черной корой *. У них древесина тверда, как железо, в нее не вбить даже ножа, не то что деревянного клина. Найдем, может быть, дерево с корой красного цвета и крупными листьями **, тогда взлезем.

Люди принялись искать подходящее дерево вдоль прогалины. Вскоре возвестили, что оно найдено. Дерево было ниже железных гигантов, но стояло вплотную к бамбукам, возвышалось над зарослью больше чем на полсотни локтей. Путники с трудом срубили два толстых бамбука, раскололи на щепки в локоть длиной, каждую заострили с одного конца. С помощью тяжелой ветки Кидого и Мпафу стали загонять в мягкую древесину дерева щепку за щепкой и, забираясь все выше, достигли спиральной лианы, обвивавшей ствол. Тогда, опоясавшись тонкими лианами, Кидого и его товарищ, изо всех сил упираясь ногами в ствол и далеко откидываясь от дерева, стали подниматься на огромную высоту. Скоро их темные фигуры сделались маленькими на фоне тяжелых облаков, затянувших небо. Пандиона вдруг обожгла зависть к друзьям. Они там, наверху, видят мир, а он остается внизу, в тени, подобно большим красно-голубым червям, встречающимся в промоинах лесной почвы.

Молодой эллин внезапно решил и схватился за вбитые бамбуковые колышки. Только махнув рукой на предостерегающий окрик этруска, Пандион быстро вскарабкался на ствол, схватился за спиральную лиану, отрезал свисавший сверху тонкий конец другого

* Деревья различных пород: железное дерево, фикус, желтое дерево, макарanga, полисциас и многие другие.

** Дерево хайя, с мягкой древесиной.

ползучего растения и повторил прием Кидого. Это оказалось вовсе не легко — жесткая лиана страшно резала спину. Едва только Пандион ослаблял давление, ноги соскальзывали, и он больно обдира л колени о твердую кору. С большим трудом Пандион поднялся до половины ствола. Пористые верхушки бамбуков качались под ним желтеющей неровной порослью, а до громадных сучьев все еще было высоко. Сверху раздался зов Кидого, и крепкая лиана, завернутая петлей, коснулась плеча молодого эллина. Пандион пропустил петлю под руки, лиану осторожно потянули сверху, и эта поддержка оказала эллину огромную помощь. С ободранными ногами, усталый, но радостный, молодой эллин скоро достиг нижних, самых больших ветвей. Здесь, между двумя огромными сучьями, уютно устроились Кидого и его товарищ.

С высоты восьмидесяти локтей взглянул Пандион вперед, и впервые за много дней широкий горизонт открылся перед ним. Заросль бамбуков обрамляла лес на высоком плоскогорье. Бамбуковый пояс простирался в стороны, насколько хватал глаз; в ширину он был не более четырех-пяти тысяч локтей. За ним торчала невысокая гряда черных скал, наклонно устремленных к западу цепью редких косых зубцов. Дальше местность опять слегка понижалась. Бесконечные округлые горы, покрытые густым лесом, курчавились, как плотные зеленые облака, разделенные узкими впадинами ущелий, заполненных клубящейся туманной мглой. В них скрывались бесчисленные дни голодного и тяжелого, сумрачного похода, именно туда лежал путь отряда. Но нигде не было заметно никакого просвета в этой сплошной зеленой массе, над которой медленно ходили большие хлопья белого тумана: ни поляны, ни широкой долины. Пробриться вперед на то расстояние, которое сейчас охватывали глаза, у путников вряд ли хватило бы сил. А дальше, за неразличимой мглой горизонта, могло быть то же самое, и тогда гибель стала бы неминуемой.

Кидого отвернулся от расстилавшейся под ним дали и поймал взгляд Пандиона. Молодой эллин прочитал в выпуклых глазах друга тревогу и безмерную

усталость, — неистощимая бодрость негра угасла, лицо его сморщилось в горькой гримасе.

— Надо посмотреть назад, — упавшим голосом сказал Кидого, но вдруг выпрямился и пошел по ветви, горизонтально простиравшейся далеко вперед над бамбуками.

Пандион сдержал крик страха, а негр как ни в чем не бывало шел, чуть заметно покачиваясь на страшной высоте, к концу ветки, где дрожали от его тяжести овальные крупные листья. Ветвь согнулась. Пандион в ужасе замер, но Кидого уже сел на нее верхом, свесил в пустоту ноги, уперся обеими руками в тонкие ветки и стал вглядываться в пространство за правым углом прогалины. Пандион не посмел пойти за товарищем. Затаив дыхание, эллин и Мпафу ждали сообщений Кидого. Внизу, почти незаметные с высоты, следили за всем происходящим на дереве остальные шестнадцать товарищей.

Кидого долго качался на пружинящей ветке, потом, не говоря ни слова, вернулся к стволу.

— Беда не знать дороги, — уныло сказал он. — Мы могли бы пройти сюда гораздо легче. — Там, — негр махнул рукой на северо-запад, — близко от нас степь. Мы должны были идти правее, не входя в лес... Нужно возвратиться к степи. Может быть, там есть люди: на краю леса всегда больше людей, чем в степи или в самом лесу.

Спуск с дерева оказался гораздо страшнее подъема. Если бы не помощь друзей, Пандион никогда не сумел бы слезть так быстро, а еще вернее, упал бы и погиб. Едва только молодой эллин ступил на землю, как ослабевшие от нервного напряжения ноги его подкосились и он растянулся на траве под смех товарищей. Кидого рассказал обо всем виденном с дерева и предложил повернуть под прямым углом в сторону от намеченного пути. К удивлению Пандиона, ни одного слова протеста не последовало со стороны товарищей, хотя всем было ясно, что они потерпели поражение в борьбе с лесом, что задержка в пути может быть очень долгой. Промолчал даже упрямый этруск Кави, должно быть понимая, как измучились люди в тяжелой борьбе, оказавшейся к тому же напрасной.

Пандион помнил о словах Кидого в начале похода и представлял себе, что путь вокруг лесов далек и опасен. Вдоль рек и на окраине леса живут свирепые и сильные племена, для которых девятнадцать путников не представляют сколько-нибудь серьезной силы...

Степь с низкими, редко и правильно расставленными деревьями, похожая на фруктовый сад, сбегала к быстрой речке. На противоположном берегу громоздилась гряда черных камней. К ним река нанесла длинный вал из стволов, ветвей, стеблей тростника, высушенных и побелевших.

Отряд беглецов, миновав пальмовую рощу, полностью поваленную слонами, расположился под густым невысоким деревом *. Благовонная смола стекала по стволу, свисавшие с ветвей и ствола длинные лохмотья шелковистой коры монотонно свистели под легким ветром, навевая дремоту на уставших людей.

Внезапно Кидого поднялся на колени; насторожились и остальные. К реке приближался огромный слон. Его появление могло оказаться недобрым. Люди следили за размашистым шагом животного, неторопливо переваливавшегося как бы внутри своей собственной толстой кожи. Слон приближался, беспечно размахивая хоботом, и что-то в его повадке не походило на обычную осторожность этих чутких, внимательных животных. Вдруг послышались человеческие голоса, но слон даже не поднял своих гигантских ушей, закинутых на затылок. Озадаченные путники, переглядываясь, встали и тотчас же, как по команде, приникли к земле — рядом со слоном виднелось несколько человеческих фигур. Только теперь товарищи Пандиона увидели, что на широкой шее слона лежал человек, упираясь скрещенными руками в затылок животного. Слон подошел к реке, вступил в помутневшую под столбами его ног воду. Огромные уши вдруг растопырились, увеличив голову гиганта втрое. Маленькие коричневые глазки всматривались в глубину речки. Лежавший на слоне человек сел, громко хлопнул животное по покато-му черепу. Резкий крик «хейя!» раздался по реке. Слон

* Дерево благовоний.

покачал хоботом, схватил им большой ствол из речного наноса и, высоко подняв его над головой, швырнул в середину речки. Тяжелое дерево громко плеснуло, скрывшись под водой, и вынырнуло несколько мгновений спустя ниже по течению. Слон бросил еще несколько стволов, потом, осторожно ступая, вышел на середину речки и остановился, повернувшись головой против течения.

Тогда пришедшие вместе со слоном — их было восемь человек — чернокожие юноши и девушки с хохотом и криками бросились в холодную воду. Они возились, топили друг друга, — смех и звонкие шлепки по мокрому телу далеко разносились вокруг. Сидевший на слоне весело кричал, но не переставал следить за рекой, время от времени заставляя слона бросать в воду грузные куски дерева.

Путники с удивлением смотрели на происходящее. Дружба людей с огромным слоном была невероятным, неслыханным чудом — всего в трех сотнях локтей стояло серое чудовище, покорное человеку. Как могло случиться, что животное, не знающее себе равных по величине и силе, безраздельно властвовало в степях и лесах, склонилось перед человеком, таким хрупким, слабым и незначительным в сравнении с серой глыбой в шесть локтей от земли до плеча? Что это за люди, подчинившие себе гигантов Африки?

Кави с загоревшимися глазами тронул за бок Кидого. Негр оторвался от наблюдения за веселой забавой и зашептал в ухо этруску:

— Я слышал еще в детстве: на границе лесов и степей где-то живут люди, прозванные повелителями слонов. Вижу, что это не сказка. Вот стоит слон и охраняет купающихся от крокодилов... Говорили, что это люди родственного нам народа и язык их подобен нашему...

— Ты хочешь пойти к ним? — задумчиво спросил этруск, не сводя глаз с человека на слоне.

— Хочу и не знаю... — замялся Кидого. — Если мой язык — их язык, тогда они поймут нас и мы разведем дорогу. Но если их речь другая — плохо: они уничтожат нас, как цыплят!

— Они едят человеческое мясо? — помолчав, снова заговорил Кави.

— Я слышал, что нет. Этот народ богат и силен, — отвечал негр, в замешательстве грызя травинку.

— Я бы попробовал узнать их язык теперь же, не заходя в их селение, — сказал этруск. — Здесь только невооруженная молодежь, и если сидящий на слоне нападет на нас, мы укроемся в траве и кустах. А в селении мы все погибнем, если не сговоримся с победителями слонов...

Совет этруска понравился Кидого. Негр выпрямился во весь свой высокий рост и медленно пошел к реке. Резкий крик слоновожатого прекратил возню купальщиков; те замерли по пояс в воде, глядя на противоположный берег.

Слон грозно повернулся в сторону приближающегося Кидого, хобот, шурша, взвился над длинными белыми бивнями, уши опять раскинулись широкими обвисшими крыльями. Сидевший на слоне вглядывался в пришельца; в правой руке вожатого слегка покачивался поднятый наготове широкий нож с крючком на конце.

Кидого молча подошел почти к самой воде, положил на землю копье, наступил на него ногой и развел в стороны безоружные руки.

— Здравствуй, друг, — медленно и старательно выговаривая слова, сказал Кидого. — Я здесь со своими товарищами. Мы одинокие беглецы, возвращающиеся на родину, и хотим просить помощи у твоего племени...

Слоновожатый молчал. Притаившиеся под деревом путники с замиранием сердца ожидали, поймет ли он речь Кидого или нет. От этого молодого человека зависел важный поворот в судьбе скитальцев.

Слоновожатый опустил нож. Слон переступил в журчавшей вокруг его ног воде, свесив хобот между бивнями. Вдруг туземец заговорил, и вздох облегчения вырвался из груди Пандиона, а стоявший в напряжении Кидого радостно встрепенулся. Речь слоновожатого отличалась резкими ударениями и шипящими звуками, отсутствовавшими в певучем языке Кидого, но даже Пандион узнал в ней знакомые слова.

— Откуда ты, пришелец? — раздался вопрос, с высоты слона звучащий надменно. — Где твои товарищи?

Кидого объяснил, что они были в плену в Та-Кемте и пробиваются на родину — на берег моря. Негр жестом подозвал товарищей, — все девятнадцать человек, исхудалые и мрачные, встали на берегу.

— Та-Кемт, — по складам произнес слоновожатый, — что это такое, где такая страна?

Кидого рассказал о могущественной стране на северо-востоке, расположенной вдоль огромной рски, и слоновожатый удовлетворенно закивал головой.

— Я слышал о ней, это страшно далеко. Как вы могли пройти оттуда? — в словах вожатого зазвучало недоверие.

— Это длинная речь, — устало сказал Кидого. — Посмотри на них, — негр указал на Кави, Пандиона и группу ливийцев: — разве ты видел поблизости таких людей?

Слоновожатый с интересом разглядывал необыкновенные лица. Нисоверие в его взгляде постепенно исчезало, потом он хлопнул рукой по затылку слона:

— Я молод и не могу ничего решить без старших. Перейдите на наш берег, пока слон в реке, и ждите. Что передать вождям от вас?

— Передай, что усталые путники просят разрешения отдохнуть в селении и узнать дорогу к морю. Больше нам ничего не нужно, — четко ответил Кидого.

— Неслыханное дело, невиданные люди, — с интересом заключил слоновожатый, повернулся к своим соплеменникам и закричал: — Идите вперед, я догоню!

Молодые люди, безмолвно созерцавшие пришельцев, послушно бросились на берег, оглядываясь и переговариваясь. Слоновожатый повернул слона боком к течению. Путники по грудь в воде перебрались на другой берег. Тогда слоновожатый, заставив животное идти быстрым шагом, исчез в редких деревьях следом за купальщиками. Бывшие рабы уселись на камнях в тревожном ожидании. Больше всех волновались ливийцы, но Кидого уверял, что повелители слонов не сделают им ничего дурного.

Вскоре в степи показались четыре слона. На спинах животных были привязаны широкие помосты из плетеных ветвей. На каждом помосте сидело шесть воинов, вооруженных луками и очень широкими копиями. Под этой охраной бывшие рабы дошли до селения, находившегося неожиданно близко от места встречи — у поворота той же реки, в четырех тысячах локтей на юго-восток.

На всхолмленной местности, утопая в высокой зелени, издалека виднелось около трехсот хижин.

Слева раскинулся редкий лес, направо, в стороне, стояла высокая изгородь из огромных заостренных столбов, подпертых наружными раскосинами. Вокруг шел глубокий ров, усаженный по краю частоколом острых бревен. Пандион подивился размерам сооружения, а Кидого высказал догадку, что там, повидимому, держат слонов.

Опять, как и много дней назад, на востоке, пришельцы предстали перед вождями и старейшинами огромного селения, опять рассказывалась необыкновенная повесть о мятежных рабах, к которой прибавился новый подвиг далекого пути по неизвестной стране. Вожди подробно расспрашивали путников, осматривали их оружие, красные клейма с именем фараона на спинах, заставляли Пандиона и Кави рассказывать о своих странах на севере далекого моря. Пандиона удивил широкий кругозор этих людей, — они не только слыхали о стране Нуб, откуда пришли чужеземцы, но знали еще множество мест Африки на восток, север, юг и запад.

Кидого торжествовал: теперь местные жители покажут дорогу к родине, и скитальцы быстро достигнут ее, следуя верным путем.

Короткое совещание старейшин решило участь пришельцев: им было позволено отдохнуть несколько дней в селении, получить кров и пищу по священному долгу гостеприимства.

Бывших рабов поместили в большой хижине на окраине селения, — усталые путники могли спокойно отдыхать. Еще больше подбодрило их, что повелители слонов укажут дорогу, что близок конец странствований.

Пандион, Кидого и Кави бродили по селению, приглядываясь к жизни народа, внушавшего им уважение своей властью над гигантскими животными. Пандион изумлялся длинным загородкам для привязи скота, сделанным из слоновых бивней*. Молодому эллину чудилось в этом нарочитое презрение к страшным чудовищам. Каким же количеством клыков располагал народ, если мог тратить драгоценную слоновую кость на такие пустяковые дела? Когда Пандион задал такой вопрос одному из жителей поселка, тот важно посоветовал ему попросить у вождей разрешения осмотреть большой склад в центре поселения.

— Там сложено клыков вот сколько! — человек показал на прогалину между двумя хижинами длиной в полтора локтя и затем поднял над головой палку, обозначив высоту сложенной из бивней стены.

— Как вы можете повелевать слонами? — не утерпев, задал вопрос Пандион.

Собеседник его нахмурился и подозрительно посмотрел на эллина.

— Это тайна для чужеземцев, — медленно ответил он. — Спроси, если хочешь, об этом у вождей. Те из них, которые носят на шее золотую цепь с красным камнем, и есть главные учителя слонов...

Пандион вспомнил, что им было запрещено приближаться к окруженной рвом изгороди, и замолчал, досадуя на себя за промах. В это время Кидого позвал друга — негр оказался под длинным навесом, где работало несколько человек. Пандион увидел там гончарную мастерскую — мастера повелителей слонов изготавливали большие глиняные горшки для зерна и пива.

Кидого не утерпел. Взяв большой ком хорошо размешанной влажной глины, негр уселся на корточки, поднял глаза к тростниковому потолку, подумал и принялся лепить уверенными движениями своих больших, истосковавшихся по любимой работе рук. Пандион следил за работой друга; мастера, пересмеиваясь, не прерывали своего дела. Медленно срезали, сглаживали и

* Загородки из слоновых бивней встречались по верховьям Нила у шиллуков еще в середине XIX века.

приминали глину черные руки, в бесформенной массе стали намечаться контуры широкой заостренной спины, складок кожи, свисавшей мешком с плеч, — в глине выступил характерный облик слона. Гончары умолкли и, оставив работу, окружили Кидого, а тот, увлекшись, не обращал ни на кого внимания.

Вот твердо стали на почву толстые ноги, слон поднял голову с вытянутым вперед хоботом. Кидого нашел несколько палочек и, воткнув их веером, вылепил на этой основе раскинутые в стороны перепончатые уши. Восторженные восклицания послышались и смолкли. Один из гончаров незаметно вышел из-под навеса и исчез.

Кидого работал над задними ногами слона, не замечая, что в круг собравшихся зрителей вошел вождь — старик с длинной, худой шеей, с массивным крючковатым носом и маленькой поседевшей бородкой. На груди вождя Пандион увидел красный камень на золотой цепи, — это был один из главных учителей слонов.

Старик молча следил за окончанием работы негра. Кидого отошел, потирая запачканные в глине ладони, улыбаясь и критически осматривая фигуру слона высотой в локоть. Горшечники одобрительно завопили. Старый вождь поднял тяжелые брови, и шум утих. Старик с видом знатока притронулся к мокрой глине, потом сделал Кидого знак подойти к нему.

— Ты, я вижу, мастер, — многозначительно произнес вождь, — если легко и просто сделал то, чего не может ни один из нашего народа. Отвечай, можешь ли ты сделать такое же изображение, но не слона, а человека? — и вождь ткнул себя в грудь.

Кидого отрицательно замотал головой. Вождь померчал.

— Но среди нас есть мастер лучше меня, мастер далекой северной страны, — сказал Кидого. — Твое изображение может сделать он, — негр указал на стоявшего поблизости Пандиона.

Старик повторил свой вопрос, обращаясь к молодому эллину. Пандион увидел умоляющие глаза друга и согласился.

— Только знай, вождь, — сказал Пандион: — на моей родине высекают фигуры из мягкого камня или вырезают из дерева. Здесь у меня нет ни инструментов, ни камня, я могу тебя сделать только из этой же глины, вот так, — и молодой эллин провел ребром ладони по груди. — Глина скоро высохнет и растрескается, твое изображение простоит лишь несколько дней...

Вождь улыбнулся.

— Я хочу только посмотреть, что может сделать чужеземный мастер, — сказал старик. — И наши мастера пусть посмотрят.

— Хорошо, я попробую, — отвечал Пандион. — Но тебе придется сидеть передо мной, пока я буду работать.

— Зачем? — удивился вождь. — Разве ты не можешь лепить, как он? — старик показал на Кидого.

Пандион замялся, подыскивая слова.

— Я сделал просто *слона*, — вмешался в разговор Кидого. — Но разве ты, учитель слонов, не знаешь, что один слон не походит на другого? Только незнакомому с ними человеку слоны кажутся все, как один.

— Ты сказал верно, — согласился вождь. — Для меня видна сразу душа любого слона, и я могу предсказать его поведение.

— Вот, — подхватил Кидого: — чтобы сделать такого слона, я должен видеть его перед глазами. Так и мой товарищ: он сделает не просто человека, а именно тебя, и ему нужно смотреть на тебя при работе.

— Я понял, — сказал старик. — Пусть твой товарищ приходит ко мне в час дневного отдыха, и я буду сидеть перед ним.

Вождь удалился. Гончары поставили глиняное изображение слона на деревянную скамейку. Любопытные жители все прибывали.

— Ну, Пандион, — сказал Кидого другу. — В твоих руках наша судьба. Если твоя статуя понравится вождю, повелители слонов помогут нам...

Молодой эллин кивнул головой, и оба друга пошли к дому, провожаемые толпой детей, следовавших по пятам за странными пришельцами.

— Ты можешь говорить? — спросил вождь, откинувшись на высоком неудобном сидении, в то время как Пандион торопливо накладывал принесенную гончаром глину на толстый обрубок дерева. — Это не мешает твоему делу?

— Могу, только я плохо знаю ваш язык, — отвечал Пандион. — Я не смогу понять всего, что ты скажешь, и буду отвечать тебе малыми словами.

— Тогда позови твоего друга, жителя приморских лесов; пусть он будет с тобою. Мне скучно сидеть, подобно безъязычной обезьяне!

Явился Кидого и уселся, поджав ноги, у стула вождя, между стариком и Пандионом. С помощью негра вождь и эллины смогли довольно свободно беседовать. Вождь расспрашивал Пандиона о его земле, и Пандион под пронизательным взглядом старика проникся доверием к умному, много повидавшему повелителю слонов.

Пандион рассказал старику о своей жизни на родине, о Тессе, о путешествии на Крит, рабстве в Та-Кемте и своих намерениях вернуться на родную землю. Он говорил, пальцы его лепили, а Кидого переводил все сказанное. Скульптор работал с особенным вдохновением и упорством. Статуя вождя казалась ему указательным столбом в гавань его родины. Воспоминания разожгли нетерпение, остановка у повелителей слонов опять томила молодого эллина.

Старик вздохнул и пошевелился: он, видимо, устал.

— Скажи мне что-нибудь на своем языке, — вдруг попросил старый вождь.

— То элленикон элефтерон! — громко произнес Пандион.

Странно зазвучали здесь, в глубине Африки, слова, которые так любил повторять его дед, рассказывая мальчику Пандиону о славе и героях родного народа.

— Что ты сказал? — переспросил вождь.

Пандион объяснил, что эти слова выражают мечту каждого жителя его страны: «эллинское свободно».

Старик задумался. Кидого осторожно заметил Пандиону, что вождь устал и на сегодня хватит.

— Да, довольно! — поднял голову учитель слонов. — Приходи завтра. Сколько дней тебе еще нужно?

— Три дня! — уверенно сказал Пандион, несмотря на предостерегающие знаки Кидого.

— Три дня — это ничего, я потерплю, — согласился старик и поднялся с сиденья.

Пандион и Кидого обернули глину мокрой тканью и убрали в темную кладовую, рядом с домом вождя.

На второй день оба друга рассказали вождю о Та-Кемте, его могуществе, исполинских постройках. Старик был задет сведениями о народе Айгюптоса, хмурился, но слушал с интересом. Когда Пандион упомянул об однообразии узкого мира египтян, вождь оживился.

— Теперь пора вам узнать о моем народе, — важно сказал старик. — Вы унесете вести о нем в ваши далекие страны.

И вождь поведал друзьям, что повелители слонов, пользуясь своим могуществом, совершают далекие путешествия по стране. Единственная опасность, которая грозит им, едущим на слонах, исходит от встречных стад слонов: всегда слон может неожиданно решиться уйти к своим диким сородичам. Но есть известные способы предотвратить это.

Вождь говорил о том, что дальше на восток и юг от тех мест, где жили у гостеприимного народа бывшие рабы, за болотами и горами лежат пресные моря. Они так велики, что по ним можно плавать только на особых лодках, и для того, чтобы пересечь пресное море, требуется несколько дней. Эти пресные моря * идут цепью друг за другом в южном направлении, окаймлены горами, извергающими дым, пламя и огненные реки. Но за морями опять идет суша — высокие плоскогорья, населенные многочисленными животными, а настоящий край земли — берег бесконечного моря — лежит на востоке за каймою болот.

На плоскогорьях стоят не очень далеко друг от друга две гигантские ослепительно белые горы **,

* Пресные моря — цепь великих озер Восточной Африки.

** Кения и Килиманджаро — две высочайшие вершины Африки с вечными снегами и ледниками.

красоту которых не может представить человек, не видавший их.

Дремучие леса опоясывают эти горы, в лесах обитают дикие люди и таинственные звери редкой древней породы, описать которых невозможно. Повелители слонов видели ущелья, заваленные огромными костями вперемежку с останками людей и обломками их каменного оружия. Дикие кабаны, ростом с носорога, иногда попадались в зарослях вблизи северной белой горы, и один раз видели там животное не меньше слона, только еще более тяжелое, с двумя рогами, расположенными рядом на конце морды.

На пресных морях живут люди в плавающих селениях *, неуязвимые для врагов и сами не дающие никому пощады.

Пандион спросил вождя, как далеко идет на юг земля Африки и верно ли то, что там солнце опять спускается ниже.

Старик воодушевился. Оказалось, что он сам начальствовал в великом походе на юг, когда ему не исполнилось еще сорока лет.

Они шли на двадцати отборных слонах за золотом и за драгоценной травой тамошних степей, возвращающей силы старикам и больным.

За большой рекой **, текущей с запада на восток, где гремят исполинские водопады и в столбах водяных брызг стоит вечная радуга, простирается необозримая степь голубых трав ***. По краям степи, вдоль моря, на западе и на востоке растут могучие деревья, листья которых будто сделаны из полированного металла и горят на солнце, как миллионы зеркал ****.

Цвет травы и листьев на дальнем юге не зеленый,

* *Плавающие селения* встречаются в настоящее время на великих озерах. Построены на больших плотах.

** Замбези с ее знаменитыми водопадами Виктория.

*** *Степь голубых трав* — южноафриканская степь. Южная Африка отличается особенной растительностью, в которой преобладают сизые, голубоватые и зеленовато-голубые окрашивающие растения.

**** Деревья с зеркально-блестящими листьями характерны для лесов Южной Африки.

а серый, голубой или сизый, что придает местности чужой и холодный вид. И на самом деле, чем дальше на юг, тем делается все холоднее. Время дождей, которое там наступает, наоборот, во время нашей засухи, невыносимо холодное для людей севера.

Старик рассказал Пандиону о необычайном серебряном дереве, встречающемся далеко на юге, в горных ущельях. Это дерево высотой до тридцати локтей, имеющее тонкую, поперечно морщинистую кору, густые ветви, покрытые блестящими, как серебро, и мягкими, как пух, листьями, исполнено волшебного очарования.

Бесплодные каменистые горы поднимаются исполинскими лиловыми башнями и отвесными стенами, а у их подножия ютятся корявые деревья, покрывающиеся большими пучками яркочерных цветов.

В бесплодных местах степи и на россыпях скал растут уродливые кусты и низкие деревья*. Мясистые листья, наполненные ядовитым соком, сидят, как растопыренные пальцы, на самых концах попарно разветвленных, устремляющихся прямо в небо ветвей. У других такие же листья, красноватого цвета, загибаются вниз и образуют густую шапку на конце кривого ствола, без ветвей, в четыре локтя высоты.

Близ рек и на опушках лесов встречаются развалины древних построек, сделанных из огромных обтесанных камней, видимо, могущественным и искусным народом. Однако сейчас никто не живет около развалин, только страшные дикие собаки воют в них при свете луны. По степи бродят кочевники-скотоводы или нищие охотники. Еще дальше на юг обитают народы с серой светлой кожей**, владеющие бесчисленными стадами быков, но туда не заходил отряд повелителей слонов.

Пандион и Кидого жадно слушали вождя. Повесть о голубой южной степи казалась сказкой, вплетенной

* Разные виды алоэ семейства лилейных, также драконовых деревьев.

** Народы готтентотского типа в древние времена были распространены гораздо шире, чем теперь. Есть основания думать о их родстве с древними египтянами.

в действительность, но голос старика звучал убедительно, он часто устремлял вдаль возбужденно блестящие глаза, и Пандиону казалось, что перед стариком проходили сохраненные памятью картины.

Вдруг вождь оборвал рассказ.

— Ты перестал работать,—усмехнулся он. — Тогда мне придется сидеть перед тобой еще много дней!

Пандион заторопился, но это, пожалуй, было не нужно: молодой скульптор чувствовал, что бюст старого вождя удался ему, как ни одна вещь прежде. Мастерство зрело в нем незаметно и постепенно, несмотря на все перенесенные испытания; огромный опыт и наблюдения в Айгюптосе не прошли даром.

На третий день Пандион несколько раз сравнивал лицо вождя со своей глиняной моделью.

— Готово! — сказал он, глубоко вздохнув.

— Ты кончил? — переспросил вождь и, увидев утвердительный кивок головы скульптора, встал и подошел к своему изображению.

Кидого восторженно смотрел на создание Пандиона, едва сдерживая слова одобрения.

Одноцветная глина приняла все характерные черты властного, умного и сурового лица, с твердыми, выдвинутыми вперед челюстями, широким наклонным лбом, тяжелыми губами и раздувшимися ноздрями толстого носа.

Старый вождь негромко крикнул, обернувшись к дому.

На зов появилась одна из жен, молодая, со множеством мелких косичек, подрезанных челкой над бровями. Она подала старику круглое зеркало из полированного серебра, явно северной работы, неизвестными путями попавшее в глубь Африки.

Вождь поднес зеркало на вытянутой руке к щеке изваяния и сосредоточенно стал сравнивать свое отражение с творением Пандиона.

Пандион и Кидого ожидали суждения старика. Долго молчал вождь, наконец опустил зеркало и тихо сказал:

— Велика сила человеческого умения... Ты, чужеземец, владеешь этой силой, как никто в нашей стране.

Ты сделал меня лучше, чем я есть,—значит, ты думаешь обо мне хорошо. Я отплачу тебе тем же. Какой бы ты хотел награды?

Кидого подтолкнул Пандиона, но молодой эллин ответил мудрому старику словами, казалось, исходившими из самого сердца.

— Вот я весь перед тобой. У меня нет ничего, кроме копья, подаренного мне... — Пандион запнулся и порывисто закончил: — И мне ничего не нужно здесь, в чужой для меня стране... Еще у меня есть родина — она так далеко от меня, но это самое большое мое богатство. Помоги мне вернуться туда!

Укротитель слонов положил руку на плечо молодого эллина отеческим жестом:

— Мне хочется еще говорить с тобой, приходи завтра вместе с твоим другом. А сейчас покончим дело. Я велю нашим мастерам высушить глину так, чтобы она не растрескалась. Теперь я хочу сохранить свое изображение. Они вынут лишнюю глину изнутри и покроют ее особой смолой — они умеют это делать. Только мне не нравятся слепые глаза. Можешь ты вставить в них камни, которые я тебе дам?

Пандион согласился. Старик снова позвал жену, она появилась на этот раз с ящиком, обтянутым леопардовой шкурой.

Из ящика вождь достал объемистый мешочек и высыпал из него на ладонь горсть крупных, прозрачных, как вода, граненых камней овальной формы. Необычайный искрящийся блеск их привлек внимание Пандиона — каждый камень как бы собирал в себе всю силу солнечного света, оставаясь вместе с тем холодным, прозрачным и чистым*.

— Я всегда желал иметь такие глаза, — сказал вождь, — чтобы они собирали свет жизни, не меняясь сами. Выбери лучшие и вставь их.

Молодой скульптор повиновался. Статуя вождя приобрела особенный, непередаваемый вид. В серой сырой глине сияли на месте глаз светопосные камни; — от их блеска лицо наполнилось волшебной жизнью.

* Алмаз.

Контраст, сначала показавшийся Пандиону неестественным, потом изумил его. Чем дольше он всматривался, тем большую гармонию видел он в сочетании прозрачных глаз с темной глиной скульптуры.

Учитель слонов был очень доволен.

— Возьми себе на память этих камней, чужеземный мастер! — воскликнул вождь и высыпал в горсть Пандиону несколько штук. Некоторые превышали величиной косточку сливы. — Эти камни тоже из южных степей: их находят там в реках. Тверже и чище этих камней нет ничего в мире. Покажи на своей далекой родине чудеса юга, добытые повелителями слонов.

Пандион, поблагодарив старика, ушел, на ходу пряча подарок в мешочек с камнем Яхмоса.

— Не забудь, приходи завтра! — крикнул ему старый вождь.

В хижине бывшие рабы оживленно обсуждали, что получится в результате успеха, выпавшего на долю Пандиона. Надежда на скорое продолжение пути все крепла. Казалось невозможным, чтобы повелители слонов не отпустили путников и не показали им верной дороги.

В назначенное время Пандион и Кидого появились у дома вождя. Старик поманил их рукой. Друзья уселись у ног учителя слонов, стараясь скрыть волнение.

Старик посидел некоторое время молча, потом заговорил, обращаясь сразу к обоим:

— Я совещался с другими вождями, и они согласны со мной. Через пол-луны, после большой охоты, мы отправляем отряд на запад за целебными орехами и золотом. Шесть слонов пойдут через лес и дальше в верховья большой речки в семи днях пути отсюда. Дай мне палку, — приказал вождь Пандиону.

На земле старик начертил берег морского залива, углом врезавшегося в сушу, и Кидого слабо вскрикнул. Вождь провел извилистую черту, обозначающую речку с разветвлением на конце, и поставил в развилине крестик.

— Слоны дойдут вот сюда, вы пойдете за ними следом и легко перейдете лес. Дальше вам придется идти самим, но до моря останется пять дней пути...

— Отец и владыка, ты спасаешь нас! — вне себя закричал Кидого. — Эта речка течет уже в пределах моей страны, и мне знакомо золотопосное плоскогорье... — Негр вскочил и заметался перед вождем.

— Я знаю, — спокойно сказал старик, насмешливо улыбаясь: — Я знаю твой народ и твою страну и некогда знал там сильного вождя Иорумефу.

— Иорумефу! — захлебнулся Кидого. — Это мой дядя по матери.

— Хорошо, — перебил вождь негра. — Ты передашь ему привет от меня. Теперь ты понял все? — И, не дожидаясь ответа, он закончил: — Я хочу говорить с твоим другом. — Вождь повернулся к Пандиону. — Я чувствую, ты будешь большим человеком в своей стране, если удастся тебе вернуться на родину. Спрашивай меня, о чем хочешь, я отвечу тебе.

— Я давно думал узнать у тебя, как повелеваете вы слонами, — сказал Пандион. — Или это тайна?.. — добавил он несмело.

— Обучение слонов — тайна только для глупцов, — улыбнулся старик. — Любой умный человек легко ее разгадает... Но, помимо тайны, есть тяжелый и опасный труд, исполненный бесконечного терпения. Мало одного ума, — нужна еще и работа. Мало в здешней земле племен, которые обладали бы сразу тремя качествами, имеющимися у моего народа: умом, трудолюбием и безмерной отвагой. Чужеземец, знай, что взрослого слона приручить невозможно. Мы ловим их совсем молодыми. Молодой слон обучается десять лет. Десять лет упорного труда нужно затратить, чтобы животное стало понимать приказания человека и выполнять нужную работу.

— Десять лет! — воскликнул озадаченный Пандион.

— Да, не меньше, если ты правильно определил характер слона. Если ты ошибся, ты не справишься с ним и в пятнадцать. Среди слонов есть и упрямы и

верхности скал змеились черные трещины. Охотник довел друзей до выступа, приходившегося против края болота, велел укрыться за пучками жесткой травы и камнями, сделал знак молчания и исчез.

Этруск, негр и эллин долго лежали под палящими лучами солнца, не смея разговаривать. Ни одного звука не доносилось со стороны расстилавшейся внизу долины.

Вдруг слева послышался неясный хлюпающий шум, приближавшийся и усиливавшийся. Пандион осторожно выглянул из-за камня сквозь едва колеблющуюся траву и замер.

Темносерая туча тысяч слонов покрыла болото. Гигантские животные проходили наискось от гряды скал и, пересекая границу степи и болота, направлялись на юго-восток.

Тела животных ясно выделялись на желто-серой траве. Слоны шли стадами от ста до пятисот штук, группы следовали одна за другой цепью с небольшими промежутками. Каждое стадо грудилось плотной массой, животные тесно прижимались друг к другу, и сверху казалось, что движется сплошное серое пятно с волнистой поверхностью сотен спин, испещренной белыми черточками бивней.

На топких местах стадо растягивалось в узкую ленту. Некоторые слоны бросались в стороны, растопыривая уши и смешно расставляя выпрямленные задние ноги, но потом снова вливались в поток.

Одни, большей частью огромные самцы, не торопясь, переставляли ноги, опустив головы и уши; другие важно выступали, высоко приподняв переднюю часть тела и перекрещивая задние ноги; третьи часто поворачивались боком, оттопыривая тонкие хвосты. Бивни самой различной величины и формы, короткие и длинные, почти касавшиеся земли, изогнутые и прямые, белели в темносерой массе огромных тел.

Кидого приблизил губы к уху Пандиона.

— Слоны переходят на болота и реки, степь высохла, — прошептал негр.

— А где же охотники? — спросил молодой эллин.

— Они спрятались, ждут стада, где много маленьких слонов, — такое стадо пойдет сзади всех. Здесь, видишь, только взрослые.

— Почему у одних слонов короткие бивни, а у других они длинные?

— У них бивни сломаны.

— В битве между собою?

— Мне говорили: между собою слоны дерутся очень редко. Гораздо чаще слон ломает бивни, когда валит деревья. Бивнями он выворачивает деревья, чтобы съесть плоды, листья и тонкие ветви. У лесных слонов бивни гораздо крепче, чем у степных, — вот почему из лесов идет для торговли твердая слоновая кость, а из степей мягкая.

— А эти слоны степные или лесные?

— Степные, посмотри сам. — Кидого указал на старого слона, замешкавшегося недалеко от скалы, где сидели друзья.

Серый великан, стоя по колени в траве, повернулся прямо к смотревшим на него. Широко раскинутые уши оттопырились, кожа их натягивалась, как парус, нижние края обвисали мелкими складками. Слон опустил голову. От этого движения покатым лоб животного выдвинулся вперед, глубокие ямы ввалились между глазами и теменем, и вся голова сделалась похожей на толстую, утончающуюся книзу колонну, незаметно переходившую в отвесно опущенный хобот. Глубокие поперечные складки, похожие на темные кольца, пересекали хобот на равных промежутках. У основания его косо в стороны и книзу расходились кожистые трубки, из которых торчали широко расходившиеся бивни, очень толстые и короткие.

— Я не понимаю, как ты узнал, что слон степной, — прошептал Пандион, внимательно осмотрев спокойного старого великана.

— Видишь его бивни? Они не сломаны, а стерты. У старика они не растут так, как у слона в расцвете сил, и он сильно стер их потому, что они мягкие. У лесного слона не увидишь таких бивней — они чаще бывают тонкие и длинные...

Друзья тихо переговаривались. Время шло. Передние слоны скрылись за горизонтом, стадо превратилось в темную полосу.

Слева показалось еще одно большое стадо. Во главе шли четыре самца чудовищной величины — около восьми локтей высоты. Они двигались, покачивая головами, и длинные, слегка изогнутые бивни то поднимались, то касались травы острыми концами.

В стаде было много слоних, отличавшихся впалыми спинами и большими складками кожи на боках. За ними, вплотную к задним ногам, неуверенно шли маленькие слонята, а сбоку, несколько особняком, весело ступала подростящая молодежь. Маленькие бивни и уши, небольшие продолговатые головы, большие животы и одинаковая высота передних и задних ног отличали их от взрослых.

Друзья поняли, что приближается решительный момент охоты. Маленьким слонам трудно было идти по болоту, и стадо отклонилось вправо, выбравшись на твердую почву между кустарниками и редкими деревьями.

— Почему слон, такой тяжелый, не вязнет в болоте? — опять спросил Пандион.

— У него особые ноги, — начал Кидого, — он...

Оглушительный гром металлических листов и барабанов, неистовые вопли внезапно разнеслись по степи — у друзей перехватило дух от неожиданности.

Слоновое стадо в панике ринулось к болоту, но там из травы возникла цепь людей с барабанами и трубами. Животные, идущие впереди цепи, отпрянули назад, остановив напор задних. Пронзительный трубящий рев испуганных слонов, гром металлических листов, хруст ломающихся ветвей — в этом адском шуме изредка пробивались тоненькие, жалобные вопли слонят. Животные заматались, то скучиваясь вместе, то бросаясь врассыпную. В хаосе мечущихся гигантов, в клубах густой пыли мелькали люди. Они не приближались к стаду, перебежали, выстраивались и снова ударяли в листы. Постепенно друзья поняли, что делали охотники: они отбивали молодых слонов от взрослых и оттесняли их направо в широкое устье сухой долины,

врезанной в скалистую цепь и загражденной полосой деревьев. Серые великаны устремлялись на охотников, стремясь растоптать, сокрушить неведомо откуда взявшихся врагов. Но люди, высоко подпрыгивая, на мгновение скрывались в кустарниках и деревьях. Пока разъяренные животные размахивали хоботами, разыскивая спрятавшихся врагов, с другой стороны возникали новые ряды воинов, бешено орущих и гремящих металлическими листами. Слоны бросались на этих охотников, и люди опять повторяли тот же маневр, стараясь отделить молодых животных.

Стадо отходило все дальше в степь, серые тела скрылись за деревьями, и только оглушительный шум и высоко взлетающая пыль указывали на место охоты.

Ошеломленные друзья, пораженные бесстрашием и ловкостью людей, избегавших ярости кидавшихся на них чудовищ и неуклонно продолжавших свое опасное дело, молча смотрели на опустевшую степь с примятым кустарником и поломанными деревьями. Кидого озабоченно хмурился, прислушивался и, наконец, тихо сказал:

— Что-то плохо... Охота пошла не так, как нужно!

— Откуда ты знаешь это? — удивился Кави.

— Если они привели нас сюда, значит рассчитывали, что стадо пойдет на восток, прямо от нас. А теперь стадо ушло вправо. Я думаю, что это нехорошо.

— Пойдем туда, — предложил Пандион: — назад по уступу, как пришли.

Кидого недолго размышлял и согласился. В сумятице сражения их приход ничего не значил.

Укрываясь за травой и камнями, низко пригнувшись, этруск, эллин и негр передвинулись на тысячу локтей назад, вдоль скалистой цепи, пока не оказались снова над открытым местом равнины.

Друзья увидели расщелину в скалах, куда охотникам удалось загнать больше десятка молодых слонов. Люди сновали между деревьями, искусно набрасывая на слонят петли и привязывая к стволам.

Цепь охотников, вооруженных широкими копьями, замыкала выход из долины. Грохот и крики раздава-

лись в двух тысячах локтей впереди и направо, — там, повидному, находилась большая часть стада.

Вдруг отрывистые и резкие трубные звуки послышались спереди и слева. Кидого вздрогнул.

— Слоны нападают, — тихо прошептал он.

Протяжно застонал человек, гневные крики другого прозвучали командой.

В дальнем конце открытой поляны, там, где два раскидистых дерева отбрасывали большие пятна тени, друзья заметили движение. Мгновение — и оттуда вынырнул огромный слон с растопыренными ушами и вытянутым вперед, как бревно, хоботом. Рядом с ним возникли два таких же гиганта — Пандион узнал чудовищных вожakov стада. Четвертый в сопровождении еще нескольких слонов бежал позади. Наперерез слонам справа из кустов выскочили охотники. Они вклинились между ними, на ходу бросая в слона, появившегося последним, копья. Тот неистово затрубил и бросился за людьми, быстро бежавшими в сторону болота. За ним повернули и остальные слоны. Три вожак, не обращая внимания на хитрый маневр людей, отделивших их от товарищей, продолжали нестись к долине в скалах, должно быть привлеченные криками молодых слонов.

— Худо, худо, вожаки вернулись с другой стороны... — взволнованно шептал Кидого, сдавливая до боли руку Пандиона.

— Смотри... смотри на храбрецов! — воскликнул, забывшись, Кави.

Воины, заграждавшие вход в долину, не дрогнули, не спрятались от разъяренных чудовищ. Они выступили вперед длинной цепью. Выгоревшая низкая трава не могла скрыть ни одного движения людей.

Слон, бежавший первым, устремился прямо в середину цепи охотников. Двое людей остались неподвижными, а их соседи с обеих сторон вдруг прыгнули навстречу налетевшему чудовищу. Слон замедлил бег, высоко поднял тяжелый хобот и, злобно свистя, с топотом обрушился на людей. Не больше десяти локтей расстояния оставалось между храбрецами и слоном, когда те молниеносно прыгнули в стороны. И в этот

же миг у задних ног чудовища выросли по два человека с каждой стороны. Двое вонзили широкие копыя в брюхо животного, двое, откинувшись назад, ударили по задним ногам слона.

Высокий свистящий звук вырвался из поднятого хобота вожака. Опустив его, слон повернул голову в сторону ближайшего справа человека. Тот не успел или не мог увернуться. Брызнула кровь, и три друга отчетливо увидели обнажившиеся на плече и боку человека кости. Раненый безмолвно упал, но и гигантский слон грузно осел на задние ноги и медленно, боком двинулся в сторону. Охотники, оставив его, присоединились к товарищам, сражавшимся с двумя другими вожаками. Те оказались умнее или уже имели опыт в борьбе с человеком: исполинские чудовища бросались из стороны в сторону, не давая возможности подкрасться к ним сзади, и задавили трех охотников.

В лучах заходившего солнца багровела пыль, застилавшая весь участок. Слоны казались гигантскими черными башнями, у подножия которых сновали страшные люди. Они прыгали, увертываясь от длинных клыков, подставляли под хоботы упертые в землю копыя, с криками забегали сзади, отвлекая нападающих слонов от товарищей, гибель которых была бы неизбежной.

Животные, разъяренные до неистовства, непрерывно трубили. Когда они поворачивались головами к скале, на которой сидели три друга, то казались необычайно высокими; широкие пятна растопыренных ушей раскачивались над людьми. Сбоку слон с опущенной головой казался ниже, бивни почти загребали землю, готовые вот-вот поддеть человека. Пандион, Кидого и Кави понимали, что видят только часть сражения. Оно происходило и вдали за деревьями, где находилось все стадо, и налево на болоте, куда побежали охотники, отвлекая четвертого вожака и прорвавшихся с ним слонов. Что делалось там, было тайной для друзей, но они не могли думать об этом — красавое сражение перед ними всецело завладело их вниманием.

Из-за деревьев загремели, приближаясь, барабаны — отряд в несколько десятков воинов прибыл на

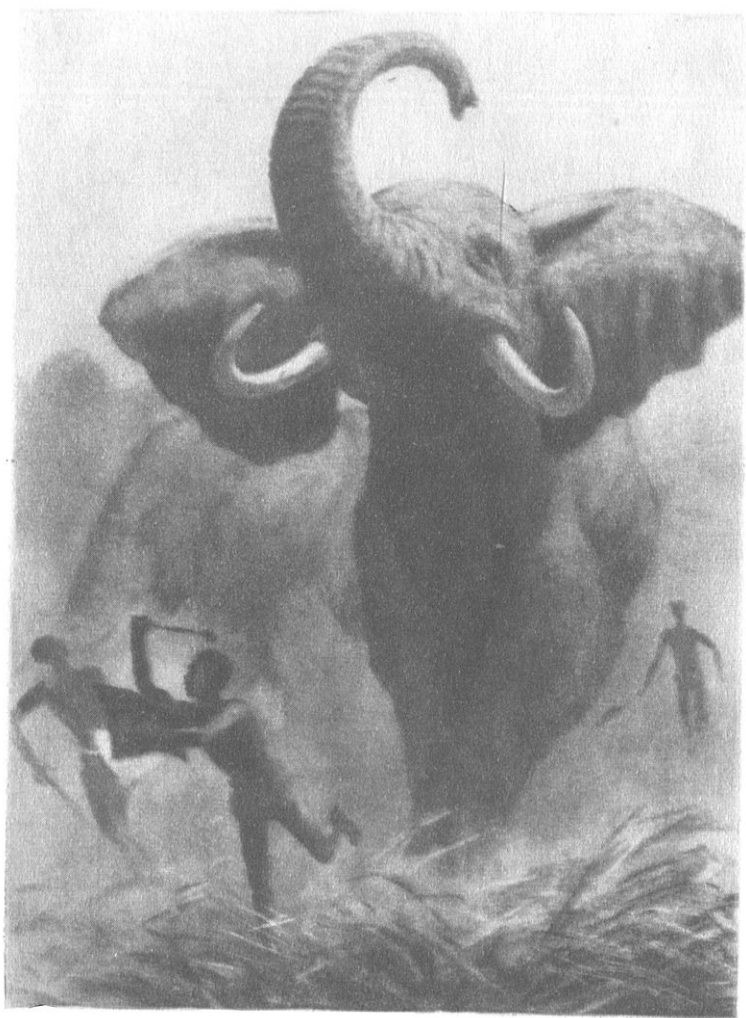
подмогу к сражавшимся. Вожаки слоновьего стада остановились как бы в нерешительности, люди грозно закричали, размахивая копьями, и тогда чудовища отступили. Они бросились к своему третьему товарищу, лежавшему на земле, и, подогнув ноги, стали по бокам раненого, подсунули под него бивни и подняли на ноги. Затем, стиснув его своими телами, гиганты потащили его за деревья, уронили, опять подняли и скрылись. Несколько охотников бросилось вдогонку, но были остановлены человеком, распоряжавшимся охотой.

— Не уйдет... скоро бросят... опять разъярятся, — перевел Кидого его слова.

Шум направо все удалялся и затихал: битва, повидому, была выиграна. Со стороны болота, с севера, показалось несколько охотников, они несли два неподвижных тела. На троих друзей никто не обращал внимания. Негр, этруск и эллин осторожно спустились в степь, чтобы осмотреть поле боя. Друзья пошли туда, где была главная часть стада. Пробиваясь через кусты, Кидого вдруг испуганно отпрянул — на сломанной от падения слоновьей туши вершине дерева лежал умирающий слон. Конец его хобота слегка шевелился. Дальше деревья становились реже, и между ними виднелась серая груда — второй слон лежал на брюхе, с подогнутыми ногами, с выгнутой горбом спиной. Почувяв приближение людей, животное подняло голову. Вокруг его потускневших и запавших глаз залегли глубокие складки кожи, придававшие слону старческое выражение бесконечной усталости. Гигант поник головой, упершись на длинные бивни, потом с глухим стуком упал на бок.

Вокруг перекликались охотники. Кидого махнул рукой и повернул назад — с юга показалось опять стадо слонов. Друзья поспешили к скалам, но тревога была ложной, — это подходили обученные животные повелителей слонов.

Привязанные к деревьям молодые слоны топорили хвосты и бешено бросались на людей, стараясь достать их вытянутыми хоботами. Слоновожатые ставили прирученных слонов по бокам каждого пленника. Они сжимали пойманного своими телами и уводили

К стр. 246.

к селению. На всякий случай к шее и задним ногам слоненка были привязаны канаты; каждый держали по пятнадцать охотников, шедших впереди и сзади.

Лица людей, усталые и похудевшие от страшного напряжения, были угрюмы. Уже одиннадцать неподвижных тел было положено на плетеные площадки на спинах слонов, а люди все еще рыскали в кустах в поисках двух куда-то пропавших товарищей.

Слонов с пойманными слонятами увели. Охотники сидели и лежали на земле, отдыхая после боя. Друзья подошли к распорядителю охоты, и Кидого осведомился, не могут ли они чем-нибудь помочь. Распорядитель сердито посмотрел на них и грубо сказал:

— Помочь? Чем вы можете помочь, чужеземцы? Охота была тяжелой, мы потеряли много храбрецов... Ждите, где вам приказано, не мешайте нам!

Друзья отошли к скалам и уселись в стороне, боясь ссоры с людьми, от которых зависело все их будущее.

Кави, Пандион и Кидого лежали в ожидании, когда их позовут, и негромко разговаривали. Солнце садилось, черные тени от зубчатых скал продвигались в степь.

— Я не понимаю все же, как громадные слоны не уничтожают в бою всех охотников, — задумчиво произнес Кави. — Если бы слоны сражались крепче, они просто стерли бы людей в пыль...

— Ты прав, — отозвался Кидого. — Счастье людей в том, что у слона слабое сердце...

— Как может это быть? — изумился этруск.

— Просто слон не привык сражаться. Он так силен и велик, что на него никто не нападает, ему не грозят опасности, и только человек осмеливается охотиться на него. Поэтому серый великан не стойкий боец, его воля легко ломается, и он не выдерживает долгого сражения, если не сомнет врага сразу... Вот буйвол — другое дело. Если бы у него были ум и размеры слона, погибли бы все охотники...

Кави промычал что-то неопределенное, не зная, верить ли негру, но вспомнил, какую нерешительность

в самый нужный момент боя проявляли слоны сегодня у него на глазах, и промолчал.

— У повелителей слонов копыта совсем другие, чем у нас: лезвие восемь пальцев ширины, — вмешался Пандион. — Какую же силу надо иметь для удара таким копытом?

Кидого вдруг встал и прислушался. Ни одного звука не доносилось с той стороны, где расположились охотники. Золотое от зари небо быстро тускнело.

— Они ушли и забыли про нас, — воскликнул негр и выбежал из-за выступа утеса.

Все было пусто кругом. Вдали слышались еле различимые голоса — охотники ушли в селение, оставив троих друзей.

— Идем за ними скорей, путь далек, — заторопился Пандион, но негр остановил друга.

— Поздно, сейчас погаснет заря, и мы в темноте собьемся с дороги, — сказал Кидого. — Лучше подождать, пока взойдет луна, это будет скоро.

Кави и Пандион согласились и прилегли отдохнуть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СЫНЫ ВЕТРА

В непроницаемой тьме завывали гиены, жалобно завопили шакалы. Кидого нервничал, часто поглядывая на восток, где пепельно-серый просвет неба над вершинами деревьев возвещал восход луны.

— Я не знаю, есть здесь дикие собаки или нет,— бормотал Кидого. — Если они придут, будет беда. Собаки нападают дружно, всей стаей и одолевают даже буйволов...

Небо все светлело, наконец угрюмо черневшие утесы засеребрились, деревья на степи выделились черными силуэтами. Взошла луна.

Крепко сжимая копья, оглядываясь и прислушиваясь, этруск, негр и эллин пошли на юг, вдоль скалистой цепи. Они спешили покинуть мрачное место битвы, где за кустами и деревьями валялись трупы слонов и пировали пожиратели падали. Вой затих позади, степь молчала. Казалось, все вымерло вокруг, — только быстрые шаги путников нарушали ночной покой.

Кидого старательно избегал густых рощ и зарослей кустарника, там и сям возвышавшихся на степи таинственными черными холмами. Негр выбирал путь посредине открытых полей, белевших между зарослями, как озера в лабиринте черных островов.

Скалистая цепь отогнулась к западу, узкая роща прижала путников к утесам. Кидого повернул направо и пошел по длинной каменистой площадке, спускавшейся к югу. Внезапно негр остановился и, круто повернувшись назад, стал прислушиваться. Пандион и Кави напрягли внимание, но ни одного звука не было слышно вокруг. Попрежнему царила глубокая тишина.

Кидого нерешительно двинулся дальше, ускоряя шаги и не отвечая на тихие вопросы этруска и эллина. Они прошли еще тысячу локтей, и негр опять остановился. Его глаза в свете луны тревожно блеснули.

— Кто-то идет следом за нами, — прошептал он и прилег ухом к земле.

Пандион последовал примеру друга, этруск остался стоять, прищурился и попытался что-нибудь разглядеть сквозь серебряную завесу лунного света, скрывавшую даль.

Пандион, прижимая ухо к горячей каменистой почве, сначала слышал только собственное дыхание. Молчаливая грозная неопределенность его тревожила. Вдруг издалека донесся слабый, еле слышный шум, переданный твердой почвой. Звуки, учащаясь, равномерно повторялись четкими лязгающими ударами — клик, клик! Пандион вскинул голову и мгновенно перестал слышать. Кидого еще некоторое время прикладывал к земле то одно, то другое ухо, затем вскочил, как подброшенный пружиной.

— За нами идет большой зверь, плохо, я не знаю какой. У него когти наружу, как у собаки или гиены, — значит, это не лев, не леопард...

— Буйвол или носорог, — предположил Кави.

Кидого энергично замотал головой.

— Нет, это хищник, — уверенно отрезал негр. — Нужно спасаться. Плохо, вблизи нет ни одного дерева, — тревожно оглядываясь, шептал он.

Перед ними простиралась почти ровная щебнистая поверхность. Только пучки редкой травы и небольшие кустики торчали на ее скате.

— Вперед, скорее! — торопил Кидого, и друзья осторожно побежали, опасаясь больших колючек и трещин в пересохшей земле.

А сзади, слышный теперь уже совсем отчетливо, раздавался стук тяжелых когтей. Частота размеренных ударов говорила друзьям, что зверь тоже перешел на быстрый бег и нагоняет их. Клик, клик, клик! — тупой лязг становился все ближе.

Пандион оглянулся и увидел высокий раскачивающийся силуэт, серым призраком следовавший позади.

Кидого вертел головой, стараясь различить впереди деревья, соразмерить расстояние и скорость бега неведомого зверя. Сообразив, что деревья еще очень далеко и добежать друзья не успеют, негр остановился.

— Зверь настигает, нам больше нельзя оставаться спиной к нему — погибнем жалкой смертью!.. — взволнованно крикнул негр.

— Нужно биться, — угрюмо проворчал Кави.

Три друга стали рядом, повернувшись лицом к грозному серому призраку, приближавшемуся в молчании ночи. Зверь за все время погони не издал ни единого звука, и это необычайное для хищников степей свойство больше всего пугало друзей.

Серый расплывчатый силуэт становился темнее, его контуры обозначались все резче. Не более трехсот локтей оставалось между друзьями и зверем, когда тот замедлил бег и пошел размашистым шагом, уверенный, что намеченные жертвы не уйдут.

Друзья никогда не видели такого зверя. Массивные передние лапы его были длиннее задних, перед-

няя половина туловища сильно возвышалась над крестцом, спина была поката. На толстой шее прямо сидела тяжелая голова с массивными челюстями и крутым выпуклым лбом. Короткая светлая шерсть была испещрена темными пятнами. На загривке и на затылке дыбом торчали длинные жесткие волосы. Зверь отдаленно походил на пятнистую гиену, но невиданных, чудовищных размеров: голова его приходилась на высоте пяти локтей от земли. Широкая грудь, плечи и загривок подавляли своей массивностью, буграми выпячивались могучие мускулы, а громадные кривые когти зловеще стучали, нагоняя страх.

Зверь двигался странными неровными движениями, виляя низким задом и кланяясь тяжелой головой. Морда была опущена вниз так, что нижняя челюсть почти прижималась к горлу.

— Кто это? — глухо спросил Пандион, облизывая пересохшие губы.

— Не знаю, — растерянно ответил Кидого. — Никогда не слышал про таких зверей.

Зверь внезапно сделал поворот; большие, направленные прямо на путников глаза животного зажглись мерцающим пламенем. Зверь описал небольшую дугу вправо от стоявших людей, потом опять повернулся к ним мордой и остановился. Закругленные уши торчали косо вверх по бокам головы.

— Зверь умен: он зашел так, чтобы луна стала против нас, — прошептал, учащенно дыша, Кидого.

Пандиона била нервная дрожь, всегда появлявшаяся у молодого эллина перед опасным боем.

Зверь втянул в себя воздух и начал медленно приближаться. В движениях животного, в его зловещем молчании, в упорном прямом взгляде больших глаз под выпуклым лбом было что-то отличавшее его от всех известных друзьям зверей. Люди инстинктивно поняли, что животное, встретившееся им, пережиток иного, древнего мира, с другими законами жизни. Плечо к плечу, выставив копыта, люди двинулись навстречу ночному чудовищу. На мгновение оно остановилось, озадаченное, потом, издав какой-то хрип, кинулось на троих друзей. Раскрылась громадная пасть, толстые зу-

бы блеснули в лучах луны, а три длинных лезвия могучих копий впились в широкую грудь и шею чудовища. Люди не смогли сдержать напора — зверь обладал исполинской силой. Копья, упершиеся в массивные кости, вывернулись из рук, этруск, эллин и негр отлетели назад. Кидого и Пандион успели вскочить, а Кави был подмят зверем. Оба друга бросились на выручку. Чудовище присело на задние лапы и вдруг быстро взмахнуло передними. Притупленные когти ударили Пандиона по бедру с такой силой, что он упал, чуть не потеряв сознание. Зверь, наступив огромной лапой на ногу эллина, причинил ему невероятную боль, суставы хрустнули, когти животного разорвали мясо и кожу.

Пандион, не выпуская копья из рук, оттолкнулся от земли обеими руками, сию же минуту встал, и услышал треск копья Кидого. Поднявшись на колени, Пандион увидел, что негр придавлен зверем, приближающим к нему свою раскрытую пасть. Кидого с вытаращенными глазами упирался руками под челюсть ночного страшилища, тщетно пытаясь отвести от себя зубы зверя. На глазах Пандиона погибал его верный друг. Вне себя, уже не чувствуя боли, молодой эллин вскочил и вонзил животному копьё в шею. Зверь громко щелкнул зубами и повернулся к Пандиону, свалив его этим движением с ног. Молодой эллин не выпустил копья и, уперев древко в землю, задержал чудовище на несколько мгновений, и Кидого успел выхватить нож. Ни негр, ни эллин не увидели, что с другой стороны зверя поднялся Кави. Окалив зубы, этруск хладнокровно нацелился копьем в бок чудовища и обеими руками погрузил под лопатку. Длинное лезвие вошло на локоть, рев вырвался из раскрывшейся пасти, зверь конвульсивно дернулся, перекинувшись влево к этруску. Тот, втянув голову в высоко поднятые плечи, пошатнулся, но устоял. Кидого с пронзительным воплем ударил ножом зверя в горло, и в этот момент копьё этруска дошло до сердца чудовища. Тяжелое тело задержалось в судорогах, нестерпимое зловоние распространилось вокруг. Пандион вырвал копьё, вонзил его снова в затылок, но этот последний удар

был уже пенужным. Зверь, вытянув шею и ткнувшись мордой в ноги этруска, выбросил в сторону задние ноги. Они еще двигались, когти скребли почву, под кожей сокращались мускулы, но вздыбленная на затылке шерсть уже опала.

Опомнившись, три друга осмотрели свои раны. У этруска был вырван целый кусок мяса из плеча, борозды длинных когтей прополосовали спину. Нога Пандиона не была сломана, — у него оказалась глубокая рана ниже колена, в стопе были, повидимому, растянуты или разорваны связки так, что ступить на ногу молодой эллин не мог. Бок его вздулся и потемнел от удара лапы, но ребра оказались целы. Сильнее всех пострадал Кидого, получивший несколько больших ран и сильно помятый.

Друзья перевязывали друг друга разорванной на куски одеждой и радостно переживали свое избавление от страшного чудовища, недвижимо простертого перед ними в ярком свете луны. Больше всех был удручен Пандион: раненая нога не позволяла ему идти.

Кидого успокоил друга, уверяя, что сейчас они в безопасности: труп страшилища охраняет их от всех других хищников, а повелители слонов непременно хватятся и с рассветом найдут оставших.

Терпеливо преодолевая боль от горевших ран, друзья растянулись на жестком щебне, но не могли заснуть от возбуждения.

Рассвет вспыхнул неожиданно быстро, солнце согнало таинственную и зловещую тень ночи. Пандион, измученный болью в ноге, раскрыл усталые глаза от громкого восклицания Кидого. Негр рассматривал побежденного ночного преследователя и объяснял этруску, что он видел изображение подобного зверя в Та-Кемте, среди рисунков разных животных в гробнице у города Белых Стен. Кави недоверчиво оттопыривал нижнюю губу. Кидого клялся и убеждал друга, что жители Та-Кемта в древности, несомненно, встречали такое же животное. Солнце поднималось выше. Жажда томила троих друзей, мучила лихорадка от полученных ран. Кидого и Кави решили идти разыски-

вать воду и тут слышали голоса. Три слона с воинами на спинах двигались через степь, ниже каменистого ската, на котором друзья встретились с чудовищем ночи. Повелители слонов, услышав крики негра, заставили животных повернуть и ускорить шаг. Слоны стали подходить к чужеземцам, как вдруг трезожно затрубили и попятились, поднимая хоботы и топорща уши. Воины прыгнули с плетеных помостов и подбежали к трупам чудовища с криками: «Гишу! гишу!»

Распорядитель вчерашней охоты одобрительно посмотрел на друзей, сказав сиплым, надорванным голосом:

— Вы славные воины, если справились вдвоем с ужасом ночей, пожирателем толстокожих.

Повелители слонов рассказали чужеземцам о гишу — очень редком и опасном звере. Днем он скрывается неведомо где, а ночью бродит в молчании, нападая на молодых слонов, носорогов и детенышей других крупных животных. Гишу необычайно силен и упорен в сражении, — его страшные зубы разом перегрызают ногу слона, а могучие передние лапы давят жертву, ломая ей кости.

Кави знаками попросил охотников помочь ему снять шкуру. Четыре воина охотно приступили к делу, не обращая внимания на тяжелый запах, исходивший от животного.

Шкура и отрубленная голова были водружены на слона, туда же воины подняли раненых чужеземцев. Слоны, повинаясь легким ударам крючковатых ножей вожатых, побежали рысью, быстро одолевавшей пространство степи.

К полудню три друга были в селении. Жители встретили их приветствиями: сопровождавшие чужеземцев воины с высоты слоновых спин громко кричали о совершенном подвиге.

Сияющий Кидого восседал рядом с Пандионом на колеблющейся широкой платформе на высоте пяти локтей от земли. Негр неоднократно принимался петь, но каждый раз его обрывали повелители слонов, пре-

дупреждая, что слоны не любят шума и привыкли двигаться в молчании.

Уже четыре дня пути отделяли друзей от города повелителей слонов. Слово вождя исполнилось. Отряду бывших рабов было разрешено следовать на запад с экспедицией племени. Кави, Кидого и Пандион, раны которых еще не зажили, получили место на спине одного из шести слонов, остальные шестнадцать их товарищей шли пешком по следам отряда. Животные находились в движении меньше половины дня, остальное время уходило на их кормежку и отдых. Шедшим пешком удавалось настигать слонов только перед наступлением ночи.

Слоновожатые вели животных совсем не той дорогой, которую выбрали бы люди. Они обходили участки высокого леса, устремляясь через поляны и заросли кустарников, где людям пришлось бы прогнать дорогу. Серые гиганты спокойно прокладывали себе путь. Время от времени передний слон заменялся самым задним и отправлялся на отдых в конец отряда. После слонов в чащах оставалась тропа, и товарищи Пандиона шли и шли без единого удара ножом, восхищенные легкостью победы над непроходимыми лесами. Еще лучше чувствовали себя ехавшие на слоне три друга. Платформа слабо покачивалась, неуклонно плывя над землей с ее колючками, насекомыми и опасными змеями, топкой грязью гниющих луж, острым щебнем каменных скатов, режущей травой и глубокими, зияющими трещинами. Только сейчас понял Пандион, как много внимания требовали опасности пешего передвижения в дебрях африканских лесов и степей. Только постоянная бдительность давала возможность человеку остаться без повреждений, сохранить силы и боеспособность в дальнейшем пути. Это занимало все мысли. Теперь на спине слона, шагавшего с несокрушимой надежностью каменной глыбы, молодой эллин жадно впитывал в себя краски, формы и запахи природы чужой земли с ее великолепной мощью животной и растительной жизни. В ослепительном свете солнечных лучей чистые тона цветов достигали необыкновенной яркости, смутно тревожившей северянина.

Но едва только небо заволакивалось тяжелыми тучами или отряд окружали сумерки тенистого леса, краски угасали. Монотонные переходы цветов казались сумрачными и жесткими в сравнении с мягкими, задумчивыми и гармоничными красками родной Пандиопу страны.

Отряд пересек ближний отрог леса и вновь оказался в холмистой степи с красной землей, поросшей безлистными деревьями, выделявшими молочный сок. Их синевато-зеленые ветви угрюмо поднимались в слепящее небо, ровная, словно подстриженная поверхность крон щетижилась на высоте тридцати локтей от земли. В этих зарослях, стоявших неподвижно, не встречалось ни птиц, ни зверей, — знойный мертвый покой царил над красными холмами. Громадные стволы и ветви казались подсвечниками, отлитыми из зеленого металла. Крупные красные цветы рдели на концах ветвей, словно согни факелов, горевших на мрачном кладбище. Дальше почву изрезали глубокие промоины — под огненно-красной землей лежали слои ослепительно белого песка. Отряд вышел в сеть узких ущелий. Рыхлые пурпурные стены поднимались на сто локтей по сторонам. Слоны осторожно пробирались в хаосе размытых обрывов, пирамид, башен и тонких столбов. Местами в круглых, как чаши, глубоких впадинах встречались длинные отроги, расходящиеся лучами поперек ровного дна. Отроги поднимались острыми крутыми стенами рыхлой земли; иногда они внезапно обрушивались при прохождении отряда поблизости, пугая слонов, шарахавшихся в сторону. Цвет размытой рыхлой почвы беспрестанно менялся: за стеной теплого красного тона вздымалась светлобурая, затем шли пирамиды яркой солнечно-желтой окраски, перемежавшиеся с ослепительно белыми полосами и выступами. Пандиону казалось, что он попал в волшебное царство. В этих глубоких, сухих и безжизненных долинах скрывался целый мир игры ярких цветов мертвой природы*.

* Область мощных латеритовых отложений Западной Африки.

Потом опять потянулись хребты, поросшие лесом, опять зеленые стены обступили отряд, и платформа на спине слона казалась островом, медленно плывшим по океану листьев и веток.

Пандион замечал, как осторожно вели вожатые своих могучих животных. На стоянках они тщательно осматривали кожу слонов. Молодой эллин спросил своего вожатого, зачем он делает это. Чернокожий положил руку на сосуд из плода какого-то дерева, привязанный к его поясу.

— Плохо, если слон раздерет себе кожу или поранит себя, — сказал вожатый. — Тогда у него загнивает кровь и животное быстро гибнет. Нужно сразу же замазать рану целебной смолой, — потому лекарство всегда наготове у нас.

Для молодого эллина странно было услышать о такой легкой уязвимости несокрушимых и долговечных гигантов. Ему сделалась понятной осторожность умных животных.

Уход за ними требовал массы забот. Место ночлега и отдыха выбиралось тщательно, после долгих осмотров и совещаний; привязанных слонов окружала цепь бдительных часовых, бодрствовавших всю ночь. Особые дозорные высылались далеко вперед, чтобы убедиться в отсутствии поблизости диких слонов. Встреченные животные распугивались громкими криками.

На привалах друзья беседовали со своими спутниками. Суровые повелители слонов удовлетворяли любопытство чужеземцев.

Однажды Пандион спросил у низкорослого пожилого человека, начальствовавшего в походе, почему они охотно идут на ловлю слонов, несмотря на страшную опасность.

Глубокие морщины вокруг рта начальника стали еще более резкими. Он нехотя ответил:

— Ты говоришь, как трус, хотя и не выглядишь им. Слоны — это мощь нашего народа. С ними мы живем хорошо, в довольстве. Но мы платим за это жизнями. Если бы мы боялись, то жили бы не лучше племен, питающихся ящерицами и корнями. Те, кто боится смерти, живут в голоде и злобе. Если ты зна-

ешь, что в твоей смерти жизнь твоих родных, тогда идешь смело на любую опасность! Мой сын, храбрец, в цвете сил, погиб на слоновой охоте... — Начальник похода угрюмо сощурил устремленные на Пандиона глаза. — Или вы, чужеземцы, думаете иначе? Зачем же ты сам прошел столько земель, сражался с людьми и зверями, а не остался в рабстве?

Пристыженный Пандион прекратил вопросы. Вдруг Кидого, сидевший поблизости у костра, поднялся и заковылял к рощице деревьев, стоявших в двухстах локтях от привала. Заходящее солнце золотило овальные большие листья, тонкие ветви слабо трепетали. Кидого внимательно осмотрел бугристую, неровную кору тонких стволов, радостно вскрикнул и вынул нож. Немного спустя негр вернулся к костру с двумя большими связками красновато-серой коры. Одну связку он поднес начальнику отряда.

— Передай ее вождю как прощальный подарок Кидого, — сказал негр. — Это лекарство не хуже волшебной травы из голубой степи. В час болезни, усталости или горя пусть он растолчет ее и выпьет отвара, только немного. Если пить много, это уже не лекарство, а яд. Кора эта возвращает силу старикам, веселит угнетенных, бодрит ослабевших. Заметь это дерево — будешь благодарен*.

Начальник обрадовался, принимая подарок, и тут же приказал добыть еще побольше коры. Кидого спрятал второй пучок в шкуру гишу, которую вез с собой Кави.

На следующий день слоны поднялись на каменистую равнину, где заросли высокого плотного кустарника, согнутые ветрами, склонялись к земле, образуя высокие зеленые горбы, разбросанные среди серой сухой травы.

Приятная свежесть проникала в ноздри с дуновением встречного ветра. Пандион встрепнулся. Знакомое, бесконечно дорогое и забытое было в этом запахе, но оно терялось среди ароматов, несшихся от разогре-

* Кора дерева иохимба из семейства мареновых, к которым относятся также хинное и кофейное деревья.

той листвы леса, видневшегося внизу. Далеко простирались широкие и пологие обнаженные склоны, их голубоватую поверхность пересекали темные полосы и пятна лесных чащ. На краю горизонта синела высокая горная цепь.

— Вот она, Тенгрела, моя страна! — неистово завопил Кидого, и все обернулись в его сторону.

Негр размахивал руками, всхлипывая и морща лицо, могучие плечи его тряслись от волнения. Пандион понимал переживания друга, но неопределенное чувство зависти больно укололо молодого эллина: Кидого достиг родины, а ему еще так много оставалось преодолеть до того великого часа, когда он, подобно другу, сможет закричать: «Вот моя родина!»

Опустив голову, Пандион незаметно отвернулся: он не мог сейчас радоваться вместе с другом.

Слоны спускались по черному обнаженному склону вулканической почвы — на застывшей лаве не росло никаких деревьев. Дорогу пересекал ровный уступ с разбросанными на нем маленькими озерами. Блестящие пятна воды, чистой, синей и глубокой, резко выделялись среди черных берегов. Пандион вздрогнул. Он вспомнил вдруг с необычайной живостью синие глаза Тессы, ее густые черные волосы. И здесь синие озера как будто смотрели на него с немим укором, так, как если бы живая Тесса увидела его слабость. Пандион унесся мыслями в Энииаду, смутное и могучее нетерпение расправило его грудь, он придвинулся к другу и крепко обнял его. На черную руку Кидого легла жилистая смуглая рука Кави, и три друга сцепили свои ладони в твердом и радостном пожатии.

А слоны спускались все ниже, — берега широкой долины встали с обеих сторон. Еще немного, и справа подошла вторая такая же долина. Слившиеся вместе ручьи образовали быструю речку, чем дальше, тем становившуюся более многоводной. Слоны некоторое время шли по левому берегу у подножия разрушенных утесов. Скалы разошлись впереди, чистая вода речки с веселым журчанием устремлялась под сень высоких деревьев, стоявших, как высокие зеленые арки, по обе стороны ее русла, достигавшего пятнадцати локтей

ширины. Не доходя до деревьев, слоны остановились.

— Здесь, — сказал начальник. — Мы не пойдем дальше.

Три друга спустились со слонов, простились со своими хозяевами. Отряд пересек реку. Друзья долго смотрели вслед серым гигантам, которые одолевали подъем на плоскую возвышенность к северу от реки. Невольный вздох сожаления вырвался у всех троих, когда могучие животные скрылись вдали. Этруск, негр и эллин развели сигнальный костер для шедших где-то позади товарищей.

— Пойдем искать тростник и деревья для постройки плотов, — предложил Кидого этруску. — Мы проплывем быстро остаток пути. Ты, хромой, ожидай у костра, береги ногу, — с грубой нежностью обратился негр к молодому эллину.

Пандион и Кави оставили Кидого на берегу реки, среди его родичей.

Запах близкого моря пьянил друзей, выросших на его берегу. Они оттолкнули свой плот и поплыли в левый рукав разветвленного устья. Скоро плот остановился — протока была занесена песком. Друзья выбрались на крутой берег, путаясь в высокой траве. Они перебрались через холмистую грядку, задыхаясь от волнения, спешно поднялись на прибрежный вал и замерли, не в силах говорить и дышать.

Их опьяняла бесконечная ширь океанского простора, тихий плеск волн потрясал, как гром. Кави и Пандион стояли по грудь в колючей траве. Высоко над их головами покачивались перистые верхушки пальм. Край зеленой подошвы холмов у полосы горящего под лучами солнца прибрежного песка казался почти черным. Золотой песок обрамляла движущаяся серебряная лента пены, за которой колыхались прозрачные зеленые волны. Еще дальше прямая черта обозначала границу прибрежных рифов. Она казалась ослепительно-белой на фоне глубокой синевы открытого океана. По небу медленно плыли легкие пушистые

хлопья редких облаков. У берега над песком стояли, наклонившись, пять пальм. Их длинные листья то широко распластывались в воздухе, то сгибались под порывами ветра, как крылья парящих над берегом растрепанных птиц с темнокоричневыми и золотистыми перьями. Листья пальм, будто отлитые из бронзы, заслоняли сверкающий простор океана. И острые края вспыхивали каймой сверкающего огня — так сильно пробивалось сквозь них могучее солнце. Влажный ветер нес запах морской соли. Теплые струи ветра растекались по лицу и обнаженной груди Пандиона, как будто стремясь в его объятья после долгой разлуки.

Этруск и эллин медленно опустили на песок, прохладный, плотный и ровный, как пол родного жилища.

Отдохнув, они бросились в ласковое колыхание волн. Море приняло их, приветствуя легкими толчками. Пандион и Кави наслаждались запахом соленых брызг, прорезая руками сверкающие гребни, пока их заживающие раны не начали гореть от морской воды. Тогда два друга вышли на песок, упиваясь созерцанием океанской дали. Она простиралась перед ними синим мостом, где-то там, вдали, соединяющимся с водами родного моря; такие же волны накатывались сейчас на белые скалы берегов Эллады, на желтые кручи родины Кави.

Молодой эллин чувствовал, как слезы радостного волнения заливают его глаза; он не думал сейчас о громадном расстоянии, все еще стоявшем между ним и родиной. Здесь было море, а за морем ждала его Тесса, ждало все родное и ласковое, покинутое и заслоненное годами суровых испытаний, неисчислимыми стадиями тяжкого пути.

Лицом к морю стояли этруск и эллин на узкой полосе берега. А позади них высились могучие горы под покровом грозных лесов — край чужой земли, столько времени державший их в плену палящих пустынь, степей, сухих плоскогорий, влажных и темных чаш, — земли, взявшей от них годы жизни — все то, что могло бы быть отдано близким. Для освобождения потребовались годы героической борьбы, неслыханные

усилия. Все это, отданное родине, принесло бы почет и славу.

Кави положил тяжелые руки на плечи Пандиону.

— Судьба наша теперь в собственных руках, Пандион! — воскликнул этруск. Страстный огонь горел в его обычно угрюмых темных глазах. — Нас двое: неужели мы не достигнем Зеленого моря после того, как пробились к берегу Великой Дуги? Нет, мы вернемся, мы будем опорой и нашим товарищам ливийцам, не искусным в мореходстве...

Пандион молча кивнул головой. Перед лицом моря он чувствовал непоколебимую уверенность в своих силах.

Голос Кидого пронесся над бергом. Встревоженный негр с толпой возбужденных сородичей и товарищей по походу разыскивал скрывшихся друзей. Пандиона и Кави повели обратно к реке, переправили на другой берег, а там уже их ждали несколько быков для перевоза раненых, груза и оружия.

Небольшой путь остался скитальцам. Обещание Кидого, данное под деревьями на берегу Нила около умиравших товарищей после страшной битвы с носорогом, сбылось. Все девятнадцать бывших рабов нашли ласковый приют и отдых в огромном селении, поблизости от моря, на берегу большой, многоводной реки, протекавшей рядом с той, по которой приплыли они, расставшись с повелителями слонов.

Но особенно радостна была для Пандиона и Кави весть о том, что в прошлом году, после двадцатилетнего перерыва, сюда приплыли сыны ветра. Сынами ветра сородичи Кидого называли морских людей, издавна приходивших к берегам Южного Рога с севера за слоновой костью, золотом, целебными растениями и звериными кожами. Местные жители говорили, что по внешнему облику сыны ветра похожи на этруска и эллина, только их кожа смуглее и волосы более курчавы. В прошлом году приходили четыре черных корабля, повторившие пути отцов. Сыны ветра обещали приехать снова, как только окончится время бурь в Море Туманов. По расчетам опытных людей, до прибытия кораблей оставалось около трех месяцев. По-

стройка собственного судна отняла бы больше времени, не говоря уже о том, что предстоящий путь был совершенно неведом. Пандиона и Кави беспокоила мысль, возьмут ли их морские люди на корабли с десятью товарищами, но Кидого, подмигивая и таинственно усмехаясь, уверял, что устроит это.

Оставалось только ждать, томясь неизвестностью. Сыны ветра могли опять не появляться еще двадцать лет. Этруск и эллин успокаивали себя тем, что если корабли не придут в назначенный срок, они примутся за постройку своего судна.

Возвращение Кидого явилось событием, отмеченным шумными празднествами. Пандион утомился от пиров. Ему надоели бесконечные восхваления его доблести, он устал повторять рассказы о родных ему странах, о пережитых приключениях.

Само собой получилось, что Кидого, вечно окруженный родными и соплеменниками, увлеченный восхищением женщин, как-то отдалился от Пандиона и Кави. Друзья стали видеться реже, чем в шене и в далеком пути через Африку. Кидого шел в жизни уже собственной дорогой, не совпадавшей с дорогой своих друзей. Все товарищи Кидого по походу из родственных ему племен быстро рассеялись по разным местам. Остались только этруск, эллин и десять ливийцев, считавших, что от Пандиона и Кави зависит их возвращение на родину.

Все двенадцать чужеземцев поселились в просторном доме из высушенной на солнце твердой серо-зеленой глины. Кидого настоял, чтобы Кави и Пандион жили в красивой куполообразной хижине, стоявшей поблизости от его дома. После долгих лет скитаний Пандион мог снова отдыхать на собственном ложе. У этого народа не было в обычае спать на полу, на шкурах или на охапках травы. Сородичи Кидого изготавливали деревянные рамы на ножках, переплетенные сеткой из упругих стеблей, нежившие тело и особенно приятные для больной ноги Пандиона.

У эллина теперь было много свободного времени, и он посвящал его прогулкам к морю, где подолгу сидел один или вместе с Кави, слушая мерный рокот

боли. Пандион испытывал постоянную тревогу. Его несокрушимое здоровье поддавалось невзгодам пути в непривычно жарком климате.

Пандион сильно переменялся и сам сознавал это. Когда-то окрыленный юностью и любовью, он смог оставить свою любимую, дом и родную страну, стремясь познакомиться с древним искусством, увидеть другие страны, узнать жизнь.

Теперь он был знаком с горькой тоской, он познал безрадостный плен, гнет отчаяния, отупляющий тяжелый труд раба. И Пандион с беспокойством спрашивал себя, не ушла ли от него сила творческого вдохновения, способен ли он стать большим художником. Одновременно Пандион чувствовал: ему пришлось испытать и увидеть так много, что это не прошло бесследно, обогатило его великим опытом жизни, вереницей незабываемых впечатлений.

Пандион любил рассматривать свое копье — подарок отца навеки потерянной Ирумы, пронесенное им через леса и степи, не раз выручавшее его в смертельной опасности. Оно казалось ему символом мужской доблести, залогом человеческого бесстрашия в борьбе с природой, безраздельно владычествовавшей в жарких просторах Африки. Молодой эллин осторожно поглаживал длинное лезвие, прежде чем надеть на него чехол, сшитый руками Ирумы. Этот кусочек кожи с пестрой отделкой из шерсти — все, что осталось у него в память о милой, далекой и нежной девушке, которую он встретил на перепутье трудной дороги к родине. С этими мыслями Пандион оборачивался к темным горам, заграждавшим пройденные им земли от лица океана. Вереница дней бесконечного похода медленно проплывала перед ним...

А над всем этим стоял образ Ирумы, живой, неудержимо манящий... Такой, какой он видел девушку в последний раз у ствола дерева с цветами, как красные факелы... Сердце Пандиона начинало учащенно биться. Он ясно представлял блеск ее кожи, темной и нежной, ее лукавые, полные трепетного огня глаза... Круглое личико Ирумы с улыбкой приближалось к его лицу, он слышал нежный голос...

Постепенно Пандион познакомился с жизнью веселого и добродушного народа Кидого. Рослые, с медным отливом черной кожи, все великолепного сложения, сородичи Кидого занимались главным образом земледелием. Они возделывали низкорослые пальмы с наполненными маслом плодами* и еще огромные гравянистые растения с исполинскими листьями, веером расходившимися из пучков мягких стеблей**. Эти растения давали тяжелые гроздья длинных, желтых, серповидно изогнутых плодов с нежным и ароматным сладким содержимым. Плодов собиралось громадное количество, и они составляли главную пищу народа Кидого. Пандиону они очень нравились. Плоды ели сырыми, вареными или поджаренными на масле. Местные жители занимались охотой, добывая слоновую кость и шкуры, собирали волшебные, похожие на каштаны орехи, когда-то вылечившие Пандиона от его странной болезни, разводили рогатый скот и птицу.

Среди них были искусные мастера — строители, кузнецы и горшечники. Пандион любовался творениями многочисленных художников, не уступавших по мастерству Кидого.

Большие дома, построенные из брусчатых камней, сырцового кирпича или вылепленные целиком из твердой глины, были украшены сложным и красивым орнаментом, четко вырезанным на поверхности стен. Иногда стены расписывались красочными фресками, напоминавшими Пандиону росписи древних развалин Крита. На глиняных сосудах красивой формы он видел изящную, исполненную с тонким вкусом разрисовку. Множество деревянных раскрашенных статуй встречалось в больших зданиях общественных собраний и домах вождей. Скульптурные изображения людей и зверей восхищали Пандиона верностью переданного впечатления, удачно схваченными характерными чертами.

Но, по мнению Пандиона, скульптуре народа Кидого нехватало глубокого понимания формы. Его не бы-

* Масличная пальма содержит в своих плодах много масла.

** Бананы.

ло и у мастеров Айгюптоса. Скульптуры Та-Кемта застывали в мертвых, недвижных позах, несмотря на выработанную веками тонкость исполнения и изящество отделки. Ваятели народа Кидого, наоборот, создавали острое впечатление живого, но только в каких-то отдельных, намеренно подчеркнутых подробностях. И молодой эллин, размышляя над произведениями местных жителей, начал смутно ощущать, что путь к совершенству скульптуры должен быть каким-то совсем новым — не в слепом старании передать природу и не в попытках отразить отдельные впечатления.

Народ Кидого любил музыку, играл на сложных инструментах из длинных рядов деревянных дощечек, соединенных с продолговатыми пустыми тыквами. Некоторые грустные, широко и мягко разливавшиеся песни волновали Пандиона, напоминая ему песни родины.

Этруск сидел у потухшего очага около хижины, жевал подбодряющие листья* и задумчиво ворошил палочкой горячий пепел, в котором пеклись желтые плоды. Кави научился приготавливать из желтых плодов муку для лепешек.

Пандион вышел из хижины, подсел к другу и, растерянно блуждая взглядом по рядам высоких хижин, рассматривал проходивших жителей.

Мягкий вечерний свет ложился на пыльные тропинки, замирал в неподвижных ветвях тенистых деревьев.

Вдруг внимание Пандиона привлекла проходившая мимо женщина. Он заметил ее еще в первые дни прибытия в город Кидого, но с тех пор как-то не встречался с ней. Она была женой одного из родичей Кидого, как узнал Пандион, и звали ее Ньора. Ньора выделялась красотой даже среди своих красивых соплеменниц. Сейчас она медленно шла мимо, с достоинством, которое отмечает женщины, сознающих свою красоту. Молодой эллин с восторгом рассматривал ее, жажда творчества вдруг вспыхнула в нем с прежней силой.

* *Подбодряющие листья* — листья стеркулиевых или табака и других растений, содержащих возбуждающие вещества.

Кусок зеленовато-синей ткани туго обвертывал стан Ньоры. Женщину украшали нитка голубых бус, тяжелые сердцевидные серьги и узкая золотая проволока на запястье левой руки. Большие глаза спокойно смотрели из-под густых ресниц. Короткие волосы, собранные на темени и замысловато сплетенные, удлиняли голову. Скулы выступали под глазами округлыми холмиками, как это встречалось у здоровых и упитанных детей эллинов.

Гладкая черная кожа, такая упругая, что тело казалось железным, блестела в лучах солнца, и ее медный отлив приобретал золотой оттенок. Удлиненная шея чуть-чуть наклонялась вперед и горделиво поддерживала голову.

Пандион любовался высоким, гибким станом Ньоры, легкостью и сдержанностью ее движений.

Пандиону показалось, что в лице Ньоры перед ним предстала одна из трех Харит * — богинь, по его верованиям, оживлявших красоту и наделявших ее непобедимой привлекательностью.

Палочка этруска вдруг слегка стукнула по голове Пандиона.

— Ты почему не побежал за ней? — с шутливой досадой спросил этруск. — Вы, эллины, готовы любоваться каждой женщиной...

Пандион посмотрел на друга без гнева, но так, как будто бы увидел его в первый раз, и порывисто обнял этруска за плечи.

— Слушай, Кави, ты не любишь говорить о своем... Тебя разве совсем не трогают женщины? Ты не чувствуешь, как они прекрасны? Разве для тебя они не часть всего этого, — Пандион описал рукою круг, — моря, солнца, прекрасного мира?

— Нет, когда я вижу что-нибудь красивое, мне хочется его съесть! — рассмеялся этруск. — Я шучу, — продолжал он серьезно. — Помни, что я вдвое старше тебя и за светлой стороной мира для меня виднее другая—темная, безобразная. Ты уже забыл о Та-Кемте,—

* Хариты, позднее Грации,— богини женского очарования и изящества у эллинов. Харит было три.

Кави провел пальцами по красному клейму на плече Пандиона, — а я ничего не забываю. Но я завидую тебе: ты будешь создавать красивое, я же могу только разрушать в борьбе с темными силами. — Кави помолчал и дрогнувшим голосом закончил: — Ты мало думаешь о своих близких там, на родине... Я не видел столько лет своих детей, мне неизвестно даже, живы ли они, существует ли весь мой род. Кто знает, что там, среди враждебных племен...

Тоска, зазвучавшая в тоне всегда сдержанного этруска, наполнила Пандиона сочувствием. Но как он мог утешить друга? Слова этруска в то же время больно укололи его: «Ты мало думаешь о своих близких там, на родине...» Если Кави мог сказать ему так... Нет, разве мало значили для него Тесса, дед, Агенор? Но тогда он должен был сделаться подобным хмурому Кави, тогда он не впитал бы в себя великого разнообразия жизни — как же научился бы он понимать красоту?.. Пандион запутался в противоречиях и не смог разобраться в самом себе. Он вскочил и предложил этруску пойти выкупаться. Тот согласился, и оба друга направились через холмы, за которыми в пяти тысячах локтей от селения плескался океан.

За несколько дней до этого Кидого собрал молодых мужчин и юношей племени. Негр сказал сородичам, что, кроме копья и кусков ткани на бедрах, его товарищи, ожидающие кораблей, ничего не имеют, а сыны ветра не возьмут их на корабли без платы.

— Если каждый из вас, — сказал Кидого, — согласится помочь самым малым, то чужеземные друзья смогут вернуться к себе домой. Они помогли мне вырваться из плена и снова увидеть всех вас.

Ободренный общим согласием, Кидого предложил пойти с ним на золотоносное плоскогорье, а тем, кто не сможет, — пожертвовать слоновую кость или орехи, кожу или ствол ценного дерева.

На следующий день Кидого объявил друзьям, что отправляется на охоту, и отказался взять их с собой, уговаривая беречь силы для предстоящего пути.

Товарищи Кидого по походу так и не узнали об истинных целях предприятия. Хотя мысли о плате за

проезд не раз беспокоили их, они надеялись, что таинственные сыны ветра возьмут их в качестве гребцов. Пандион еще втайне предполагал использовать камни юга — подарок старого вождя. Кави, также не говоря ничего Кидого, через два дня после ухода чернокожего друга собрал ливийцев и отправился вверх по реке, надеясь найти поблизости черное дерево*, срубить несколько стволов и сплавить до селения тяжелые, тонувшие в воде бревна на плотках из легкой древесины.

Пандион все еще хромал, и Кави оставил его в селении, несмотря на протесты. Пандион негодовал. Вторый раз уже товарищи бросали его одного, как тогда, во время охоты за жирафами. Кави, надменно выпятив бороду, заявил, что тогда он не потерял времени даром и теперь снова может повторить прежнее. Онемевший от бешенства, молодой эллин ринулся прочь с обидой в сердце. Этруск догнал его и, хлопая по спине, просил прощения, но твердо стоял на своем, убеждая друга в необходимости совсем поправиться.

В конце концов Пандион согласился, с горечью ощущая себя жалким калекой, и поспешно скрылся в хижине, чтобы не присутствовать при уходе своих здоровых товарищей.

Оставшись в одиночестве, Пандион еще острее почувствовал необходимость испытать свои силы после удачного опыта со статуей учителя слонов. За последние годы он видел столько смертей и разрушений, что не хотел браться за непрочную глину, стремясь создать произведение из крепкого материала. Такого материала у Пандиона не было. Даже если бы он оказался в его руках, все равно отсутствовали необходимые для обработки инструменты.

Пандион часто любовался камнем Яхмоса, приведшим его в конце концов к морю, как наивно верил Кидого, склонный признавать могущество волшебных вещей.

* Черное дерево дают ядровые древесины различных видов африканских деревьев, главным образом семейства эбеновых, также дальбергия из семейства бобовых.

Прозрачная ясность твердого камня навела Пандиона на мысль вырезать гемму*. Правда, камень был тверже употреблявшихся для этой цели в Элладе. Они там обрабатывались наждаком с острова Наксоса**. Вдруг эллин вспомнил, что у него, если верить старому вождю повелителей слонов, были камни, твердостью превосходившие все вещи мира.

Пандион достал самый маленький из подаренных ему камней юга и осторожно провел острой гранью по краю голубовато-зеленого кристалла. На неподатливой гладкой поверхности осталась белая черта. Молодой эллин нажал сильнее. Камень прорезал глубокую канавку, точно резец из черной бронзы на куске мягкого мрамора. Необыкновенная сила прозрачных камней юга действительно превосходила все, что было известно до сих пор Пандиону. В его руках были волшебные резцы, делавшие легкой задачу.

Пандион разбил маленький камень, тщательно собрал все острые осколки и вправил их при помощи твердой смолы в деревянные палочки. Теперь у него был десяток резцов разной толщины и для грубой отделки и для самых тонких штрихов. Что же изобразит он на прекрасном голубовато-зеленом кристалле, добытом Яхмосом в развалинах тысячелетнего храма и донесенном в целости до моря, символом которого он так долго служил в душном плену земли? Смутные образы проносились в голове Пандиона.

Молодой эллин ушел из селения и бродил в одиночестве, пока не очутился у моря. Он долго сидел на камне, то устремляя взор вдаль, то следя за тонким слоем прозрачной воды, подбегавшей к его ногам. Наступил вечер, короткие сумерки уничтожили блеск моря, движение волн сделалось незаметным. Все непрогляднее становилась бархатно-черная ночь, но вместе с тем в небе загоралось все больше ярких звезд, и опять небесные огоньки, закачавшись в вол-

* *Гемма* — небольшое изображение, вырезанное на прозрачном камне, в отличие от камей, вырезавшихся на непрозрачных камнях.

** *Остров Наксос* — самый большой остров в группе Кикладских островов на юге Эгейского моря.

нах, оживили застывшее море. Запрокинув голову в небо, молодой эллин ловил очертания незнакомых созвездий. Дуга Млечного пути перекидывалась таким же, как и на родине, серебряным мостом через весь небосвод, но она была более узкой. Один ее конец был глубоко расщеплен и разбит на отдельные пятна между широкими темными полосами. В стороне и ниже горели голубовато-белым светом два туманных звездных облака *. Около них отчетливо выделялось большое непроницаемо черное пятно грушевидной формы, точно кусок угля заслонял в этом месте все звезды **. Ничего похожего не видел Пандион в родном небе севера. Контраст между черным пятном и белыми облаками внезапно поразил его. Молодой эллин увидел в нем вдруг самую сущность южной страны. Черное и белое во всей прямоте и четкой грубости этого сочетания — вот что составляло душу Африки, ее лицо, такое, каким Пандион сейчас почувствовал его. Черные и белые полосы необыкновенных лошадей, черная кожа туземцев, раскрашенная белой краской и оттенявшая белые зубы и белки глаз, изделия из черной и жемчужно-белой древесины, черные и белые колонны древесных стволов в лесах, свет степей и мрак лесных трущоб, черные скалы с белыми полосами кварца и многое такое же пронеслось перед глазами Пандиона.

Совсем другое было на родине — на бедных и каменистых берегах Зеленого моря. Река жизни там не катилась буйным потоком, не сталкивались столь обнаженно черные и белые ее стороны.

Пандион встал. Необъятный океан, на другой стороне которого была его Энниада, отделил молодого эллина от Африки. Позади осталась страна, в душе уже покинутая им, угрюмо заслонившаяся ночными тенями гор. Впереди по волнам перебежали отражения звездных огней, и море сливалось там, на севере, с родной Элладой, и Тесса была на его берегу. Ради

* Магеллановы облака, Большое и Малое, — крупные звездные скопления и туманности в небе Южного полушария.

** Угольный мешок — черное скопление непрозрачного вещества в небе Южного полушария.

возвращения на родину, ради Тессы он боролся и шел сквозь кровь, пески, зной и мрак, бесчисленные опасности от зверей и людей.

Тесса, далекая, любимая и недоступная, стала совсем как те туманные звезды над морем, где северный Ковш окунулся краем за горизонт.

И тут явилось решение: он создаст на камне — твердом символе моря — Тессу, стоящую на берегу.

Пандион с яростью сжал в сильных пальцах резец, и крепкая палочка переломилась. Уже несколько дней он склонялся над камнем Яхмоса с бьющимся сердцем, обуздывая волей творческое нетерпение, то уверенно прочерчивая длинные линии, то с бесконечной осторожностью срезая мельчайшие крупинки. Изображение становилось все более явственным. Голова Тессы удалась ему, — в своем гордом повороте она виделась ему и теперь так же отчетливо, как в час прощания на берегу Ахелоева мыса. Он врезал ее в прозрачную глубину камня, и теперь она выпукло проступала матовой голубизной среди зеркально-гладкой поверхности. Завитки волос легкими, свободными штрихами ложились на намеченную четкой дугой округлость плеча, но дальше — дальше Пандион неожиданно утратил весь подъем своего вдохновения. Молодой художник, как никогда уверенный в себе, сразу очертил глубокой канавкой тонкий контур тела девушки, и точное изящество линий подтвердило успех его работы. Пандион сточил окружающую поверхность, чтобы выделить фигуру. Тут он внезапно понял, что изобразил вовсе не Тессу. В линиях бедер, колен и груди проступило и ожило тело Ирумы, а отдельные штрихи, несомненно, принадлежали последнему впечатлению от красоты Ньоры. Фигура Тессы не была телом эллинской девушки — у Пандиона получился отвлеченный образ. Но Пандион хотел добиться другого — изобразить живую и любимую Тессу. Напрягая память, он пытался снять налет впечатлений последних лет, пока не убедился, что новое проступало еще ярче.

Стало еще хуже, когда Пандион сообразил, что передача живого опять не удастся ему. Пока фигурка была только намечена, легкие линии жили. Едва художник попытался перевести плоское изображение в выпуклое, живое тело окаменевало, становилось холодным и застывшим. Да, он не постиг тайны искусства. И это его произведение не будет живым! Ему не удастся совершить задуманное!

Сломав резец от волнения, Пандион взял камень и стал рассматривать его с расстояния вытянутой руки. Да, он не может создать образ Тессы, и прекрасная гемма не будет окончена.

Сквозь прозрачный камень проникали лучи солнца, наполняя его золотистым оттенком родного моря. Пандион оставил нетронутым гладкое поле большой грани кристалла и вырезал фигуру девушки справа, у самого края. В камне, как на берегу моря, стояла девушка с лицом Тессы, но Тессой она не была. Вдохновение, с которым трудился Пандион над камнем от рассвета до заката, с нетерпением ожидая каждого следующего дня, покинуло его. Пандион спрятал камень, собрал резцы и разогнул наболевшую спину. Горе поражения ослаблялось сознанием, что он все же может создать прекрасное... но оно было убогим в сравнении с живым! Увлеченный работой, Пандион перестал ожидать возвращения товарищей. Подбежавший мальчик отвлек юношу от тяжелых мыслей.

— Густобородый приехал, он зовет тебя к реке, — сообщил посланец Кави, гордый данным ему поручением.

То, что этруск остался на реке и звал его туда, обеспокоило Пандиона. Он поспешил к берегу по тропинке, извивавшейся среди колючих кустов. Издалека он заметил на песчаном откосе группу товарищей, стоявших кольцом вокруг связки стеблей тростника. На тростнике вытянулось человеческое тело. Пандион неловко побежал, стараясь не ступать на еще слабую ногу, и вошел в молчаливый круг товарищей по походу. Он узнал в лежащем молодого ливийца Такела, участника побега через пустыню. Молодой эллин встал

на колени над телом товарища. Перед глазами Пандиона возникло душное ущелье между склонами песчаных гор, где он плелся, полумертвый от жажды. Такел был в числе тех, которые во главе с умершим Ахми принесли ему навстречу воду от источника. Только перед трупом Такела Пандиону стало ясно, как дорог и близок ему каждый из товарищей по мятежу и походу. Он сроднился с ними и не мыслил своего существования отдельно от них. Пандион мог неделями не общаться с товарищами, когда знал, что они поблизости, в покое и безопасности и заняты своими делами, а сейчас утрата ошеломила его. Не поднимаясь с колен, он бросил на этруска вопрошающий взгляд.

— Такела укусила змея в зарослях, — печально сказал Кави, — где мы бродили в поисках черного дерева. Мы не знали лекарства, — этруск тяжело вздохнул, — мы бросили все и приплыли сюда. Когда мы вынесли его на берег, Такел уже умирал. Я позвал тебя проститься с ним... Поздно... — Кави не договорил, сжимая руки; он поник головой.

Пандион встал. Смерть Такела казалась такой несправедливой и нелепой: не в славном сражении, не в бою со зверем, — здесь, в мирном селении, у моря, сулившего возвращение после всех совершенных им доблестных подвигов, стойкого мужества в длинном пути. Это было особенно больно молодому эллину. Слезы навернулись на глаза, и он, чтобы справиться с собою, устремил взгляд на реку. По сторонам песчаной отмели высились густые заросли, загораждавшие речной простор зеленой стеной. Бугор светлого песка находился как бы в широких воротах. На опушке росли белые деревья, корявые и узловатые, с мелкими листьями. Все ветви этих деревьев были одеты пушистыми лентами яркокрасных цветов*, плоские перистые скопления которых казались полосами из поперечных коротких черточек, нанизанных на тонкие стебли, то сгибавшиеся вниз, то торчавшие прямо вверх, к небу. Цветы отливали багрянцем, а белые

* Комбрет.

деревья горели в зеленых воротах, как погребальные факелы у врат Аида *, куда уже направляла свой путь душа умершего Такела. Медленно катилась мутная оловянная вода реки, испещренная отмелями желтых песков. Сотни крокодилов лежали на песке. На ближайшей к Пандиону косе несколько огромных ящеров во сне раскрыло широкие пасти, казавшиеся на солнце черными пятнами, окаймленными белыми клиньями страшных зубов. Тела крокодилов широко расплывались на песке, как бы расплющенные собственным весом. Продольные складки чешуйчатой кожи брюха обтекали плоские спины, усаженные рядами шипов, более светлых, чем черновато-зеленые промежутки между ними. Лапы с нелепо вывернутыми наружу суставами уродливо раскидывались в стороны. Иногда какой-нибудь из ящеров пошевеливал длинным гребнистым хвостом, толкая другого, и тот, потревоженный во сне, захлопывал свою пасть с громким, разносившимся по реке стуком.

Товарищи подняли умершего и молча понесли его в селение под тревожными взглядами сбежавшихся жителей. Пандион шел сзади, отдельно от Кави. Этруск считал себя виновным в гибели ливийца, так как затея с добычей черного дерева принадлежала ему. Кави шагал сбоку печальной процессии, кусал губы и теребил бороду.

Пандиона тоже мучила совесть. Он тоже чувствовал себя виноватым. Нехорошо было, что он вдохновился изображением любимой девушки, когда ему нужно было создать произведение в память боевой дружбы разных людей, прошедших все испытания, верных перед лицом смерти, голода и жажды, в тоскливых днях тяжелого похода. «Как могла эта мысль не прийти мне прежде всего?» — спрашивал себя молодой эллин. Почему он забыл о дружбе, возникшей в борьбе за свободу? Неспроста его постигла неудача — боги наказали его за неблагодарность... Так пусть сегодняшнее горе научит видеть лучше...

* *Аид* — подземное царство в представлении эллинов, куда попадают души усопших после смерти.

Низкие лилово-серые облака грузно вползали на небесный свод, как стадо буйволов, сбивались в плотную массу. Слышались глухие раскаты. Надвигался ливень, люди поспешно втаскивали в хижины разбросанные вокруг вещи.

Едва Кави и Пандион успели укрыться в своем жилище, как в небе опрокинулась исполинская чаша, рев падавшей воды заглушил грохот грома. Ливень кончился быстро, как всегда, терпко пахли растения в посвежевшем, влажном воздухе, слабо журчали бесчисленные ручейки, стекавшие к реке и к морю. Мокрые деревья глухо шумели под ветром. Их шум был суров и печален, но ничем не напоминал быстрого шелеста листвы в сухие, погожие дни. Кави прислушался к голосу деревьев и неожиданно сказал:

— Я не прощаю себе смерти Такела. Винават я: мы пошли без опытного проводника, мы чужие в этой стране, где беспечность означает гибель. И что же, у нас нет черного дерева, а один из лучших товарищей лежит под грудой камней на берегу... Дорогая цена моей глупости... И я не решаюсь теперь итти снова. Платить сынам ветра нам нечем.

Пандион молча достал из своего мешочка горсть сверкающих камней и положил их перед этруском. Кави одобрительно закивал головой, затем внезапное сомнение отразилось на его лице.

— Если им неизвестна цена этих камней, сыны ветра могут отказаться взять их. Кто слышал о таких камнях в наших землях? Кто купит их, как драгоценности. Хотя... — этруск задумался.

Пандион испугался. Простая догадка Кави не приходила ему раньше в голову. Он упустил из виду, что камни в глазах купцов могут оказаться несостоящими. Смятение и страх за будущее заставили задрожать его протянутую к камням руку. Этруск, читая по лицу тревогу друга, заговорил снова:

— Хотя я слышал когда-то, что прозрачные камни особенной твердости привозились иногда на Кипр и в Карию с далекого востока и очень дорого ценились. Может быть, сыны ветра знают их?..

Наутро, после разговора с Кави, Пандион пошел по тропинке к подножию гор, где росли травянистые растения с желтыми плодами. Подходил срок возвращения Кидого. Друзья нетерпеливо ждали его. Этрусск и эллины хотели посоветоваться с ним, как добыть что-либо ценное для сынов ветра. Сомнения этруска разрушили уверенность Пандиона в ценности камней юга, и теперь молодой эллин не находил покоя. Невольно Пандион направлялся к горам в смутной надежде встретить отряд чернокожего друга. Помимо всего, ему хотелось побыть наедине, чтобы обдумать новое произведение, все яснее намечавшееся в его уме. Пандион неслышно ступал по крепкой, плотно утрамбованной земле тропинки. Он больше не хромал, к нему вернулась прежняя легкость походки. Попадавшиеся навстречу местные жители, нагруженные гроздьями желтых плодов, дружелюбно обнажали свои белые зубы или приветливо помахивали сорванными листьями. Тропа завернула налево. Пандион шел между двумя сплошными стенами сочной зелени, наполненной золотым сиянием солнечного света. В его горячем блеске плавно двигалась женщина. Пандион узнал Ньору. Она выбирала из свисавших гроздьев самые зеленые плоды и складывала их в высокую плетеную корзину. Пандион отступил в тень огромных листьев, чувство художника отодвинуло все другие мысли. Юная женщина переходила от одной грозди к другой, гибко склоняясь к корзине, и опять поднималась на кончики пальцев, вытянувшись всем телом, с руками, протянутыми к высоко висящим плодам. Золотые переливы солнца отблескивали на ее гладкой черной коже, оттененной свежей и яркой зеленью. Ньора слегка подпрыгнула и, вся изогнувшись, протянула руки в чашу бархатистых листьев. Увлеченный Пандион зацепил за сухой стебель — в глубокой тишине раздался громкий шорох. Молодая женщина мгновенно обернулась и застыла. Ньора узнала Пандиона, напрягшееся струной тело ее вновь стало спокойным, она перевела дыхание и улыбнулась молодому эллину. Но Пандион не заметил ничего этого. Крик восторга вырвался из его груди, широко раскрывшиеся

золотистые глаза смотрели на Ньору, не видя ее, рот приоткрылся в слабой улыбке. Смущенная женщина отступила. Чужеземец вдруг повернулся и бросился прочь, восклицая что-то на непонятном для нее языке.

Внезапно Пандион сделал великое открытие. Молодой эллин все время бессознательно и неуклонно шел к нему, все неотвязные думы, бесконечные размышления бродили около этого. Он не нашел бы его, если бы не видел так много, не сравнивал бы и не нащупывал собственного нового пути. В живом неподвижности быть не может! В живом и прекрасном теле нет никогда мертвой неподвижности, есть только покой, то есть мгновение остановки движения, закончившегося и готового смениться другим, противоположным. Если схватить это мгновение и отразить его в неподвижном камне, тогда мертвое оживет.

Вот что увидел Пандион в замершей от испуга Ньоре, когда она застыла, как статуя из черного металла. Молодой эллин уединился на небольшой поляне под деревом. Если бы кто-нибудь заглянул туда, то несомненно убедился бы в сумасшествии Пандиона: он делал резкие движения, сгибая и разгибая то руку, то ногу и тщательно следил за ними, скривив шею и мучительно перекашивая глаза. Молодой эллин вернулся домой только к вечеру, возбужденный, с лихорадочным блеском глаз. Он заставил Кави, к великому удивлению этруска, стоять перед собой, итти и останавливаться по команде. Этрусск сначала терпеливо сносил причуду друга, наконец, это ему надоело, и он, хлопнув себя по лбу, решительно уселся на землю. Но Пандион и тут не оставил Кави в покое — он разглядывал его, заходил то справа, то слева, пока этрусск не разразился бранью и, объявив, что Пандион схватил лихорадку, пригрозил связать эллина и водворить на ложе.

— Пошел к воронам! — весело закричал Пандион. — Я не боюсь тебя, я завью тебя винтом, как рог белой антилопы!

Кави еще не видал, чтобы его друг так ребячился. Он был рад этому, так как давно замечал душевное

угнетение молодого эллина. Ворча про мальчишку, издевающегося над отцом, этруск слегка ударил Пандиона, и тот, вдруг смирившись, заявил, что невероятно голоден. Оба друга уселись за ужин, и Пандион попытался объяснить этруску свое великое открытие. Вопреки ожиданию, Кави очень заинтересовался и долго расспрашивал Пандиона, стараясь вникнуть в сущность затруднений, стоящих перед скульптором при попытках воссоздать живую природу.

Этруск и эллин засиделись допоздна и заканчивали беседу в темноте.

И вдруг что-то заслонило проблеск звездного света в отверстии входа, и голос Кидого заставил их радостно вздрогнуть. Негр внезапно возвратился и сразу же решил проводить друзей. На вопрос, была ли удачна охота, Кидого отвечал неопределенно, ссылаясь на усталость, и обещал завтра показать трофеи. Кави и Пандион рассказали ему о смерти Такела и о походе Кави за черным деревом. Кидого страшно разъярился, осыпал друзей ругательствами, кричал про оскорбление его гостеприимства, даже назвал этруска старой гиеной. В конце концов негр утих: печаль о погибшем товарище взяла верх над гневом. Тогда этруск и эллин рассказали ему о своих тревогах по поводу платы сынам ветра и просили совета. Кидого отнесся к их беспокойству с величайшим равнодушием и ушел, так и не ответив на их вопросы.

Обескураженные друзья решили, что странное поведение Кидого вызвано печалью из-за гибели ливийца. Оба долго ворочались на ложах в молчаливом раздумье.

Кидого явился к ним поздно с печатью хитрого лукавства на добродушном лице. Он привел с собой всех ливийцев и целую толпу молодых мужчин. Сородичи Кидого подмигивали недоумевающим чужеземцам, громко хохотали, перешептывались и перекрикивались обрывками непонятных фраз. Они намекали на колдовство, будто бы свойственное их народу, уверяя, что Кидого умеет превращать простые палки в черное дерево и слоновую кость, а речной песок — в золото. Всю эту чепуху чужеземцы слушали по дороге к дому черного

друга. Кидого подвел их к небольшой кладовой. Она отличалась от других простых хижин меньшими размерами и наличием двери, подпертой громадным камнем. Кидого с помощью нескольких человек отвалил камень, молодежь стала по обе стороны распахнувшейся двери. Кидого, согнувшись, вошел в кладовую и поманил товарищей за собою. Кави, Пандион и ливийцы, ничего еще не понимая, молча стояли в полумраке, пока их глаза не привыкли к слабому свету из кольцевой щели между навесом конической крыши и верхним краем глинобитной стены. Тогда они увидели несколько толстых черных бревен, груды слоновых клыков и пять высоких открытых корзин, доверху насыпанных целебными орехами. Кидого, внимательно следя за лицами товарищей, громко сказал:

— Это все ваше. Это собрал вам мой народ на легкий и счастливый путь! Сыны ветра должны взять с собою два десятка людей, а не один за такую цену...

— Твой народ дарит нам столько... за что?!.— воскликнул потрясенный Кави.

— За то, что вы хорошие люди, храбрые люди, за то, что вы совершили столько подвигов, за то, что вы мои друзья и помогли мне вернуться, — стараясь казаться невозмутимым, перечислял Кидого. — Но подождите, это не все! — Негр шагнул в сторону, сунул руку между корзин и вытащил мешочек из крепкой кожи размером не меньше головы человека.

— Возьми! — Кидого протянул мешочек Кави.

Этруск, подставивший ладони, согнулся от неожиданной тяжести и едва не выронил мешка. Негр оглушительно захохотал и заплясал от восторга. Громкий веселый смех молодежи вторил ему за стенами кладовой.

— Что это? — спросил Кави, продолжая прижимать к себе тяжелый мешочек.

— Ты спрашиваешь, мудрый старый воин, — веселился Кидого, — точно не знаешь, что в мире имеет такую тяжесть одна лишь вещь!

— Золото! — воскликнул этруск на своем языке, но негр понял.

— Да, золото, — подтвердил он.

— Где же ты взял столько? — вмешался Пандион, ощупывая туго набитый мешочек.

— Вместо охоты мы ходили на золотоносное плоскогорье. Восемь дней мы перекапывали там песок и промывали его в воде... — Негр помолчал, потом закончил: — Сыны ветра не довезут вас до родины. Там, на вашем море, всем вам предстоит разные дсроги, и каждый сможет добраться до своего дома. Разделите золото и спрячьте хорошо, так, чтобы не видели сыны ветра в пути.

— Кто еще был с тобой на этой «охоте»? — быстро спросил этруск.

— Вот все они, — негр показал на сгрудившихся у входа юношей.

Радостные, растроганные до слез друзья бросились к неграм со словами благодарности. А те смущенно переминались с ноги на ногу и понемногу исчезали за домом.

Товарищи вышли из кладовой, завалили дверь камнем. Кидого внезапно стал молчалив, веселость его исчезла. Пандион привлек к себе черного друга, но тот высвободился из его объятий, положил эллину руки на плечи и долго смотрел в его золотистые глаза.

— Как я расстанусь с тобой, Кидого! — против воли вырвалось у Пандиона.

Пальцы негра впились в его плечи.

— Бог молнии видит, — сдавленно произнес Кидого: — я отдал бы все золото плоскогорья, отдал бы все, что у меня есть, до последнего копыа, за то, чтобы ты согласился жить со мной навсегда... — Лицо негра исказилось, он закрыл глаза руками. — Но я даже не прошу тебя, — голос Кидого дрожал, прерываясь: — в плену я узнал, что такое родина... Я понимаю, ты не можешь остаться... и я, вот видишь, сам стараюсь, чтобы ты уехал... — Негр внезапно отпустил Пандиона и бросился к дому.

Молодой эллин смотрел вслед другу, и слезы туманили его взор. Этруск тяжело вздохнул за спиной Пандиона.

— Придет время, и мы с тобой разойдемся, — тихо и печально сказал Кави.

— Наши с тобой дома не так уж далеко, и корабли плавают там часто, — сказал, повернувшись к нему, Пандион. — А Кидого... останется здесь, на краю Ойкумены.

Этруск ничего не ответил.

Успокоившись за будущее, Пандион весь отдался творчеству. Он торопился, — величие обретенной в борьбе за свободу дружбы вдохновляло его и заставляло спешить. Он заранее видел все подробности геммы.

Три человека должны были стоять, обнявшись, на фоне моря, к которому они стремились, моря, возвращавшего их на родину.

Пандион решил изобразить на большой плоской грани своего камня троих друзей — Кидого, Кави и себя в сверкающем, прозрачном свете морской дали, которую как нельзя лучше олицетворял собою голубовато-зеленый кристалл.

Молодой скульптор сделал несколько набросков на тонких пластинках слоновой кости, употреблявшихся женщинами племени для растирания каких-то мазей. Сделанное им открытие принуждало его постоянно видеть перед глазами живые тела, но это не составляло затруднения. Этруск и так был с ним все время, а Кидого, предчувствуя близкий приход кораблей сынов ветра, оставил свои дела и был неразлучен с друзьями.

Часто Пандион заставлял этруска и негра стоять перед ним, обнявшись, и те, посмеиваясь, исполняли просьбу.

Друзья подолгу беседовали, поверяя все свои сокровенные мысли, тревоги и планы, а в глубине души каждого острым гвоздем сидела мысль о неизбежности расставания.

Пандион, разговаривая, не терял времени даром и упорно резал твердый камень. Иногда скульптор замолкал, взгляд его становился острым и пронизы-

вающим, — эллин ловил в чертах друзей какую-то важную для него подробность.

Все выпуклее и живее становились три обнявшиеся мужские фигуры. В центре можно было узнать огромного Кидого, справа от него, слегка повернувшись к оставшемуся кусочку гладкой грани, стоял Пандион, а слева — этруск, оба с копьями в руках. Кави и Кидого находили большое сходство с собою, но уверяли Пандиона, что он плохо изобразил себя. Скульптор, улыбаясь, отвечал, что это неважно.

Фигуры друзей, несмотря на маленькие размеры, были совершенно живыми, подлинное мастерство проступало в каждой подробности. Повороты тел были сильны, резки и в то же время изящно сдержанны. В руках Кидого, широко раскинутых на плечах этруска и эллина, Пандиону удалось выразить движение защиты и братской нежности. Кави и Пандион стояли с внимательно, почти угрожающе наклоненными головами, исполненные напряженной бдительности мощных воинов, готовых уверенно отразить любого врага, защитить свою свободу. Именно это впечатление мощи и уверенности создавала вся группа, и Пандион старался выразить в своем произведении все лучшее, что было в людях, ставших ему дорогими по пути из рабства на родину. Скульптор понял, что ему, наконец, удалось создать настоящее произведение искусства. Кидого и Кави перестали подтрунивать над Пандионом. Затаив дыхание, они часами следили за движениями волшебного резца, и смутное преклонение перед мастерством художника определяло их теперешнее отношение к Пандиону. Их молодой друг, смелый, веселый и даже ребячливый, подчас забавный своим восторгом перед женщинами, оказался великим художником! Это одновременно и радовало и удивляло Кидого и Кави.

Дни летели быстро. Пандион вдруг спохватился. Прошло около полутора месяцев, и срок, назначавшийся для прибытия сынов ветра, уже миновал. Беспокойство и облегчение смешались в душе молодого эллина — беспокойство потому, что сыны ветра могли вовсе не приехать, а облегчение при мысли, что неиз-

бежная разлука с Кидого отодвигается. В тревожном томлении Пандион иногда оставлял свою работу, — впрочем, она была почти окончена. Эллин опять стал часто ходить к морю, стараясь возвращаться быстрее, чтобы не отделяться от друзей.

Однажды Пандион собрался идти на обычное купанье. Он встал и позвал с собой друзей, но те отказались, затеяв горячий спор о разных способах приготовления жевательных листьев. Вдали послышался шум многочисленных голосов, крики и восторженные вопли, какими пылкие сородичи Кидого сопровождали каждое событие. Кидого вскочил, серый пепел бледности разлился у него по лицу, даже грудь негра посветлела. Чуть пошатнувшись, Кидого побежал к своему дому, крикнув через плечо встревоженным друзьям:

— Наверное, сыны ветра!

Кровь бросилась в головы этруска и эллина, они тоже пустились бежать по известной Пандиону короткой тропинке к морю. На гребне холма Пандион и Кави остановились.

— Верно, сыны ветра! — закричал Кави.

Темнофиолетовая тень огромной горы легла на берег, простерлась вдаль, затемнив блеск моря и бросив на него хмурый оттенок лесных чащ. Черные корабли, похожие на корабли эллинов, с выпуклыми, как лебединые груди, носами, уже были выдвинуты на посереженный песок. Их было пять. Со спущенными мачтами суда походили на больших черных уток, уснувших на песке.

Перед кораблями быстро ходили взад и вперед бородатые воины в грубых серых плащах, сверкая медной оковкой круглых щитов и раскачивая в руках широкие топоры на длинных рукоятках. Начальники, купцы и все свободные от охраны люди с кораблей, повидимому, уже ушли в город Кидого. Этрусск и эллин повернули назад.

У хижины их нетерпеливо поджидал Кидого.

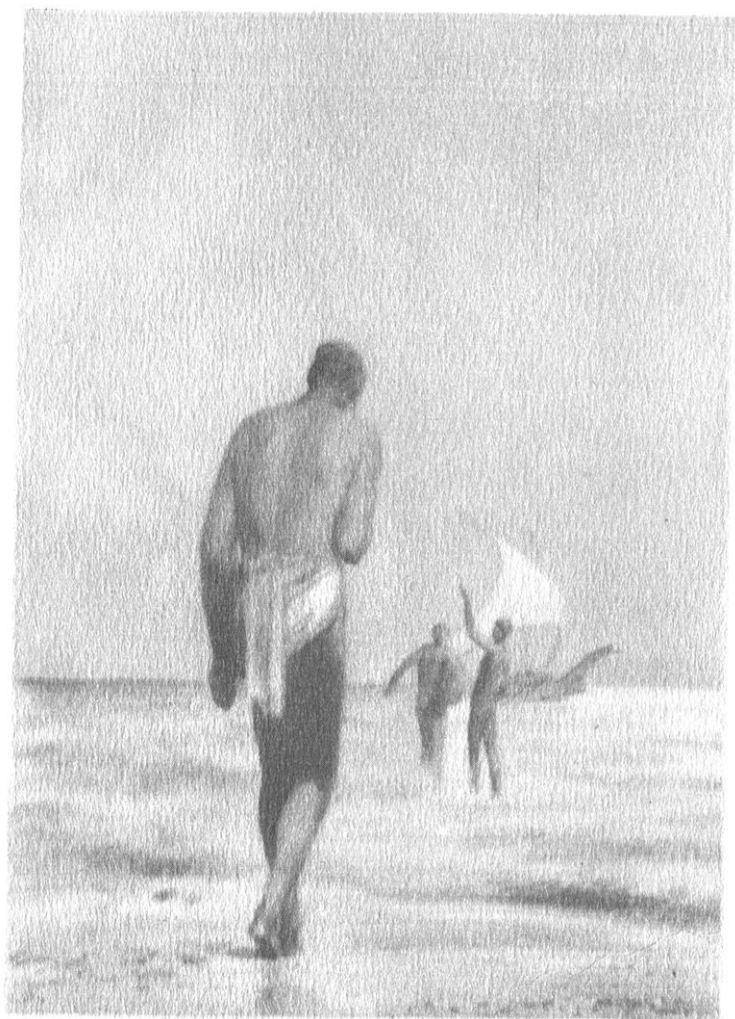
— Сыны ветра у вождей, — сообщил негр. — Я просил дядю, он скажет главному нашему вождю, и тот сам будет вести переговоры с ними о вас. Так

будет крепче. Сынам ветра опасно ссориться с ним, они доставят всех вас в целости, — негр улыбнулся криво и невесело.

Сотни людей собрались на берегу проводить отплывающие суда. Сыны ветра торопились — солнце клонилось к закату, а им почему-то хотелось обязательно начать плавание сегодня. Корабли, уже нагруженные, медленно покачивались у края рифов. Среди груза лежал дар народа Кидого — плата за возвращение бывших рабов на родину. До кораблей нужно было идти по груди в воде через береговую отмель. Начальники сынов ветра замешкались, на прощание упрасывая вождей приготовить побольше товаров на будущий год, клялись во что бы то ни стало прибыть в назначенный срок.

Кави стоял рядом с Кидого, держа одной рукой большой сверток с шкурой и черепом страшного гишу. На прощание черный друг подарил Пандиону и Кави два больших метательных ножа. Это военное изобретение народа Тенгрелы имело вид широкой бронзовой пластины, глубоко рассеченной на пять концов — четыре серповидно изогнутых и отточенных, к пятому, откованному наподобие пальца, была прикреплена короткая роговая рукоятка. Оружие, брошенное умелой рукой, со свистом вращалось в воздухе и убивало жертву наповал с двадцати локтей расстояния.

Со стесненным сердцем Пандион оглядывался вокруг, присматриваясь к своим новым спутникам и хозяевам. Их жесткие, обветренные лица были цвета темного кирпича, нестриженные бороды лохматились вокруг щек, в тяжелой развалистой походке, суровых складках губ и лба не было ни капли легкого добродушия, характерного для собратьев Кидого. Но все же Пандион почему-то верил этим людям, может быть, потому, что сыны ветра, как и он, были преданы морю, жили с ним в согласии и понимали его. Или потому, что в их речи Пандион и Кави встречали знакомые слова.

К стр. 289.

Сыны ветра охотно согласились взять бывших рабов на корабли за предложенную вождем плату. Дяде Кидого Иорумефу удалось даже выторговать шесть клыков и две корзины целебных орехов. Этот остаток погрузили на корабль как достояние Кави, ливийцев и Пандиона. Сыны ветра разделили людей вопреки их желанию. На одном корабле ехало шестеро ливийцев, на другом — Кави с Пандионом и три ливийца.

Гавань сынов ветра оказалась поблизости от Ворот Туманов, на огромном расстоянии от родины Кидого — не меньше двух месяцев плавания при самой благоприятной погоде. Кави и Пандион даже растерялись, — они не представляли себе истинную дальность пути и поняли, что сыны ветра такие же выдающиеся борцы с морем, какими были повелители слонов в борьбе с мощью степей Африки. От гавани сынов ветра до родины Пандиону предстояло еще проплыть почти все Великое Зеленое море, но это расстояние было в два с половиной раза меньше, чем путь от города Кидого к гавани сынов ветра. Сыны ветра успокоили Пандиона и Кави заверением, что к ним часто приплывают корабли финикийцев из Тира, с Крита, Кипра и большого Ливийского залива *.

Но Пандион сейчас, стоя на берегу, не думал об этом. В смятении он оглядывался на море, словно пытался измерить предстоящий ему огромный путь, и поворачивался к Кидого. Начальник всех кораблей, с обручем кованого золота в курчавых волосах, громко закричал, приказывая итти на суда.

Кидого схватил за руки Пандиона и Кави, не скрывая слез.

— Прощай навсегда, Пандион, и ты, Кави, — шептал негр. — Там, на далекой своей родине, вспомните о Кидого, верном и любящем вас обоих. Вспомните наши дни в рабстве в Та-Кемте, когда только дружба поддерживала нас, дни мятежа, бегства, дни великого похода к морю... Я буду с вами в моих мыслях. Вы уходите навеки от меня, вы, ставшие мне до-

* *Большой Ливийский залив* — залив Большой Сирт на северном побережье Африки к западу от Египта.

роже жизни. — Голос негра окреп. — Я буду верить, что когда-нибудь люди научатся не бояться просторов мира. Моря соединят их... Но я не увижу вас больше... Велико мое горе... — огромное тело Кидого затряслось от рыданий.

В последний раз соединились руки друзей, сыны ветра закричали с корабля...

Руки Пандиона разжались, отошел Кави. Этруск и эллин вступили в теплую воду и, скользя на камнях, поспешили к судам.

В первый раз после долгих лет Пандион ступил на палубу; на него повеяло давно ушедшими в прошлое днями счастливых путей. Но прошлое только мелькнуло в памяти и скрылось опять. Все мысли сосредоточились на высокой черной фигуре, стоявшей отдельно от толпы, у самого края воды. Весла плеснули и зачастили мерными ударами, корабль вышел за линию рифов. Тогда моряки подняли большой парус, и ветер подхватил судно.

Все меньше становились люди на берегу; скоро маленькая черная точка обозначала утраченного навсегда для друзей Кидого. Надвинувшиеся сумерки скрыли берег, только темный горный кряж угрюмо громоздился за кормой. Кави смахивал уже не первую крупную слезу. Огромная летучая мышь, залетевшая с берега, вдоль которого направлялись суда, чуть задела крылом лицо Пандиона. Это шелковистое прикосновение показалось эллину последним приветствием покинутой страны. Что ждет его на родине после долгого отсутствия? Как будет он жить среди своих, когда вернется? Кого он найдет? Тесса — да жива ли она, любит ли его попрежнему, или?..

Корабли угрюмо ныряли в волнах, обращенные носами к западу. Только после месяца пути они повернут на север — так сказали сыны ветра. Мощное дыхание океана шевелило волосы Пандиона. Рядом с ним сновали деловито и неторопливо молчаливые моряки. Сыны ветра — потомки древних критских мореходов — Пандиону казались более чужими, чем чернокожие обитатели Африки. Эллин сжал в руке висевший на груди мешочек с камнем, хранившим облик

Кидого, и пошел к товарищам, печально жавшимся в уголке чужого корабля...

Из-за гор поднялся оранжевый круг луны. В ее свете океан — Великая Дуга, обнимающая все земли мира, — предстал изрытым черными впадинами, над которыми плавно двигались светлые вершины волн. Маленькие корабли смело шли вперед, то взбрасывая носы в звездное небо и рассыпая вокруг серебристые брызги, то проваливаясь вниз, в глухо шумящую темноту. Пандиону это казалось похожим на его собственный жизненный путь. Впереди, вдали, блестящие верхушки валов сливались в одну светящуюся дорогу, звезды спускались вниз и качались в волнах, как бывало давно, у берегов родины. Океан принимал отважных людей, соглашался нести их на себе в безмерную даль, домой...

— Ты видел, Эвпалин, гемму на камне цвета моря — самое совершенное творение в Энниаде, истиннее сказать, во всей Элладе?

Эвпалин ответил не сразу. Он прислушался к звонкому ржанию любимого коня, которого держал рослый раб, плотнее запахнувшись в плащ из тонкой шерсти. Весенний ветерок в тени навеса пронизывал холодом, хотя серые склоны каменистых гор, вздымавшиеся перед собеседниками, уже были покрыты цветущими деревьями. Внизу нежно-розовыми облачками протянулись рощицы миндаля, выше темнорозовые, почти лиловые пятна означали заросли кустарников. Холодный ветер, спускавшийся с гор, источал миндальный аромат и несся над долинами Энниады вестником новой весны. Эвпалин втянул ноздрями ветер, постучал пальцем по деревянной колонне и медленно сказал:

— Я слышал, ее сделал приемный сын Агенора, тот, что так долго скитался где-то. Его считали умершим, но он недавно вернулся из очень далекой страны.

— А дочь Агенора, красавица Тесса... Ты слышал, конечно, о ней?

— Слышал, что она шесть лет не хотела выходить замуж, веря, что вернется ее возлюбленный. И ее отец-художник позволил ей...

— Я знаю, что не только позволил, даже сам ждал все время приемного сына.

— Редкий случай, когда ожидание оправдалось! Он действительно не погиб и сделался мужем Тессы и замечательным художником, Жалею, что не пришлось тебе увидеть гемму, — ты хороший знаток и оценил бы ее!

— Я послушаюсь тебя и поеду к Агенору. У Ахелсева мыса живет он, всего двадцать стадий туда...

— О нет, Эвпалин, ты опоздал. Мастер, что создал гемму, подарил ее, подумай только, своему другу, бродяге-этруску. Он привез его, заболевшего в пути, в дом Агенора, вылечил, и когда бродяга собрался к себе, отдал ему то, что могло бы прославить всю Энниаду. А этруск наградил его шкурой сквернообразного зверя, неслыханного доселе и страшного...

— Нищим он уехал и вернулся таким же. Или он ничему не научился в скитаниях, что делает драгоценные подарки кому попало?

— Нам с тобой трудно понять человека, столь долго бывшего на чужбине. Но мне жаль, что гемма ушла от нас!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	3
<i>Глава первая. Ученик художника</i>	11
<i>Глава вторая. Пенная страна</i>	39
<i>Глава третья. Раб фарзона</i>	69
<i>Глава четвертая. Борьба за свободу</i>	98
<i>Глава пятая. Золотая степь</i>	143
<i>Глава шестая. Темная дорога</i>	180
<i>Глава седьмая. Сила лесов</i>	215
<i>Глава восьмая. Сыны ветра</i>	251

Уважаемые читатели!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также пожелания писателю и издательству.

Укажите ваш адрес, профессию и возраст.

Пишите по адресу: Москва, Суцьевская ул., 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

Переплет и титул *В. Носкова*
Иллюстрации, заставки, концовки
Н. Гришина

Редактор *В. Вилкова*

Худож. редактор *Н. Печникова*
Техн. редактор *Н. Михайловская*

А05978 Подп. к печати 25/IX 1952 г.
Уч.-изд. л. 14,6 Бумага 84 × 103¹/₃₂ =
4,625 бум. л. = 15,17 печ. л. Заказ 1324
Тираж 75 000 Номинал по прейску-
ранту 1952 г. Цена 6 руб. 50 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва
«Молодая гвардия» Москва,
Сушевская, 21.

Цена 6 р. 50 к.

(по прейскуранту 1952 г.)